

Трѣхли́стникъ полатѣнскій, лопухъ
ЛЕЧЕБНЫЙ САД
ДЛЯ УВЕСЕЛЕНИЙ
Чем на Руси царей пользовали
порубки. дѣланіе !

*И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!*

Анна Ахматова

РУССКИЙ МИР – это прежде всего мир России, в котором люди разных национальностей, веры и убеждений объединены одной исторической судьбой и общим будущим.

РУССКИЙ МИР – это наши соотечественники в странах ближнего и дальнего зарубежья, эмигранты из России и их потомки, иностранные граждане, говорящие на русском языке, изучающие или преподающие его, и все те, кто искренне интересуется Россией.

РУССКИЙ МИР – это примирение, согласие, лад.

РУССКИЙ МИР – это община, общность, социальная и культурная гармония.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это международный культурный проект, осуществляемый на принципах партнерства и сотрудничества российским фондом «Русский мир» и ведущими мировыми образовательно-просветительскими структурами.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это:

- информационная и обучающая система, позволяющая получить доступ к большим массивам учебной и научной информации из России и предоставляющая возможность обучения русскому языку и культуре на основе прогрессивных методик и программ.
- творческая и коммуникативная площадка для проведения различных акций и мероприятий в гуманитарной сфере и организации диалога культур.

НОВЫЙ ГОД, ЧТО ОН НАМ НЕСЕТ...

ОБЫЧНО В ПЕРВЫЕ ДНИ НОВОГО ГОДА И НАКАНУНЕ аналитики и даже астрологи упражняются в прогнозах на тему, что принесет этот год. Кто-то рассуждает всерьез, кто-то стремится удивить чем-то шокирующим. Прогнозы хорошо читаются в новогодние каникулы, но потом их почти сразу забывают, а под конец года никто к ним не возвращается и не сравнивает – что предсказали и что из этого сбылось.

Как правило, большинство прогнозов проваливается. Как говорится, если хотите рассмешить Бога, расскажите ему о ваших планах. Или прогнозах. Разве что астрологи настаивают, что они были во всем правы, поскольку пишут свои прогнозы так, чтобы потом можно было повернуть их трактовку куда угодно.

Доводилось читать уже и самые «страшные» прогнозы, касающиеся нашей страны. Кто-то пророчит ей войну с Украиной или Америкой, кто-то гиперинфляцию и падение экономики, а за компанию и рубля. Другие, наоборот, успокаивают и даже обнадеживают: коронавирус отступит, наша экономика начнет подниматься. И вообще, то ли уже наступила, то ли вот-вот наступит эра Водолея, что для России крайне благоприятное время, и начнется ее настоящий расцвет.

Мы, в свою очередь, не будем упражняться в прогнозировании того, что не сбудется.

Мы просто надеемся, что 2022 год не принесет неприятных неожиданностей, а те неожиданности, которые он принесет, пусть будут только приятными. Для вас, вашей семьи, для страны и для всего мира. И пусть все будет мирно и спокойно. В отличие от прогнозов надежды как раз имеют свойство иногда сбываться. 🍀

РУССКИЙ МИР

06 Русские омбудсмены Латвии

ИНТЕРВЬЮ

08 «Русский путь –
путь любви...»

14 Поэт счастья,
любви и свободы

ИСТОРИЯ

18 Принц Густав
из Углича

26 Эскиз к портрету
адмирала
Крузенштерна

34 Душистый
архипелаг
Москвы

НАСЛЕДИЕ

42 Царица
призрачного трона

50 На пространствах
избранных родин

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

58 Пересечение
судеб

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

64 Центр силы

КУЛЬТУРА

72 Портретист
Просвещения

ЛЮДИ И ВРЕМЯ

82 На гусях только девушки

ГОРОДА РОССИИ

88 Кузьма, Куба
и Васюки

Фонд «Русский мир»

Председатель правления
фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Андрей СИДЕЛЬНИКОВ

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 981-66-70 (доб. 109)

Над номером работали:
Арина АБРОСИМОВА
Алла БЕРЕЗОВСКАЯ
Александр БУРЫЙ
Екатерина ЖИРИЦКАЯ
Дмитрий ЗЛОДОРОВ
Михаил ЗОЛОТАРЕВ
Дмитрий КОПЕЛЕВ
Ирина ЛУКЬЯНОВА
Алексей МАКЕЕВ
Елена МАЧУЛЬСКАЯ
Денис ХРУСТАЛЁВ
Марина ЯРДАЕВА

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гламур-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 3 000 экз.

Адрес редакции:
117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (499) 519-01-68
Сайт журнала:
<https://rusmir.media>
Электронный адрес:
rusmir@rusmir.media

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

На обложке:
коллаж Антона БИЗЯЕВА

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА

КОЗАК Д.Н.

Заместитель руководителя Администрации Президента Российской Федерации, председатель попечительского совета Фонда

КРАВЦОВ С.С.

Министр просвещения Российской Федерации, заместитель председателя попечительского совета Фонда

ЛАВРОВ С.В.

Министр иностранных дел Российской Федерации

ЛЮБИМОВА О.Б.

Министр культуры Российской Федерации

ФАЛЬКОВ В.Н.

Министр науки и высшего образования Российской Федерации

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

НИКОНОВ В.А.

Первый заместитель председателя комитета Государственной думы по международным делам, председатель правления Фонда

АЛЯУТДИНОВ Р.Ж.

Директор Департамента по гуманитарному сотрудничеству и правам человека МИД России

БОГДАНОВ С.И.

Ректор федерального государственного бюджетного учреждения высшего образования «Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена»

КОРТАВА Т.В.

Проректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

ОСАДЧИЙ М.А.

Проректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина»

ШЕВЦОВ П.А.

Заместитель руководителя Россотрудничества

СОСТАВ НАБЛЮДАТЕЛЬНОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ТОЛСТОЙ В.И.

Советник президента Российской Федерации, председатель наблюдательного совета Фонда

ВАРЛАМОВ А.Н.

Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Литературный институт имени А.М. Горького»

ВАСИЛЬЕВА О.Ю.

Председатель попечительского совета федерального государственного бюджетного учреждения «Российская академия образования»

ВЕРШИНИН С.В.

Заместитель министра иностранных дел Российской Федерации

**ИЛАРИОН
(АЛФЕЕВ Г.В.)**

Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

КРОПАЧЕВ Н.М.

Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

МАСЛОВ И.В.

Начальник Управления Президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.

Президент Фонда изучения исторической перспективы

НЕВЕРОВ И.С.

Начальник Управления Президента Российской Федерации по внешней политике

НИКОНОВ В.А.

Первый заместитель председателя комитета Государственной думы по международным делам

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.

Генеральный директор федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»

ПРИМАКОВ Е.А.

Руководитель Россотрудничества

САДОВНИЧИЙ В.А.

Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

СИМОНЬЯН М.С.

Главный редактор федерального государственного унитарного предприятия «Международное информационное агентство «Россия сегодня»

ТОРКУНОВ А.В.

Ректор федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

ФИЛАТОВ А.Е.

Начальник Управления Президента Российской Федерации по приграничному сотрудничеству

РУССКИЕ ОМБУДСМЕНЫ ЛАТВИИ

АВТОР

АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ

В РИГЕ ПРОШЛА ЕЖЕГОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ЛАТВИЙСКОГО КОМИТЕТА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА (ЛКПЧ), В ХОДЕ КОТОРОЙ ЕЕ ОРГАНИЗАТОРЫ РАССКАЗАЛИ ЖУРНАЛИСТАМ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭТОЙ СТАРЕЙШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНЬШИНСТВА ЛАТВИИ.

ЛКПЧ БЫЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН в 1996 году, хотя в борьбу за права русскоязычного населения его учредители и активисты включились на несколько лет раньше, когда в стране начались процессы, связанные с выходом из состава СССР и появлением в Латвии института неграждан. Тогда тысячи людей, в основном русскоязычных, были лишены гражданства Латвии, что для многих обернулось поражением в правах, а то и депортацией. ЛКПЧ насчитал более 80 различий в правах граждан и неграждан Латвии. Отстаивать права соотечественников в те времена взялась партия «Равноправие» во главе с преподавателем Латвийского университета Татьяной Жданок и ее соратниками. Одним из них был кандидат технических наук Владимир Бузаев, позже возглавивший ЛКПЧ. За свою принципиальную позицию в отстаивании прав русскоязычного населения Совет общественных организаций Латвии в 2017 году избрал Владимира «народным омбудсменом». Таким же уважаемым в русскоязычном сообществе страны был и исполнительный секретарь ЛКПЧ юрист Александр Кузьмин, трагически погибший летом 2021 года.

Общими усилиями «русским омбудсменам» только за последние десять лет удалось выиграть в латвийских судах более 150 исков, составленных по просьбам жителей Латвии, ущемленных в гражданских правах и правах человека. В 2020–2021 годах правозащитники вместе с активом партии «Русский союз Латвии» (РСЛ) стали главной движущей силой в составлении и отправке в Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) и в Комитет ООН по правам человека более 200 исков от родителей учащихся

русских школ в связи с переводом всех учебных заведений в стране на латышский язык обучения. Отправка новых родительских жалоб и работа над ними продолжается, ведь запрет на обучение на родном языке коснулся теперь и детей в детских садах. Открывая конференцию, правозащитники почтили минутой молчания память Александра Кузьмина. Рассказывая о проделанной работе, Владимир Бузаев еще не раз упоминал своего соавтора по альтернативным правительственным докладом о ситуации с правами человека в Латвии. Александр Кузьмин выступал с ними на заседаниях нескольких комитетов ООН. По итогам этих выступлений Латвия получила настоятельные рекомендации о необходимости прекратить дискриминацию нацменьшинств в сфере гражданства и отказаться от языковых ограничений во всех областях. Группа Специальных докладчиков ООН, изучив поступившую от ЛКПЧ информацию о ликвидации в Латвии школьного образования на родных языках нацменьшинств, обратилась к правительству страны с письмами, в которых говорилось о недопустимости языковых ограничений в школьном, высшем и дошкольном образовании.

Сопредседатель ЛКПЧ Владимир Бузаев – четверть века на посту

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

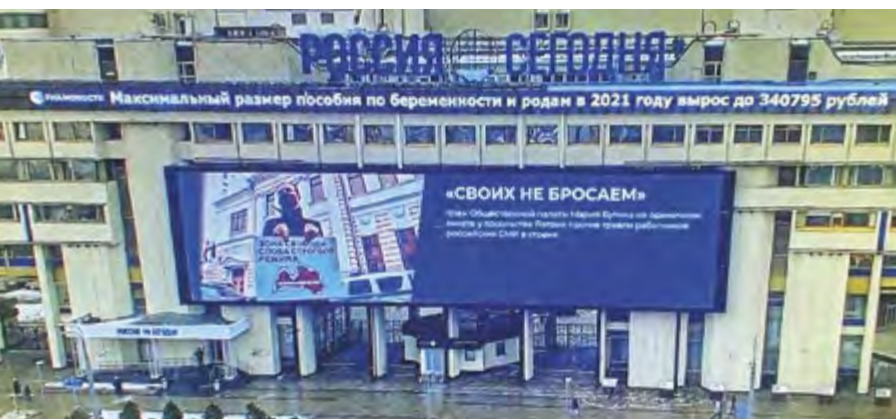
Но латвийские власти проигнорировали эти замечания, ссылаясь на их рекомендательный характер.

А вот от выполнения решений европейских судебных инстанций они вряд ли смогут отмахнуться. С марта 2021 года ЕСПЧ начал рассмотрение родительских исков из Латвии.

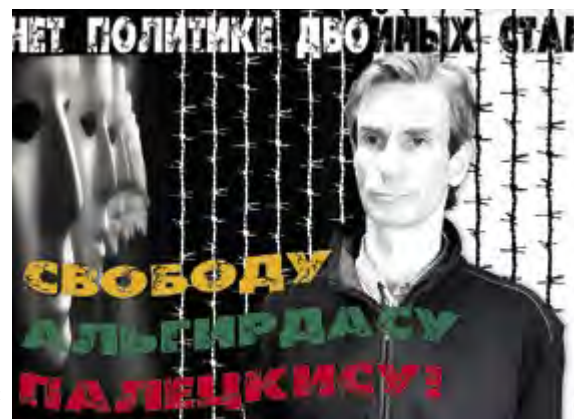
На конференции правозащитников было уделено много внимания и судьбам политических узников в странах Балтии. Кстати, ЛКПЧ вниманием правоохранительных органов тоже не был обделен. Поэтому он и зарегистрирован в Латвии как филиал парижской Международной федерации за права человека, которой в этом году исполняется 100 лет. Как выразился Владимир Бузаев, «против такого лома» в Латвии не было заготовлено приема, так что в 1996 году ЛКПЧ было выдано регистрационное удостоверение. А вот в Литве и Эстонии такого разрешения на создание аналогичного комитета получить не удалось. Поэтому латвийским правозащитникам приходится выступать не только за местных жертв политических репрессий, но и за их коллег по несчастью в соседних республиках.

На конференции упоминались уголовные дела оппозиционного публициста, экономиста Александра Гапоненко, который за свои критические публикации в СМИ и «Фейсбуке» был обвинен в «разжигании ненависти» и приговорен судом первой инстанции к году лишения свободы условно. Разбирательства по делу Гапоненко длятся уже почти пять лет, все эти годы ЛКПЧ в союзе с РСЛ и Латвийским антинацистским комитетом выступает в его защиту. В том числе благодаря деятельности правозащитников к судьбе Гапоненко удалось привлечь внимание мировой общественности, что в итоге помогло его освобождению из-под стражи во время следствия.

А вот редактору русскоязычного интернет-портала «ИМХО-клуб» журналисту Юрию Алексееву повезло меньше. Около трех лет назад против него было возбуждено уголовное дело по сфабрикованному обвинению в разжигании межнациональной розни и деятельности, угрожающей безопасности страны. Осенью 2021 года суд первой инстанции признал вину опального журналиста и приговорил его к 14 месяцам тюрем-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

За русских журналистов Латвии вступились их коллеги в России

ного заключения. Сейчас он готовится к апелляционному суду. По призыву ЛКПЧ в Латвии был объявлен сбор средств на защиту Алексева, сумма, необходимая для оплаты судебных издержек и экспертиз, была собрана за две недели.

Жертвой политических репрессий можно назвать и молодого русского филолога Александра Филя, обвиняемого в «оправдании преступлений советского режима» за его сатирический пост в социальных сетях. Следствие и суд длятся уже три года, а сам Филей находится под подпиской о невыезде.

Еще один случай – уголовное дело, возбужденное против 14 латвийских журналистов, сотрудничающих с российским информационным агентством «Россия сегодня». По мнению властей Латвии, журналисты нарушили европейские санкции, поскольку передают статьи и фотографии находящемуся под санкциями Евросоюза директору агентства Дмитрию Киселеву. И хотя введенные в отношении него санкции носят персональный характер, в Латвии руководствуются собственным расширительным толкованием европейского судебного решения. У семи журналистов провели обыски с изъятием всей рабочей оргтехники и информационных носителей и после допросов запретили им покидать Латвию без разрешения следователя. Сейчас дело находится в прокуратуре, после чего будет передано в суд.

Одними из первых в защиту журналистов выступили евродепутат Татьяна Жданок и депутаты Рижской думы

из РСЛ, выйдя вместе с правозащитниками ЛКПЧ в пикет у памятника Свободы в центре Риги. За 2021 год правозащитники и депутаты написали более 10 петиций в международные организации, привлекая внимание к этому делу. Но европейские и мировые институты по правам человека и свободы СМИ не спешат высказываться в защиту жертв политических гонений в странах Евросоюза. ЛКПЧ не раз выступал и в защиту литовских политических узников: журналиста Альгирдаса Палецкиса и координатора «Бессмертного полка» в Клайпеде Алексея Грейчуса, бездоказательно обвиняемых в шпионаже в пользу российской разведки. Оба оппозиционных активиста приговорены соответственно к шести и четырем годам тюрьмы.

По схожей статье более 10 месяцев под следствием за решеткой находится известный эстонский правозащитник, публицист Сергей Середенко. Не раз латвийские коллеги обращались к эстонским властям с просьбой об изменении меры пресечения 58-летнему юристу. Вместе с соратниками из нескольких стран они принимали участие в пикетах у эстонского посольства в защиту Середенко.

Литовского оппозиционного журналиста Альгирдаса Палецкиса приговорили к шести годам лишения свободы за инакомыслие. Апелляционный суд в Вильнюсе 12 января 2022 года должен вынести ему окончательный вердикт

Рига. 2021 год. Правозащитники во главе с евродепутатом Татьяной Жданок на акции протеста против политических репрессий в Латвии

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

С самого начала правозащитникам пришлось заниматься решением и множества житейских проблем, с которыми столкнулись соотечественники в Латвии. Кого-то выселяли из домов, кому-то не давали вид на жительство и хотели депортировать из страны, кого-то увольняли с работы из-за плохого знания латышского языка, кому-то незаконно отказывали в пенсии из-за службы в Советской армии и т.д. Не находя понимания, а то и средств, чтобы решить свои проблемы в муниципальных организациях, люди шли в ЛКПЧ. В 2020–2021 годах, когда вся Латвия сидела на карантине, правозащитники не прерывали работы, консультируя всех желающих очно или с использованием современных средств связи. Таких рабочих контактов с посетителями за последние десять лет было около 7 тысяч, в том числе более 500 в 2021 году.

«Считаю, что наша правозащитная деятельность все эти годы была очень важна и не прошла даром, – говорит Владимир Бузаев. – Сопротивление, когда прямо дают понять, что с тобой собираются поступить несправедливо, необходимо. Оно способствует нормальному развитию государства и не позволяет ему скатиться к этнократическому режиму без всяких прав и свобод. На мой взгляд, мы все внесли свой вклад в латвийскую демократию. Мы продолжаем борьбу – теперь уже за права и интересы русскоязычных детей, желающих учиться на родном языке. Ведь главное, что эти дети вообще есть и их родители живут здесь. Мы сумели сохранить русскую общину и не дать ее вытеснить из Латвии окончательно. Я считаю, что это и есть главная заслуга нашей деятельности».

«РУССКИЙ ПУТЬ – ПУТЬ ЛЮБВИ...»

БЕСЕДОВАЛА

АРИНА АБРОСИМОВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ПАМЯТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ХРУПКА И НЕНАДЕЖНА. ТАЮТ В БЕЗЖАЛОСТНОМ ВРЕМЕНИ ЛИЦА, ГОЛОСА, ИСТОРИИ СЕМЕЙ... НО ЕСТЬ ТЕ, КТО ПОСВЯЩАЕТ СВОЮ ЖИЗНЬ ТОМУ, ЧТОБЫ СОХРАНИТЬ В ПАМЯТИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА СУДЬБЫ ДРУГИХ ЛЮДЕЙ. СЕРГЕЙ ЗАЙЦЕВ – СЦЕНАРИСТ, РЕЖИССЕР, ПРОДЮСЕР РЯДА ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ КАРТИН, АВТОР ИДЕИ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ ЦИКЛА ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ТЕЛЕВИЗИОННЫХ ФИЛЬМОВ «РУССКИЕ В МИРОВОЙ КУЛЬТУРЕ». И ГЛАВНАЯ ТЕМА ЕГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ТВОРЧЕСТВА – УНИКАЛЬНЫЕ СУДЬБЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ.

— **С**ЕРГЕЙ, В ВАШЕЙ ТВОРЧЕСКОЙ биографии сказано, что вы – инициатор создания, директор, художественный руководитель киностудии и президент киноclubs «Русский путь». Что, на ваш взгляд, входит в это понятие – «русский путь»?

– Мне часто задают этот вопрос. Должен сказать, что это название придумано не мной и не моими коллегами по студии. Так называется издательство, основанное Александром Солженицыным и директором Дома русского зарубежья Виктором Москвиным. Меня это название полностью устраивало. В 2005 году и наша студия стала так называться. И если говорить коротко, то русский путь – это путь правды. Путь по заповедям Христовым.

– А есть ли разница между тем, как «русский путь» понимается сейчас и тем, как понимался раньше?

– Сегодня мало кто задумывается о том, что у России был и есть свой особенный путь в мировой истории. Разве что историки, политологи. Да и то далеко не все. Многие считают, что никакого осо-

бенного русского пути нет и быть не может. А я уверен, что он есть. Нам нужно его сохранять, помнить о нем. Это не национализм в узком смысле, это, наоборот, способность любить весь мир. В русском человеке нет мировой злобы и мировой зависти. А в ком это есть, тому никогда не понять, что есть русский путь – путь любви. И как не сбиться с этого пути – это очень серьезный вопрос. Его надо почаще задавать самим себе.

– Тема русской эмиграции – это одна из важнейших линий в фильмографии вашей студии. Совершенно неисчерпаемая тема...

– Да, она неисчерпаемая... Русские за рубежом оставили такое наследие, что нам еще очень долго нужно будет разбирать эти подарки. Настоящие сокровища! И важная задача – быть достойными этого наследия. Принять его, воспринять, хранить.

– И, наверное, каждый человек, оказавшийся в эмиграции по стечению обстоятельств, заслуживает внимания: о нем нужно снимать фильм, рассказывать о его судьбе, о том, как он выжил, об опыте жизни на чужбине...

– Я думаю, что не о каждом, конечно. Но о многих можно снимать, да. Вынужденная эмиграция – это серьезная школа жизни. Хотя у нас, в среде старшего поколения, до сих пор бытует убеждение, что эмигранты – «отбросы общества», что за рубежом они поносили родину. Это – от незнания, от того, что вещала пропаганда в советское время. Но те люди, даже убежденные коммунисты, которые волей случая или же из интереса прикоснулись к истории русского зарубежья, не могли не проникнуться судьбами соотечественников, потерявших родину...

Мои родители знали семью врачей, которая в начале 1980-х работала в длительной командировке в Тунисе. Им категорически запрещалось общаться с бывшими соотечественниками. Это грозило серьезными последствиями: могли выслать из страны, уволить. Но эта семья врачей случайно познакомилась там с Анастасией Ширинской – знаменитой хранительницей памяти о русских моряках, пришедших в начале 1920-х годов в тунисский порт Бизерта. И оставшихся там навсегда. И вот эти врачи слышали рассказы о старой России, о жизни в изгнании. Ширинская произвела на них сильнейшее впечатление! Они готовы были слушать ее дни напролет. Но навещали они ее тайно. Рассказывали, как у них буквально коленки тряслись, когда шли в дом Анастасии Александровны, но не пойти – уже не могли...

– Как вы находите героев для своих фильмов?

– А мы далеко не ходим. Мы же в Доме русского зарубежья находимся. Условно говоря, постучался в соседний с киностудией кабинет, где специалист за своим компьютером сидит – исследователь биографии ученого или писателя-эмигранта. Это уже половина дела. Но, конечно, героев мы выбираем. Иногда отказываемся о ком-то делать картину в силу того, что о человеке не осталось почти никаких свидетельств. А кино – это прежде всего изображение. Нам нужны фотографии, хроника, а не только бумажные документы.

– В основном подобные документальные ленты строятся на личных воспоминаниях реальных людей...

– Это прекрасно, когда такие люди находятся! По большей части мы делаем фильмы об уже ушедших выдающихся представителях русской эмиграции первых волн. И это большая удача, когда находятся их потомки.

– Рассказы свидетелей – это, наверное, непростые переживания. Но, фиксируя происходящее в кадре, документалист должен сохранять хладнокровие. Вам удастся быть только наблюдателем, не включаться в эмоциональный поток героя?

– Для чистой документалистики существует телевидение, репортаж. А мы занимаемся неигровым художественным кино. Не включаться в эмоциональный поток героя для меня невыносимо.

И дело даже не в том, что нас «не этому учили», а в том, что тогда это вообще неинтересно! Наша студия не работает на конвейер. Мы сознательно и принципиально создаем эксклюзивный материал. И поэтому мы смеемся и плачем вместе с нашими героями. Проживание судеб русского изгнанничества – нелегкая непрерывная работа души.

– *Страшная история рассказана в вашем фильме «Погибли за Францию». Красивые, смелые русские люди прибыли в Первую мировую войну спасать французов от немцев. Революционные события в России застали их на чужбине, агитаторы подорвали общее настроение в их рядах, войско разделилось...*

– Да, в сентябре 1917 года в лагере Ла-Куртин русские стреляли в русских. Чтобы усмирить мятеж, поднятый солдатами Первой особой пехотной бригады, пришлось применить русскую же артиллерию. Но никаких тысяч и сотен жертв, как писали советские историки, там не было. Мятежники очень быстро уgomонились. Да, они устали воевать. Да, они хотели домой. Их мятежное настроение подогревали слухи о том, что в России дают людям землю. Попробуй-ка, усиди на месте, тем более если ты крестьянин. Но эти люди должны были подчиняться законам военного времени. На что они рассчитывали, поднимая мятеж? Ничем, кроме каторги, это закончиться не могло.

– *И кто-то из русских солдат даже попал на каторгу во французский колониальный Алжир?*

– На каторгу в Алжир были отправлены лишь те, кто категорически отказывался продолжать воевать в созданном генералом Лохвицким Русском легионе. И те, кто отказывался даже просто работать за зарплату на строительстве дорог и мостов или уборке урожая. Французы, появившись в рядах их армии подобные вольнодумцы, приговорили бы их «по закону военного времени» к расстрелу. Это, безусловно, печальная история. Но Русский экспедиционный корпус – героическая страница военной истории России. До печальных событий в лагере Ла-Куртин было полтора года честной борьбы на поле брани с общим на тот момент для французов и русских врагом – немцами. Это было время подвигов и русской славы.

– *В конце фильма есть эпизод: потомки участников Русского экспедиционного корпуса ежегодно собираются на одном из кладбищ, где покоятся русские воины...*

– В финале фильма за кадром звучат слова выдающегося русского военного историка, автора «Истории Русской армии» Антона Антоновича Керсновского. Суть их сводится к тому, что память о защитниках родины в годы Первой мировой войны мы не чтим. Вдумайтесь: первый серьезный памятник солдату Первой мировой появился в Москве только в 2014 году – к 100-летию

ее начала! До этого было полное забвение. А ведь это наши с вами прадеды лежат в холодных и диких равнинах Европы, как писал Керсновский.

– В фильме вы говорите, что с трудом удалось найти прямых потомков героев корпуса, потому что в основном они уже ушли из жизни.

– Тем не менее мне посчастливилось познакомиться с несколькими детьми участников тех событий. А с Натальей Родионовной Малиновской и Юрием Вячеславовичем Копыловым совместная работа над фильмом переросла в многолетнюю дружбу. Эти люди, не зная друг друга, встретились сначала на экране, а потом и в жизни. Врач из Парижа и москвичка, филолог, дочь легендарного военачальника, который в юности оказался в рядах нашего корпуса во Франции.

– И наверняка есть люди, о которых вы бы хотели, но не успели снять фильм?

– Такие люди, конечно, есть. Но обо всех снять кино не получится. Жизнь для этого коротка.

На мой взгляд, важно не утратить с годами способности удивляться и желания работать.

– Вы часто общаетесь с внуками и правнуками эмигрантов первой волны, слушаете рассказы об истории их семей. Конечно, эта память важна для них. Но ведь она важна и для нас в России. Их воспоминания в книгах и фильмах – это ведь часть нашей общей истории.

– Я скажу совершенно очевидную вещь: это нужно нам всем, всем русским людям, всему Русскому миру. Он – един. Задача каждого русского – влиять тем или иным образом на то, чтобы наш общий Русский мир не распался. Это трудно. Но другого варианта у нас нет. Мы, кроме друг друга, никому в целом свете не нужны. Необходимо наконец это понять. Если, конечно, мы хотим, чтобы Россия существовала.

– Хотелось бы поговорить еще об одном вашем фильме – «Союзники. Верой и правдой!». За него вы получили немало наград на кинофестивалях.

– Могло быть и больше. И я говорю об этом с сожалением, да. Не потому, что мне хочется наград, которых хватает, а потому, что фильм могли бы показать на большем количестве фестивалей. Но не показали. Не брали по причине того, что я там «не свой». Но главное, конечно, что такой фильм состоялся. Практически все наши герои – ветераны Второй мировой – ушли вскоре после того, как мы завершили работу. Трое не дожили до премьеры. Очень жаль... Какие это были люди!

– *Найденные вами для фильма ветераны-союзники – невероятные люди, истинные герои! И так просто они рассказывают о своем страшном боевом опыте...*

– Ну, было бы, наверное, странно, если бы они, начиная рассказ, принимали героическую позу. Это такие же люди, как мы с вами. Только они выдержали. А выдержали бы мы – неизвестно. Кто-то бы выдержал, а кто-то – нет. Вторых, как правило, не вспоминают.

– *Интонация фильма щемящая, в финале – сожаление о том, что по достоинству не оценена жертва нашей страны, хотя солдаты-союзники акцентируют внимание на этом факте. Те, кто видел своими глазами подвиг нашей армии, не подвергают его сомнению. Но то поколение уходит...*

– Уходит. Тает на наших глазах. Но если кто-то думает, что наши союзники не передали благодарную память о советских людях своим потомкам, тот, мягко говоря, ошибается. Нам много лет со всех сторон внушают, что на Западе забыли о вкладе Советского Союза в общую Победу во Второй мировой войне. Это неправда. Старшее поколение в Европе и США – поколение детей и внуков участников войны – хорошо помнит о том, кто и сколько принес на алтарь общей Победы над нацизмом. Расскажу вам об этом историю. Приступая к работе над картиной, я хотел смонтировать пролог – ответы людей разных поколений из разных стран на мои вопросы о Второй мировой. Вопросы я заготовил самые простые. Кто с кем воевал? Кто победил? Когда началась и когда закончилась мировая война? Кто внес наибольший вклад в победу над Гитлером? Я был уверен, что услышу массу всяких глупостей. Разве я мог думать иначе, если много лет слышал, что на Западе абсолютно всё забыли? Я-то думал, что продемонстрирую в начале фильма человеческое беспамятство, а потом через рассказы своих героев покажу, что это была за война и почему не знать о ней стыдно. Но я здорово просчитался. В Нью-Йорке, Париже, Лондоне и Берлине случайные люди разных возрастов рассказывали мне много подробностей об участии в войне своих отцов и дедов. И о том, какую большую роль сыграл в войне с нацизмом Советский Союз. Точку в моем горе-замысле поставила афроамериканка лет двадцати, отдохавшая со своим белым парнем на пляже Гудзонского залива. Мы с оператором и переводчиком подошли

к ребятам, представились и задали свои вопросы. Начало ответа девушки было таким: наша семья из Кении, мой дед был призван на ту страшную войну в Европу и очень много рассказывал мне о ней. Люди помнят, многое знают. Да, меня это искренне удивило, но и порадовало.

– *Значит, не стоит обобщать и говорить, что наши современники не знают и не любят свою историю?*

– Я бы не обобщал. Во все времена были люди, которые интересовались и даже, я бы сказал, дышали прошлым. Таким был, например, Пушкин. Однако были и те, кто индифферентно относился к истории. Но если тебя не интересует прошлое, то совершенно логично, что и будущее тебя не очень волнует: «После нас, хоть потоп!» Что это за жизнь? Прожил, пристраиваясь, где потеплее, посытнее и... всё? Ни пользы, ни памяти. А вообще – горько.

– *При этом говорят же, что история ничему не учит...*

– Не учит. Просто детям нужно рассказывать о прошлом, о предках, об отечестве. С ранних лет рассказывать. Они вырастут и уже никогда не будут равнодушны к родной истории и родной стране.

– *Радует, что за последние десять-пятнадцать лет внимание публики к документальному кино возросло, на серьезных кинофестивалях ввели отдельную программу и конкурс документальных лент, известные кинематографисты нередко переходят из игрового кино в документальное. С чем это связано? Это мода?*

– Неигровое кино не может быть модным. Оно адресовано читающему зрителю, не привыкшему к попкорну во время сеанса. А таких в залах кинотеатров все меньше и меньше. Популярным время от времени может становиться какой-нибудь репортаж на злободневную тему, расширенный до полнометражной картины. Но чтобы установилась мода на кино, которое приглашает зрителя думать, погружаться в атмосферу сопереживания через непростые художественные образы – я о таком не слышал. Потому что мода – это что-то быстрое, одноразовое. А вопросы истории, проблемы человека в глобальном водовороте событий – это всегда связано, если можно так выразиться, с большим временем. И когда мы нашего зрителя туда погружаем, он начинает чувствовать и осознавать это большое время...

– *В ноябре ваш Международный кинофестиваль «Русское зарубежье» прошел в пятнадцатый раз. Меняется ли он с годами?*

– Любой живой организм меняется. Надеюсь, и наш фестиваль тоже. Прежде всего это связано с появлением новых сильных картин об истории русской эмиграции разных волн. Но мы

по-прежнему остаемся просветительским тематическим форумом. Знаете, у русских офицеров в эмиграции был такой девиз: «Духа не угашать!» Я все время его вспоминаю, когда мне начинает казаться, что зрители не проявляют должного внимания к нашему форуму, что мы выдыхаемся. Но когда я слышу, как проходящие мимо Дома русского зарубежья люди, читая вывеску, задаются вопросом «а что здесь находится?» и предполагают, что тут, наверное, визами занимаются, я говорю себе: «Духа не угашать!» Наша работа еще нужна.

– *В одном из своих интервью вы сказали: «Кредо настоящего художника – полностью отдаваться своему делу, только так и можно – это честный подход». Такая позиция предполагает, что автор делает очень личное кино. Тогда можно сказать, что это в большой степени его субъективный взгляд на то или иное событие?*

– Наверное, любой человек в какой-то степени субъективен. Но если ты всецело погружен в свое дело, это совсем не означает, что ты лишен объективности. Я пытаюсь говорить правду. Я не фантазирую, например, на тему войны. Да и вообще на темы русской истории. Другое дело, что объективность картины зависит не только от того, что ты говоришь правду, а еще и от того, как именно ты рассказал историю. Ведь очень важно, поверили ли тебе в конце концов зрители.

– *Но ведь есть такое частое явление в документальном кино, как преднамеренное искажение информации, подтасовка фактов, выборочность – одно смакуется, а другое замалчивается. По сути, это уже нельзя называть документальным фильмом, но не существует практики определения правдивости в этом виде кинематографа. Почему, как вы думаете?*

– Практики определения правдивости пока не существует. И слава богу! Потому что такая практика – это фактически цензура. А цензура – это всегда определенная идеология. В условиях работы, продиктованных идеологией, правда искажается куда круче.

– *Но возможна ли сейчас в принципе ответственность автора за результат своей работы, за влияние, оказанное его произведением на публику? Или это тоже – личное дело каждого, его выбор, вопрос его порядочности или непорядочности?*

– Ответственность возможна, ответственность необходима. Да, это вопрос порядочности. В особенности если речь идет об историческом материале. Конечно, разные авторы могут по-разному трактовать исторический материал, но в любом случае главное – не выдумывать ничего, не пускаться в фантазии. Нужно стараться быть максимально объективным. И, уж конечно, не осуждать. Это очень важно: не судить своих героев, кем бы они ни были в земной жизни. ■

ПОЭТ СЧАСТЬЯ, ЛЮБВИ И СВОБОДЫ

БЕСЕДОВАЛ

ДМИТРИЙ ЗЛОДОРОВ [ВАШИНГТОН]

ПОЧЕМУ В АМЕРИКАНСКИХ ШКОЛАХ ПУШКИНА ИНОГДА НАЗЫВАЮТ АФРИКАНСКИМ ПОЭТОМ? ТРУДНО ЛИ ПЕРЕВОДИТЬ ЕГО СТИХИ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК? НА ЭТИ И ДРУГИЕ ВОПРОСЫ ЖУРНАЛУ «РУССКИЙ МИР.RU» ОТВЕЧАЕТ ПОЭТ, ПЕРЕВОДЧИК, ДРАМАТУРГ, КОМПОЗИТОР И ПРЕЗИДЕНТ ФОНДА «ПУШКИН – ВСЕМУ МИРУ» ДЖУЛИАН ЛОУЭНФЕЛЬД.

— 2022

ГОД НАЧИНАЕТСЯ
с юбилея – 185 лет
со дня смерти
поэта. Планиру-

ет ли фонд «Пушкин – всему миру» отмечать эту печальную дату в США?

– Американцы в целом не такие уж большие фанаты истории, поэтому юбилеи любых исторических событий у нас, в отличие от России, редко празднуют. Тем более когда речь идет о гибели поэта. Не лучше ли праздновать жизнь и помнить творчество гения? Это нужно делать всегда. Для этого нам повод не нужен.

– А обстоятельства дуэли вам не интересны?

– Напротив. Я даже биографию поэта написал. Вообще, уже не раз было отмечено, что 30–37 лет – это, возможно, роковой возраст для гениев. Конечно, есть среди них и долгожители, но многие все же уходят молодыми. Вспомните: Рафаэлю, как и Пушкину, было 37, Моцарту – 35, Есенину – 30, Маяковскому и Байрону – 36. Китс, Шелли и Лермонтов ушли из жизни, когда им не было 30. Наверное, творчество, поэзия – в чем-то опасное призвание. Что касается дуэли у Черной речки, то я все-таки принципиально занимаюсь Пушкиным, а не Дантесом или Геккерном, мне просто не хочется уходить от перевода «Евгения Онегина» и ковыряться в казенных докладах Дубельта или Бенкендорфа. Красиво по этому поводу высказалась Анна Ахматова: «Побольше поэзии, поменьше Третьего отделения». Надо читать стихи Пушкина, быть благодарным за то, что он сделал, а всякую конспирологию оставить в стороне. Все-таки за 37 лет Пушкин написал 16 томов, это очень много. И нам нужно быть благодарными за ту жизнь, которую он успел прожить.

за столом, взять бокалы, встать и чокнуться. Или если человек от нас ушел, встать и выпить, не чокаясь. Однако, говоря о Пушкине, мы чокаемся, но не встаем, а остаемся сидеть, потому что чувствуем: Пушкин живой, он всегда с нами.

Так что мероприятия будут, но без пафосного юбилейного оттенка. Например, я надеюсь поставить «Моцарта и Сальери» с английскими субтитрами. Для зрителей это будет довольно уникальный опыт. Мне хотелось бы устроить концерты в Московской консерватории и Аптекарском огороде МГУ и в аэропорту Шереметьево, который теперь носит имя Пушкина. Возможно, это будет выступление вместе с Государственным Кремлевским оркестром. Много будет зависеть от поддержки наших местных партнеров, а также от пандемии. Мы хотим провести концерты по всей стране – от Владивостока до Калининграда, от Сочи до Мурманска.

Я суверен и не хотел бы раскрывать все карты заранее, тем более что во времена пандемии что-либо планировать крайне трудно. Но люди могут быть уверены: Пушкин – моя жизнь, моя страсть, и я отношусь к этому очень серьезно.

Что же касается юбилея со дня кончины Пушкина... Я знаю, русские любят отмечать юбилеи. У нас в Америке нет такой практики. Например, когда исполнилось 200 лет независимости США, были какие-то небольшие празднования, выпустили какие-то монетки, и все. Нет у нас традиции отмечать юбилеи, как в России. Например, не так давно исполнилось 80 лет со дня начала Второй мировой войны, я не заметил никаких особенных мероприятий по этому поводу в Америке. То же самое касается и других дат. Забывчивость – отличительная черта нашего народа, который очень быстро переходит от одной темы к другой.

– Но вы в этом году будете чествовать Пушкина?
– Конечно, будем, но для этого повод не нужен. Видите ли, у русских есть традиция: собравшись

– Традиций таких нет, но есть пушкинские проекты, которые вы устраиваете. Чего нам ждать в США и в других странах в 2022 году?

из личного архива

удивительные ощущения: словно открыл окно своей души и позволил Пушкину соприкоснуться с ней. На мой взгляд, не может быть ничего более чудесного. Но здесь есть и еще одна сложность: для этого тебе нужно полностью отказаться от своего «я». Удивительно, но, когда это удастся, ты начинаешь понимать, какая музыка должна звучать в каждой строке. Для меня это и вызов, и радость одновременно.

– О Пушкине в иноязычных странах знают не так уж и много. Может быть, сложность заключается в том, что стихи переводят именно не поэты?

– У людей, которые пишут диссертации, своя энергия. Я не имею ничего против них, но все-таки «поэзии священный бред», как писал Пушкин в «Евгении Онегине», это немножко другая энергия. Но могу сказать: необязательно быть русским, чтобы любить Пушкина. Важно только, чтобы его произведения переводили поэтично, с чувством. Это, кстати, и Марина Цветаева говорила. Она писала французскому поэту и философу Полю Валери: «Мне твердят – Пушкин неперево́дим. Как может быть неперево́дим уже переведший, переложивший на свой (общечеловеческий) язык нескАзанное и нескАзнное? Но переводить такого переводчика должен поэт». Это слова Цветаевой. У нее есть прекрасные переводы Пушкина на французский.

– А что Пушкин значит для американцев?

– Безусловно, мне бы хотелось, чтобы Пушкин был бы так же хорошо знаком американцам, как, скажем, Чехов, Достоевский или Толстой. Но, как мы говорим в США, Рим не за день строился. В данном случае я могу сказать, что стихи Пушкина трогают сердца людей, когда я их читаю. Они вызывают сильные эмоциональные реакции, поскольку Пушкин – это способ превратить печаль в радость. Возьмите, к примеру, финал его стихотворения «Зимний вечер»:

*Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя.
<...>*

*Вытьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Вытьем с горя: где же кружка?
Сердцу будет веселей.*

На английский язык я перевел эти строки так:

*Snowstorm raging, heavens drowning,
Wild the snowy whirlwind flies,
Sometimes like a beast it's howling,
Sometimes like a child, it cries.*

<...>

*Let's just drink, dear friend from even
When I was a poor small boy!
Where's your mug now? Drink from grieving
And the heart will feel more joy!*

Такую эмоциональную силу и способность дарить тепло перед лицом невзгод нечасто встретишь. Кроме того, я должен заметить, что афроамериканцы особенно гордятся тем, что у Пушкина есть аф-

– В США мы думаем провести совместные мероприятия с Фондом Уолта Уитмена. Уитмен – национальный американский поэт, а Пушкин – русский, и это их связывает. В Ирландии думаем что-то сделать вместе с фондом, носящим имя национального ирландского поэта – Уильяма Йейтса. Кстати, мы там уже устраивали Пушкинский фестиваль, который прошел с большим успехом.

И, безусловно, самое главное: я буду продолжать заниматься переводами. Только что закончил переводить на английский сказки Пушкина, сейчас работаю над переводом «Евгения Онегина». Надеюсь, полный перевод этой поэмы выйдет в свет ко дню рождения Пушкина, в июне.

– Трудно ли переводить Пушкина?

– Для того чтобы переводить поэта, ты сам должен быть поэтом. В противном случае ты переведешь все дословно, но потеряешь магию поэзии. К сожалению, очень мало англоязычных поэтов владеют русским в достаточной степени, чтобы переводить Пушкина. В основном этим занимаются ученые-слависты или профессора русской литературы, но в душе они не поэты. Для стихов важно не просто найти правильные слова, но и передать чувства, энергетику, передать «мурашки»! Когда тебе это удастся, ты переживаешь

риканские корни. Многие из них, будь то жители Гарлема или, скажем, Атланты, подходили ко мне после моих выступлений и говорили, что считают Пушкина своим братом.

– Кстати, в американских школах Пушкина иногда изучают как африканского поэта. Русских это шокирует.

– Ну что ж, давайте вспомним самого Александра Сергеевича: «Под небом Африки моей // Скушать о сумрачной России, // Где я страдал, где я любил, // Где сердце я похоронил». Он же сам сказал: «под небом Африки моей». Пушкин отчасти африканец и где-то даже итальянец. Он – человек мира. Говорят же иногда про Global Russians. Вот уж кто был именно таким! Ведь его никуда не выпускали, но, несмотря ни на что, он был поистине человеком мира. И остается им до сих пор, конечно.

– Вы дали понять, что в США Пушкин менее популярен, чем Толстой, Чехов и Достоевский. Почему?

– Я не люблю слово «популярен». Лучше сказать, что он менее известен. Но это во многом связано с тем, что делается для распространения творчества Пушкина за рубежом. К примеру, в Германии есть Институт Гёте, фестивали и концерты, посвященные ему, немцы на разных языках печатают книги, выпускают фильмы, диски, устраивают семинары. Испанцы делают то же самое в рамках Института Сервантеса. У китайцев есть Институт Конфуция, у итальянцев – Casa Dante. И все перечисленные структуры занимаются продвижением творчества этих великих людей за рубежом. Отчасти это вопрос маркетинга, говоря современным языком.

– А чем Пушкин может быть интересен американцам?

– Он поэт счастья и поэт свободы, что, по-моему, выглядит очень по-американски. И поэт любви. Чем это не американские ценности? Собственно, они универсальны и характерны для всего мира. Но у Пушкина, в отличие от многих других великих русских гениев, можно сказать, главная ценность – просвещение. Как он писал в оде «Вольность», обращаясь к царям: «Владыки! вам венец и трон // Дает Закон – а не природа; // Стоите выше вы народа, // Но вечный выше вас Закон». Наш Томас Джефферсон мог бы такое написать, если бы он был поэтом. Ведь Пушкин – истинный поэт эпохи Просвещения: в лице учителя его был профессор Александр Кунинцын, а также младший брат французского революционера Жана-Поля Марата. Кроме того, Пушкин читал Адама Смита, Юма, Монтескье, Монтеня.

– Вы недавно перевели на английский сказки Пушкина, «Евгения Онегина»...

– Еще я перевел «Медного всадника», много других поэм Пушкина, около 160 стихотворений...

– Что из этого пользуется наибольшим вниманием со стороны американцев и почему?

– Мы поставили «Маленькие трагедии» в моем переводе в Центре Михаила Барышникова на Бродвее. Одна из профессоров Пушкинского Дома после этого написала, что американцы смеялись гораздо больше, чем русские. Они чувствовали все намного свежее, если можно так выразиться. Может быть, русские немножко потеряли свежесть восприятия некоторых шуток. А ведь у Пушкина смеешься и плачешь. Кроме того, американцы могут легко воспринимать «Маленькие трагедии» еще и потому, что там нет никаких сложных фамилий, которые выговариваешь с трудом: Дон Гуан, Моцарт, Сальери, Вальсингам – мы эти имена понимаем без проблем.

– В Вашингтоне есть памятник Пушкину, который стоит на территории Университета Джорджа Вашингтона, в ряде других университетов США действуют Пушкинские центры...

– Есть еще прекрасный Парк поэтов в штате Нью-Йорк, в медвежьем углу, в полутора часах езды от Манхэттена. Там в замечательном лесу тоже есть памятники Пушкину, Уитмену – они стоят совсем рядом, на лесной опушке недалеко от озера. Там особенно красиво золотой осенью, просто сказочно.

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

– А как вы познакомились с творчеством Пушкина?

– На первом курсе университета я занимался русским языком и был, честно говоря, ленивым. Это было лет тридцать назад. Не очень любил я работать, не любил спряжения, склонения, морфологию. Тогда педагог спросила, что мне интересно. Я ответил: «Вообще, я люблю поэзию». Она сказала: «Тогда вам непременно нужно остаться на нашем курсе и не бросать занятия русским языком». Потом она дала мне стихи Пушкина и предупредила: «Сейчас вам будет трудно их читать». И сама прочитала мне стихотворение, это было «Я вас любил...». Естественно, я влюбился в Пушкина сразу. Это было мое знакомство с ним. А позже мне очень повезло: у меня была чудесная наставница Надежда Семеновна Брагинская, которая почти стала мне второй мамой. Я ей безмерно благодарен, она просто всю душу вложила в мое воспитание, причем делала это абсолютно безвозмездно.

– Меняется ли со временем ваше отношение к Пушкину?

– Оно меняется все время. Этот процесс я могу сравнить разве что с морем, которое может быть и тихим, и спокойным, и бурным, и безмерным. Это и простота, и глубина, и тонкость, и веселье, и грусть. Только никогда не пошло и не скучно. В Пушкине недаром есть что-то такое сказочное. Вот, к примеру, «Я помню чудное мгновенье...». Когда я перевел эти стихи на английский: «A wondrous moment I remember, // Before me once you did appear», то добавил слово once – однажды. С одной стороны, для сохранения ритма, но с другой – это первое слово во всех сказках на английском языке. И получается что-то такое сказочное. Опять-таки благодаря музыке стиха!

Творчество Пушкина заставляет думать, оно делает тебя взрослее. Но одновременно в поэзии Пушкина есть что-то очень яркое, солнечное, бодрое. «Я здесь, Инезилья, // Я здесь под окном. // Объята Севилья // И мраком и сном». Есть в этом что-то от «мачо», чувствуете? А вот о Татьяне в «Онегине»: «Она любила на балконе // Предупреждать зари восход, // Когда на бледном небосклоне // Звезд исчезает хоровод...» Вы чувствуете эту женскую, все принимающую красоту?

– Мне кажется, поэзию Пушкина очень сложно переводить. Как вам это удается?

– Я пропускаю ее через себя. Это такая радость на самом деле. Я пропускаю эти строки через себя, читаю их до тех пор, пока они не начинают звучать на английском языке. И все! Таким образом приходят сами по себе рифмы. Можно сказать, в этот момент я отрекаюсь от себя, но вот парадокс: именно тогда это звучит точно как мой перевод, мой стиль. И потом получается так, что благодаря этому пишутся уже собственные произведения. Видимо, душа отдыхает, и она благодарна потом за то, что я ей разрешил отключиться и побыть наедине с Пушкиным.

– Есть ли у вас другие любимые русские авторы помимо Пушкина?

– Я переводил на английский язык Маяковского, Лермонтова, Тютчева, Ахматову, Цветаеву, Мандельштама, Блока, Есенина. Можно сказать, я интересуюсь всей русской литературой.

– Чем вас заинтересовало творчество этих авторов?

– Красотой. Как говорил Достоевский, «красота спасет мир».

– Вы получили российское гражданство тоже благодаря Пушкину?

– Было такое. Паспорт мне вручил лично Владимир Мединский, который тогда был министром культуры.

– В Интернете вас нередко называют «российским поэтом американского происхождения». Сами-то вы кем себя считаете – русским американцем или американским русским?

– В Америке я иногда считаю себя русским, а в России – наоборот. Мне кажется, поэт – это всегда и свой, и чужой. Он смотрит на происходящее словно извне и в чем-то отчуждается от действительности. Все ему немножко странно, если вы меня понимаете. Дело не в паспорте, хотя я и обожаю гениальное стихотворение Маяковского об этом предмете. Самое важное – ощущения. Но, простите, я тоже хочу задать вам вопрос. Неужели вы не чувствуете, что между Америкой и Россией есть очень много общего?

– Конечно, чувствую.

– Вот эта широта души... Видимо, это связано с тем, что в Америке, как и в России, можно целыми днями и ночами ехать и ехать и открывать для себя что-то новое. «Широка страна моя родная, много в ней лесов, полей и рек». Это касается и вашей, и нашей страны.

– Безусловно, США и Россию исторически объединяет очень многое, но сейчас отношения между нашими странами не самые лучшие...

– Тем более именно поэтоому давайте займемся Пушкиным, Уитменом, поэтами и писателями, искусством, музыкой. Может быть, тогда нашим странам будет проще найти общий язык. Я не политик и ничего не могу сказать о политике, но если мы будем читать Пушкина, хуже точно не будет. Не знаю, будет ли так, как предсказал Александр Сергеевич, что настанет день, «когда народы мира, распри позабыв, // В великую семью соединятся», но точно станет лучше. Знаете, почему полезно читать Пушкина? Он нас уважает, он не дает нам наставления, он не учит, не вещает, а просто понимает и показывает: вот что работает, вот так легче жить, а так – тяжелее. И это должно нам, «добрым молодцам», помочь. 🍷

Предполагаемый
портрет принца
Густава Шведского

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРИНЦ ГУСТАВ ИЗ УГЛИЧА

АВТОР

ДЕНИС ХРУСТАЛЁВ

ОН БЫЛ СЫНОМ ЗОЛУШКИ. ОНА – ЗНАКОВАЯ ФИГУРА В ФИНСКОЙ ИСТОРИИ. ЕГО ОТЕЦ – ТРАГИЧЕСКАЯ В ШВЕДСКОЙ. САМ ОН СОСТАВИЛ КОШМАР ДИНАСТИИ ВАСА НА РУБЕЖЕ XVI–XVII ВЕКОВ. УЕХАВ В УГЛИЧ, ОН СМЕНИЛ НА ЭТОМ УДЕЛЕ ЦАРЕВИЧА ДМИТРИЯ И БЫЛ ВЫДВОРЕН ОТТУДА ЦАРЕМ ЛЖЕДМИТРИЕМ. ЗНАТНЫЙ ПАРАЦЕЛЬСИАНЕЦ, ВЫПУСКНИК ПАДУАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА, ВЛАДЕВШИЙ СЕМЬЮ ЯЗЫКАМИ, ЗНАТОК АЛХИМИЧЕСКИХ ТРАНСМУТАЦИЙ И ПРАКТИКУЮЩИЙ МЕДИК СТАЛ ПРАВИТЕЛЕМ РУССКОГО КНЯЖЕСТВА НА ВОЛГЕ И ОФОРМИЛ ТУПИКОВУЮ ВЕТВЬ БАЛТИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ БОРИСА ГОДУНОВА. СУДЬБА ГУСТАВА ВАСЫ – КУЛЬБИТ ИСТОРИИ В ДИКОЙ МОСКОВИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КУЛЬТУРЫ ПОЗДНЕГО РЕНЕССАНСА.

О ДАТЕ РОЖДЕНИЯ ЕГО матери известно только по заявлению мужа – шведского короля Эрика XIV, который провел астрологический подсчет и утверждал, что такая женщина могла появиться на свет только 6 ноября 1550 года. Карин не возражала любимому. Она сама не знала, когда родилась, ведь ее родители – рядовой Монс и некая Ингрид, крестьянка из Уппланда, – давно умерли. Сирота торговала орехами на рынке. Именно там в январе 1565 года ее заметил король. Сначала он сделал ее фрейлиной своей сестры, а затем – любовницей. До того как Эрик женился на ней, Карин родила ему дочь и сына: в 1566 году появилась Сигрид, в 1568-м – наследник Густав. Через полгода король повел Карин под венец, шокировав родственников, подданных, друзей и врагов. 5 июля 1568 года он короновал Карин Монсдоттер (Катарину Магнусдоттер) в кафедральном соборе Стокгольма. Многие подданные, в том числе и младшие братья короля, уже давно подозревали его в безумии. Эрик XIV – старший сын основателя династии Васа, короля Густава I, и его жены Катарины Саксен-Лауенбургской – оказался жестоким и страстным тираном. Приняв власть в 1560 году, он начал расправляться с аристократическими вольностями. В 1563 году ввязался в войну с Данией и Польшей, потребовавшую большого напряжения сил как государя, так

Г. фон Розен.
Эрик XIV,
Карин
Монсдоттер
и Йоран
Перссон,
доверенный
советник
короля и глава
королевской
шпионской сети.
1871 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

и страны. Неудивительно, что аристократы были недовольны. В мае 1567 года Эрик приказал арестовать представителей интриговавшей против него знати. Затем созвал риксдаг в Упсале, на который большинство дворян не приехали. Эрик был в ярости. Он даже не закончил свою речь. А вернувшись в Стокгольм, приказал казнить узников. Говорили, что он следовал чьим-то мистическим предсказаниям, согласно которым его главным врагом был человек с золотыми волосами. В итоге гнев пал на аристократический род Стуре, который был вырезан по приказу короля.

Женитьба Эрика на Карин стала последней каплей. Дворяне решили, что сумасшедшего монарха, взявшего в супруги какую-то торговку, больше терпеть нельзя. Движение возглавили братья короля – Юхан и Карл. Они не поехали на его свадьбу, за что немедленно были арестованы. Это спровоцировало настоящий бунт. Восставшие аристократы объявили регентом Юхана. Собравшееся войско двинулось на Стокгольм и уже в сентябре 1568 года заставило сдаться покинутого окружением короля. На риксдаге 24 января 1569 года Эрик был низложен. На трон взошел Юхан III. Брата с семьей он выслал в Турку, но там Эрик, кажется, стал плести интриги, связался с русскими, надеясь заключить с ними союз. Это только слухи, но, думается, с царем Иваном Васильевичем он мог

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

найти общий язык. Однако кто-то донес об этом в Стокгольм, заговор раскрыли.

Чету перевели в другой замок, а в 1573 году разлучили. Вскоре Эрик действительно повредился в рассудке. Он умер в 1577 году в заточении в замке Орбиус, что неподалеку от

Эрик XIV, король Швеции из династии Васа, правивший с 1560 по 1568 год

Стокгольм. Гравюра 1560-х годов работы Франца Хогенберга

Упсалы. Его похоронили в кафедральном соборе Вестероса. В XX веке были проведены исследования останков безумного короля, которые позволяют предположить, что он был отравлен мышьяком.

Карин выслали в Финляндию – в Турку. Позже она получила в держание имение Лиуксиала, в котором прожила долгие годы. Ее погребли в кафедральном соборе Турку. Королевой она пробыла всего 87 суток из 62 прожитых лет, но для финской истории стала фигурой культовой. Она – единственная «финская королева». Ее первая биография была написана уже в 1850 году. Количество посвященных ей сочинений в разы превышает написанное о ее муже и сыне. Судя по всему, ее очень уважали и финские современники. Во время крестьянской («дубинной») войны ее имение не пострадало, хотя все вокруг было сожжено и разорено.

Королева-крестьянка и ее дети впоследствии были признаны шведской королевской семьей. Маленького Густава взяла на воспитание вдовствующая королева Катарина (третья жена короля Густава I. – **Прим. ред.**). В 1575 году мальчика, который провел детство в заточении вместе с обезумевшим отцом, выслали в Польшу. Юхан III опасался его прав на престол и возможных связей с местной протестантской аристократией. Густава отдали в обучение к иезуитам, предусмотрительно исключив из программы шведский язык. Его старшая сестра, Сигрид, до 1582 года оставалась при матери. Потом Юхан привлек ее ко двору, пообещал приданое и сделал фрейлиной своей дочери – принцессы Анны. В 1587 году она вместе с принцессой отправилась в Польшу на коронацию Сигизмунда – сына Юхана, избранного на трон Речи Посполитой. Впоследствии Сигрид дважды была замужем и оставила потомство, занявшее достойное место в шведской аристократии.

СКИТАНИЯ ПО ЕВРОПЕ

После иезуитской академии в Браунсберге (Бранево в польской Восточной Пруссии) Густав уехал в Вильно. Поговаривали, что там он буквально бедствовал, нанимаясь в услужение к чужим людям. Затем принц где-то скитался, чуть ли не у запорожских казаков. В начале 1584 года он приехал в Краков. Здесь с ним связался шведский посол в Польше Андреас Лорих, готовивший заговор против Юхана III. Он предложил Густаву шведский престол. Что тот ответил – неизвестно. Лорих вел переговоры не только с принцем, но и с представителями Дании и России, которые должны были поддержать переворот. Но Иван Грозный умер, и все развалилось. Осенью 1584 года Лориха арестовали и казнили, но страх из-за появления нового наследника престола с тех пор не покидал Швецию. В марте 1585 года госсвет страны принимает решение устранить принца: «убрать с дороги», чтоб «он не мог ничего предпринять, как бы сильно того ни захотел». Так что Густав вынужден был срочно покинуть Польшу. Исследователи полагают, что он бежал в Италию, где продолжил обучение в одном из старейших вузов Европы – Падуанском университете. Его выпускники считались самыми сведущими специалистами в медицине, астрологии и алхимии. Судя по всему, именно там принц увлекся оккультными знаниями и великим делом.

В конце 1587 года Густав внезапно появился в Кракове на коронации Сигизмунда и встретился с сестрой Сигрид. Она оказала ему какую-то материальную помощь, после чего Густав быстро уехал. Угроза преследований со стороны Юхана заставила его в августе 1588 года перебраться в Прагу – под защиту императора Рудольфа. Высказывались предположения, что Густав принадлежал к кругам, которые на польских выборах поддерживали кан-

Сигрид
Шведская,
принцесса
Швеции,
дочь короля
Эрика XIV
и Карин
Монсдоттер

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Й. Хайнц Старший.
Портрет императора Священной
Римской империи Рудольфа II.
1594 год

дидатуру австрийского эрцгерцога Максимилиана, брата Рудольфа. По крайней мере, таковыми были в большинстве польские эмигранты в Праге.

В Праге принц погрузился в интеллектуальные изыски, занялся алхимическими опытами, в которых достиг больших успехов. Как потом писали, «хотел сделаться вторым Теофрастом» и действительно приобрел репутацию «очень хорошего медика», производя химические опыты и зарабатывая на консультациях. Видимо, работа была довольно напряженной, потому что Густав «ослабел головой» и вско-

ре после 1592 года удалился на отдых в какой-то силезский монастырь. Эти сведения содержатся в очень позднем документе, «Реляции о Густаве, сыне короля Эрика», написанном около 1610 года Петром Петреем – шведским шпионом в России, интересовавшимся судьбой опального принца, но никогда с ним лично не встречавшимся.

Собственно, иными, более подробными источниками о ран-

Фасад здания
университета
в Падуе в начале
XVII века

Fig. 1.—The façade of the University building at Padua at the beginning of the seventeenth century (from Guzzoni's *L'Italia Ostetrica*, 1911).

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

них годах Густава мы не располагаем, лишь иногда его имя встречается в переписке папских посланников. О его занятиях в Праге в 1588–1592 годах больше ничего не известно. Но если он занимался медициной и алхимией, то определенно контактировал с соответствующими кругами при дворе императора Рудольфа II и вообще в городе. А в эти годы в Праге проживали и творили настоящие знаменитости. Минералами заведовал руководивший окрестными шахтами алхимик Лазарус Эрккер. Астрономия, неразрывная пока с астрологией, – это прежде всего Тадеуш Гаек. С 1586 года в Праге обретаются Джон Ди и Эдвард Келли. С 15 декабря 1591-го придворным медиком ближайшего друга императора, Вилема Розенберга, стал Генрих Кунрат. Тут же – великий каббалист Махараль, с именем которого легенда связывает создание голема. Летом 1588 года одновременно с Густавом в Прагу приехал Джордано Бруно. Столь гремучая смесь выдающихся умов не могла не вызвать помутнения рассудка у тех, кто в нее погрузился. Кажется, не избежал этого и шведский принц.

Й.-Б. ван Утер.
Юхан III,
король Швеции,
дядя Густава.
1582 год

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИГРЫ И ОПАЛА

В конце 1592 года умер дядя Густава Юхан III, что серьезно изменило политический расклад. Наследовать шведский престол должен был сын Юхана Сигизмунд, но ему противился другой дядя – Карл. Назревала война, в которой многие хотели урвать кусок. Для Густава это означало как минимум устранение угрозы жизни – он смог вернуться в Польшу и открыто путешествовать. Кроме того, он поддержал двоюродного брата Сигизмунда в претензиях на трон. Кажется, он поставил крест на своей политической карьере. Но так думали не все.

Пражский град.
Гравюра
1607 года

Уже в ноябре 1593 года царь Федор Иоаннович и Борис Годунов писали Густаву в Прагу, прилагая подарки и завлекая к себе на службу. Грамоты вез агент Годунова австриец Лука Паули. Но адресата они не достигли. Паули якобы сжег их на польской границе. Однако дело на этом не закончилось. В 1596 году Густав добился встречи с матерью после более чем двадцати лет разлуки. Он хотел навестить ее в Финляндии, но его туда не пустили. Зато Карин сама смогла приехать в Ревель, где встретила сильно повзрослевшего сына, опознав его только по родимым пятнам на теле. Густав жаловался матери на судьбу, а та рекомендовала ему обратиться к английской королеве и русскому «великому князю».

Но Густава, видимо, что-то смущало. В 1598 года он еще в Данциге, где просится участвовать в шведском походе Сигизмунда. Ему отказывают. После этого принц перебирается в Ригу, где подписывает соглашение с русскими. Ему должны были передать Калугу с тремя городами, обеспечить богатое содержание, а в случае чего – свободный выезд из России. Документ был заверен сторонами и оставлен у доверенного лица, после чего

сам Густав отправился в Россию. В июне 1599-го он пересек границу в Ивангороде, а в августе его пышно встречали в Москве. Торжественная встреча Густава подробно отражена в Разрядных книгах, где он представлен несчастным скитальцем, обиженным и Сигизмундом, и Карлом, и вообще всеми тамошними государями, и нашедшим приют под крылом благодетельного московского царя.

Принца завалили подарками: серебряная посуда, дорогие ткани, золотые украшения, меха, лошади с полной сбруей, деньги, Калужский удел. Кажется, ему при определенных условиях даже обещали руку единственной дочери Годунова – Ксении.

Однако дальше дело снова началось пробуксовывать. Вероятно, Годунов хотел использовать Густава в игре против Польши и Сигизмунда, а не против Швеции и Карла, как полагали ранее. Густав мог претендовать на роль ливонского короля, зависимого от России. Ведь Эстонию в 1561 году завоевал именно его отец, то есть претензии имели основания даже в рамках наследственных. В Москве ему намекали и на шведский трон, в связи с чем могли предложить и брак с царевной Ксенией. Подталкивали собирать сторонников в Эстонии и готовить восстание. Но в итоге все это оказалось обманной маневрами для усиления конфронтации шведов с Речью Посполитой, для которой открывался новый фронт в Прибалтике.

К весне 1600 года все стало вполне очевидным. Густав даже попытался дать знать о своем открытии кузену Сигизмунду, но его письма перехватили. Вскоре Ревель и Нарва перешли к шведам, а Густава Годунов решил пока исключить из своих политических игр, но не отпускать. Королевича перевели в далекий Углич.

Любопытно, что в воспоминаниях иностранцев принц предстает патриотом, который не хотел несчастий и гибели родной Швеции, отказался помогать русскому царю, за что и пострадал. Тот же Петрей писал, что Густа-

А.Д. Кившенко.
Царь Борис
с детьми
Федором
и Ксенией.
1880 год

Палаты
угличских
князей.
Начало XX века

ву предложили захватить шведский трон, но тот вместо подготовки к войне «проводил время в прилежном учении и занятиях алхимией». Потом пригрозил, что сбежит, за что царь арестовал смутьяна, но «спустя несколько дней смягчился, дал ему на житье и содержание Углицкое княжество, с условием, впрочем, чтобы этою областью управляли русские бояре, данные ему в

услужение, собирали с нее доходы и давали ему из собранного, сколько нужно на содержание его и служителей».

О том же писал служивший в Москве лютеранский пастор Мартин Бер: «В конце концов, поскольку не было высказано желание воевать со шведским государством, царь изменил свое к нему благоволение и расположение, не только не пожелал отдать за него свою дочь, но даже проявил к нему такую немилость, что отправил его насовсем из Москвы в Углич».

Другие иностранцы, проживавшие в Москве в начале XVII века, причиной опалы Густава считали его характер и поведение. Голландец Исаак Масса, никак не упоминая сложную политику в Ливонии, считал, что Годунов пригласил шведа, «рассчитывая поймать важную птицу, надеясь, что он будет ему служить и жениться на его дочери».

Принца «заманивали», но в итоге он не оправдал надежд, стал вести себя разнузданно и привез из Данцига любовницу. За это его лишили содержания и свиты: «Хотя Борис отлично видел, что от принца нет проку, однако не захотел прогнать его и пожаловал ему область с городом Угличем на Волге со всеми прибытками и повелел отвести его и дозволил ему там плотничать и строить все, что ему вздума-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ется; и он учинил там много сумасбродств, о чем пришлось бы долго говорить».

Французский наемник Маржерет также вспоминал, что Густав «вел себя не лучшим образом» и лишь поэтому впал «в немилость», за что был «отправлен в Углич», где у него сохранялся доход до 4 тысяч рублей.

Судя по всему, все это позднейшие домыслы и слухи. Именно в Швеции Густав и хотел воевать, но только на стороне Сигизмунда. Если ему и предлагали Ксению в жены, то это был не более чем дипломатический трюк, а никак не реальный план царя Бориса, который предназначал единственной дочери более выгодную партию, нежели принц-бастард и изгнанник. Другой современник, греческий священник Арсений Елассонский, вообще считал, что Густав просто не приглянулся Ксении – показался староватым, «более 25 лет». Что же касается привезенной Густавом любовницы, то это, конечно, могло вызвать осуждение, но вряд ли стало главной причиной опалы.

В русском «Новом летописце» имя Густава также не связывается ни с какими политическими планами. Нет там ни известий об опале, ни планов женитьбы. Знатного шведа приняли с почетом и пожаловали Угличем: «Прииде к Москве служить Свитцкой королевич Густав. Царь же Борис, подавая ему честь большую, повеле встречати бояром своим; и повеле ему быти у себя государь у стола, и сидел с царем Борисом и с царевичем за одним столом, толко блюда были в розни и пожаловал его многим жалованием. И даде ему в удел град Углич и отпусти его на Углич с великою честью; Немец же те, кои с ним приехали, пожаловал многим своим государевым жалованием и отпусти их на Углич с ним же».

Согласно описи 1614 года, в архиве Посольского приказа тогда еще сохранялись дела о пребывании «свейского Густава королевича» в Угличе в 1601–1602 годах. Впрочем, переехал он туда,

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

судя по всему, уже в 1600-м. Большинство исследователей согласны с тем, что это была ссылка. Первоначально Густав владел Калугой с пригородами, но проживал, судя по всему, в Москве. Теперь его держание заменили на Углич и выпроводили из столицы – это трудно назвать благоволением. Однако внимательные современники-иностранцы подмечали огромные доходы, которые сохранялись за Густавом: 4 тысячи рублей, которые вполне можно было назвать содержа-

П.-П. Рубенс.
Конный портрет
Сигизмунда III.
Около 1624 года

Предполагаемый
портрет Карин
Монсдоттер.
Около 1580 года

нием «по-княжески». В средствах королевич с тех пор не нуждался и мог чинить «сумасбродства», которые Масса стеснительно отказался описывать. Надо полагать, помимо женщин среди забав была и любимая алхимия, которую он, по свидетельству Петрея, практиковал и в Москве. Итак, в 1600–1605 годах волжский город достался в удел страстному оккультисту, который, думается, устроил там соответствующую лабораторию. Как писал Николай Карамзин, шведский принц получил «разоренный Углич» и, удалившись туда, «спокойно занимался Химией».

ПРИНЦ-ИЗГНАННИК

Густав слыл странным и неуживчивым. В войнах ему участвовать не позволяли, в интригах он был безыскусен, в личной жизни – беспорядочен. Масса сообщал, что он был «вспыльчивым и сумасбродным, так что его стали считать наполовину безумным». Тем не менее это был исключительно образованный человек. Беда его заключалась в том, что, будучи по рождению призван к реальной политике, никакого интереса к ней он не испытывал. Густав знал семь языков: «латынь, итальянский, польский, белорусский, немецкий, французский и наконец шведский» (последний – *mediocriter*, то есть посредственно. – Прим. авт.). Русский он так и не выучил. В октябре 1604 года к нему в Углич отправляли толмача Еремея Вестермана, владевшего итальянским, немецким и голландским языками.

Его другом и доверенным лицом был доктор Каспар Фидлер, находившийся на царской службе с 1601 года. Их интересы, как и судьба, неоднократно пересекались. Фидлер защищал докторскую в 1591 году в Падуе, потом практиковал в Риге, где в августе 1599-го получил права горожанина. Тогда же там жил Густав. В 1610 году Фидлер, когда Густава уже не было в живых, перешел на шведскую службу, став личным врачом Карла IX, а потом Густава-Адольфа. Судя по все-

му, в 1612–1613 годах с ним мог встречаться и консультироваться Петр Петрей, собиравший сведения о несчастном принце. Существует предположение, что Фидлер и оклеветал Густава в глазах Годунова.

Связи Густава с другими медиками при дворе Годунова пока установить не удалось. Но понятно, что группа знатоков трансмутаций в Москве (или Угличе) точно находилась в поле зрения царя Бориса, который если не сам участвовал в опытах подобно «брату Рудольфу Цесарю», то допускал опыты и был знаком с гипотезами и новыми открытиями в естественной магии.

В Угличе Густав пробыл вплоть до 1605 года. Его не отпускали, хотя, может быть, он и сам нигде не рвался. В эти годы в Ливонии, особенно в Эстонии, не раз случался переполюх в связи с ожидавшимся военным походом принца, но на проверку все это оказывалось слухами. Густав продолжал оставаться политической фигурой, которую правители учитывали в своих играх.

Посол Постник Огарёв, отправившийся в Речь Посполитую в сентябре 1604 года, должен был сказать полякам, что Густав постоянно просит дать ему войско воевать земли лифляндские, а царь Борис не дает, помня мирный договор – в отличие от Сигизмунда, который, при тех же обстоятельствах, какому-то прохвосту Дмитрию (имеется в виду Лжедмитрий. – Прим. ред.) армию предоставил. В этом наказе Огарёву имена мнимых наследников шведского и русского престолов сочетаются не раз. Даже про сам Углич сказано, что он был «дан» Дмитрию после смерти царя Ивана «з матерью», а «по нашему жалованью ныне за Густавом королевичем Ириковым королевым сыном Швейского».

Сигизмунд определенно опасался династических претензий угличского изгнанника, которыми открыто жонглировал царь Борис. Хотя сам Густав, кажется, ничем подобным не интересовался. О его активно-

Л. Килиан.
Портрет
Лжедмитрия I.
Гравюра.
Аугсбург.
1606 год.
Государственный
исторический
музей

сти вообще ничего не известно вплоть до 1605 года. Понятно только, что жил он в Угличе, был там последним удельным князем, бродил по дворцу убиенного царевича Дмитрия, который вот-вот должен был «воскреснуть», согласно воле неведомых польских чернокнижников.

После захвата власти Лжедмитрием Густав немедленно стал проситься к нему на прием. Приняли его в рамках посольской церемонии, вместе со служилым татарским князем. Аудиенция состоялась 21 июля 1605 года. Тогда же встречали крымского гонца Яна-Ахмета-

Д. Тенирс
Младший.
Алхимик.
XVII век

Портрет Афанасия Власьева.
Гравюра. 1606 год

Примечательно, что даже среди непосредственных свидетелей смерти принца не сложилось единого мнения о месте захоронения Густава. Пастор Бер, который сам отпевал принца и слышал его последние слова с осуждением сожительницы Катерины, сообщил о погребении «в Кашине в монастыре Дмитрия Солунского». С ним решительно не был согласен Петр Петрей, который посетил то место и настаивал, что могила Густава была «за городом в прекрасной, часто посещаемой для гуляния березовой роще», поскольку русские не могли разрешить похоронить иноверца в границах своего храма.

Обласканный при Годунове Густав оказался не ко двору при Лжедмитрии и Шуйском, не заинтересованных в новых международных интригах. В итоге арест, заточение и скорая смерть в 39 лет.

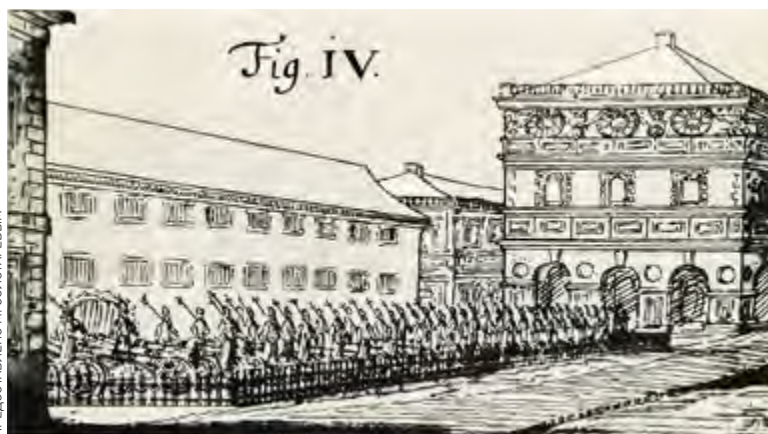
...Густав – God's staff – «служитель бога». Шведский принц, которого не признавали таковым на родине, плохо знавший родной язык, поляк по образу жизни и манерам, несчастный изгнанник и алхимик, стал в итоге жертвой такого же, как он, несчастного царевича. Точнее, жертвой воплощений мигрирующей души последнего наследника рода Рюрика – царевича Дмитрия, крещенного в честь Солунского святого, рядом с монастырем которого и был похоронен последний Густав из рода Васа. ❶

Челибея и касимовского хана Ураз-Мухаммеда. Приемником руково- дил дьяк Афанасий Власьев, который, кстати, был причастен к приглашению Густава в Россию в 1599 году. Кажется, принцу разрешили проживание в Москве. Но он оставался раздражителем для Сигизмунда, который не забывал о нем и в переписке настаивал на ограничении прав, аресте и выдаче. В ноябре 1605 года Густав был выслан из Москвы в Ярославль. В 1626 году в архиве Посольского приказа еще сохранялось пять тетрадей, относящихся к его ярославскому периоду. Из короткой записи понятно, что это была именно «ссылка». Также из записи ясно, что в Москве Густав имел «двор», имущество

которого было конфисковано. Правда, позже часть «живота» была возвращена принцу. При царе Василии Шуйском Густава из Ярославля перевели в Кашин, где он и умер 22 февраля 1607 года.

Юрий Мнишек (отец Марины Мнишек, супруги Лжедмитрия I. – **Прим. ред.**) в письме Сигизмунду из московского плена весной 1608 года упоминал «некоего шведа Густава, который умер тут в тюрьме перед Пасхой, во время прошлого поста 1607 года». Пан определенно намекал королю на месть, поскольку указывал, что Густав умер в заключении, в которое был направлен Шуйским – виновником гибели члена монаршей семьи Васа.

В.Г. Шварц.
Иностранные посланники в Посольском приказе.
1867 год

Э. Пальмквист.
Москва.
Посольский приказ.
1674 год

ЭСКИЗ К ПОРТРЕТУ АДМИРАЛА КРУЗЕНШТЕРНА

Иван
Федорович
Крузенштерн.
Гравированный
портрет начала
XIX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

АВТОР

ДМИТРИЙ КОПЕЛЕВ

МОГ ЛИ ВОООБРАЗИТЬ ИВАН ФЕДОРОВИЧ КРУЗЕНШТЕРН, КАКИМИ ПОСЛЕДСТВИЯМИ ОБЕРНЕТСЯ ДЛЯ НЕГО ПЕРВАЯ РУССКАЯ КРУГОСВЕТНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ? ОН УЖЕ НЕ РАЗ РАСКАИВАЛСЯ, ЧТО ВВЯЗАЛСЯ В ЭТУ ИСТОРИЮ – НЕ ЛУЧШЕ ЛИ БЫЛО БЫ ПОДАТЬ В ОТСТАВКУ, УЕХАТЬ В ЭСТЛЯНДИЮ И ПРЕПОДАВАТЬ ГЕОГРАФИЮ В ДОМСКОЙ ШКОЛЕ?

Продолжение. Начало см.: «Русский мир.ru» №12 за 2021 год.

ТЕМ БОЛЕЕ ЧТО В СЕНТЯбре 1801 года он женился на милой девушке – Юлиане фон Таубе, увлекавшейся философией Канта и обожавшей искусство. А ведь сам же в начале 1802 года отправил в Адмиралтейств-коллегию записку об организации русской кругосветной экспедиции. Проект заинтересовал графа Николая Петровича Румянцева. Сенатор решил воплотить его в жизнь с помощью Российско-американской компании (РАК), фактически сосредоточившей в своих руках управление Сибирью и Дальним Востоком. Авторитет компании был невероятно высок: весной 1802 года ее акции приобрели император Александр I, члены его семьи и важные вельможи. 13 июля 1802 года директор правления РАК Михаил Булдаков согласился организовать плавание, а 7 августа того же года капитан-лейтенант Иван Крузенштерн был назначен руководителем первой русской кругосветной экспедиции (1803–1806), принесшей ему мировую известность. Александр I утвердил проект экспедиции, определив, чтобы Крузенштерн «был сам исполнителем своего предначертания».

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Флаг Российско-американской компании. Утвержден императором Александром I в 1806 году

А 16 августа в Ревеле появился на свет его первенец – маленький Отто. «Сие неожиданное последствие, – вспоминал Крузенштерн, – привело меня в немалое смущение. Обстоятельства мои переменились и сделали принятие сей возлагаемой на меня важной обязанности несравненно труднейшим против прежнего. <...> Но адмирал Мордвинов объявил мне, что если я не соглашусь быть сам исполнителем по своему начертанию, то оно будет вовсе оставлено. Я чув-

Географический глобус, принадлежавший И.Ф. Крузенштерну. Составитель С. Фабер, мастер И. Андреа. Нюрнберг. Конец XVII – первая половина XVIII века

ствовал обязанность к отечеству в полной мере и решился принести ему жертву». Слухи о дальнем плавании вызвали среди флотских настоящих ажиотаж. «Хороших офицеров в Кронштадте много, которые с радостью предпримут сей авантюрный вояж», – писал Лисянский Крузенштерну 1 сентября 1802 года. Он и сам мечтал отправиться в плавание. Крузенштерн не мог отказать закадычному приятелю: Юрия Федоровича утвердили командовать одним из кораблей и возложили на него подбор команды, переговоры об условиях подписания контрактов офицеров с РАК и закупку кораблей для экспедиции. Однако проект Крузенштерна подвергся коррективам, инициатором которых был обер-прокурор 1-го департамента Сената Николай Петрович Резанов. Бывший офицер лейб-гвардии Измайловского полка возглавлял канцелярию вице-президента Адмиралтейств-коллегии графа Ивана Чернышева, затем управлял канцелярией кабинет-секретаря императрицы Екатерины II Гаврилы Державина. Старинный друг семьи Резановых Державин был на коротке с последним фаворитом императрицы, светлейшим князем Платоном Zubовым, и, став в 1794 году президентом Коммерц-коллегии, поспособствовал карьере Резанова. В марте 1794 года по поручению Zubова Резанов поехал в Иркутск, сопровождая духовную миссию, отправленную на Аляску. В Иркутске Николай Петрович покорил сердце 15-летней Анны, старшей дочери богатого купца Григория Шелихова, занимавшегося пушным промыслом и торговлей с Китаем. В январе 1795-го Резанов женился и вошел в семью сибирских «миллионщиков», лелеявших грандиозные замыслы колонизации Тихого океана. Шелихов рассчитывал монополизировать добычу пушнины и под патронатом государства основать обширную торговую империю, охва-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

тив Дальний Восток, Камчатку, Курильские острова и Аляску. Планировалось наладить торговлю с Японией, Китаем, Кореей, Индией, Филиппинскими островами и испанскими владениями в Америке. Своеком Резанова оказался и упомянутый Булдаков, женатый на другой дочери Шелихова – Авдотье. В июле 1795-го Шелихов скоропостижно скончался, но шелиховский клан продолжил дело основателя – борьбу за создание Соединенной американской компании. В 1799 году она была преобразована в Российско-американскую компанию. Главным ходатаем в правительственных кругах по ее делам стал Резанов.

С октября 1800 года правление РАК перевели в Петербург. Укрепляя позиции компании, Резанов представил правительству план отправки в Японию и Пекин российского посольства для «облегчения развития торговли». Он строил амбициозные замыслы по расширению владений Русской Америки на юг до Калифорнии, предполагал создать морскую базу в устье Амура, организовать вывоз древесины в Южную Америку и широкомасштабную торговлю китовым жиром. 20 февраля 1803 года граф Румянцев доложил об этом императору, особо подчеркнув необходимость выхода на новые рынки сбыта для продуктов звериного промысла в Северной Америке. 10 июня 1803 года Александр I подписал рескрипт о назначении Резанова руководителем посольства в Японию. К этому моменту Резанов еще не оправился от своей потери: в октябре 1802-го скончалась его жена Анна. Но отказать императору Резанов не мог: «Государь вошел милостиво в положение мое, сперва советовал мне рассеяться, наконец <...> объявил <...> чтоб принял я на себя посольство в Японию. <...> Я признался ему, что жизнь для меня хотя тягостна, но нужна еще для детей моих <...> просил не унижать подвига моего награждениями...»

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Японская гравюра, изображающая российский корабль в гавани Нагасаки. Посланника доставляют на берег в шлюпке в сопровождении музыкантов

ЯПОНСКИЙ ГАМБИТ

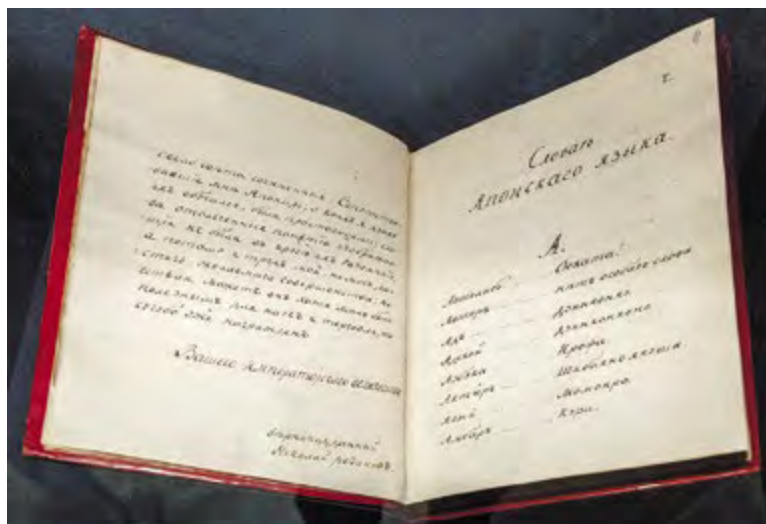
Экспедиция, состоявшая из закупленных в Лондоне кораблей «Леандр» и «Темза», переименованных соответственно в «Надежду» и «Неву», вышла из Кронштадта 26 июля 1803 года. 14 ноября в ненастную погоду русские корабли впервые в истории пересекли экватор. Событие отпраздновали. Экипажи «Надежды» и «Невы» приветствовали друг друга троекратным «ура», а затем на борт «Надежды» поднялся владыка морей Нептун – в этой роли был

задействован матрос Павел Курганов. Облачившись в овечьи шкуры и обзаведясь трезубцем, страж океана «приветствовал Россиян с первым прибытием в южные Нептуновы области с достаточным приличием». Затем Нептун выпил немало водки, после чего заснул, свернувшись калачиком на палубе. Матросам от имени императора вручили по испанскому талеру. А офицеры удалились в кают-компанию на торжественный обед. Было опорожнено немало бутылок, и даже гордец Резанов, перебрав ликеров, кричал: «Ура, Крузенштерн!»

Затем корабли прошли Бразилию, обогнули мыс Горн и углубились в просторы Тихого океана. Они часто теряли друг друга из виду, а потому капитаны заранее договорились о встрече у берегов острова Нуку-Хива, откуда перешли к Гавайским островам. Далее направились на север, как было задумано еще в Петербурге. Крузенштерн двинулся к Камчатке, а оттуда – к берегам Японии и далее, к Сахалину и Курильским островам. Лисянский же пошел в Русскую Америку и с грузом пушнины далее – в Кантон.

Придя в Петропавловск-Камчатский, Крузенштерн пополнил запасы продуктов и, преодолевая тяжелые шторма, взял курс на Нагасаки – единственный открытый для европейцев порт Японии. Не успела «Надежда» войти в гавань, как корабль

Словарь японского языка, по русскому алфавиту собранный Н.П. Резановым. 1804 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

окружили сторожевые суда. С наступлением темноты на них зажгли фонари. Японцы наспех возвели на берегу камуфляжные крепости и батареи, на которых не было ни одной пушки. Задувал ветер, и русские моряки сразу разглядели бутафорию: полотна ткани развевались на кольях...

Русских ожидал не слишком гостеприимный прием: страна, управляемая сёгуном из дома Токугава, была закрыта для иностранцев. Торговые отношения поддерживались только с голландцами, видевшими в России торгового конкурента. Исход переговоров был, по видимому, предreshen еще до прихода «Надежды», тем более что враждебно настроенная по отношению к России Япония предпринимала попытки аннексировать южную часть Курильских островов и проникнуть на Сахалин. Русским офицерам не позволили сойти на берег, Резанова же разместили на окраине Нагасаки в местечке Мэгасаки, омываемом с трех сторон заливом и охраняемом 12 японскими офицерами с солдатами. Дом, огороженный высоким бамбуковым частоколом и караульными башнями, больше напоминал тюрьму.

Переговоры сразу зашли в тупик. Подарки, привезенные Резановым, японцы презрели. Внимание их привлек только «слон, вылитой из бронзы и чрез огонь вызолоченный, который, когда ключом заведена будет машина в нем устроенная, слон будет во все стороны поворачивать хоботом, водить глазами, поднимать и опускать уши и махать хвостом, часы, с одной стороны вставленные, начнут ходить и будут играть куранды, в то же время наверху слона на шпильку бриллиантовая пирамида и колесо с камнями из рубинов, вертясь около своей оси являют блеском своим разные огни и представляют маленький фейерверк». Японцы, впрочем, заметили, что на ящике, из которого достали слона, было

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Глава
русского
посольства
в Японию
Н.П. Резанов.
Рисунок
из японской
рукописи
«Канкай ибун».
XIX век

написано «Лондон». «Переводчики спросили Резанова, почему такая надпись, он объяснил: «На вещах, изготовленных в Петербурге, пишут «Лондон», и наоборот, так поступают во всей Европе».

В подобной бесцеремонной манере проводил Резанов и переговоры, посчитав, что перед ним варвары. Японцы же оставались верны этикету и бесстрастно наблюдали за поведением дипломата, отвечая ему той же монетой: тянули время

Участники
первого
русского
кругосветного
плаванья
в Японии.
Второй слева –
Крузенштерн,
второй справа –
Резанов.
Японская
гравюра
XIX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

и всячески оттягивали визит посла в Эдо. «Чем важнее персона посла, – убеждали Резанова переводчики, – тем больше времени требуется нам для подготовки вашего приема». Наконец почти через шесть месяцев после прибытия «Надежды», в марте 1805 года, Резанов получил аудиенцию у губернатора Нагасаки и приехавшего из Киото инспектора тайного надзора даймё Тоямы Кинсино, который привез ответ от сёгуна.

С утра пошел проливной дождь. Посла на «нарядном судне» доставили на берег, здесь он пересел в паланкин и его понесли по безлюдным улицам города-призрака: все двери и окна домов были завешены соломенными циновками, поперечные улицы перегорожены, у всех ворот стояла стража. Свита следовала пешком, окруженная со всех сторон солдатами. На встрече Тояма Кинсино заявил, что император «удивляется благодарности, российским государем изъявленной, за торговлю, на которую никогда позволения дано не было», почему и не примет посольство, торгу также никакого не желает и повелевает российскому посланнику поскорее «выехать». Все было кончено. До открытия Японии для иностранцев оставалось еще более полувека.

6 апреля 1805 года «Надежда» покинула Нагасаки и направилась на Камчатку. Оставив там Резанова, корабль ушел в Охотское море. Около двух месяцев Крузенштерн занимался исследованием Сахалина, рассчитывая пробиться к устью Амура. Но погодные условия сложились неблагоприятно: стояла ненастная погода, дождям не было конца, и судно, окруженное плотными туманами, медленно продвигалось вдоль северной оконечности Сахалина, каждую секунду рискуя сесть на мель. Так и не определив, является ли Сахалин островом или полуостровом, Иван Федорович приказал взять курс на Камчатку, откуда 23 сентября направился в Петербург. Путешествие заканчивалось.

«МИЛЬОН ТЕРЗАНИЙ»: ЛИСЯНСКИЙ

Казалось бы, теперь, после небывалого в истории России плавания, будущее Крузенштерна было предопределено. Мог ли он мечтать о подобном раньше? Если смотреть на кругосветное путешествие как на стартовую площадку для карьерного взлета, то лучшей платформы, казалось бы, не найти. Однако так ли это в действительности, не раз думал мореплаватель, вспоминая многочисленных знакомых, которые росли в чинах, не свершая и толики того, что было у него за плечами. Трехлетнее плавание преподнесло ему немало жизненных уроков, и теперь он отчетливо видел, каким наивным идеалистом он был раньше. Чувствовали это и искренне расположенные к нему подчиненные. «Приказы Крузенштерна остаются невыполненными из-за того, что люди так избалованы, — подметил лейтенант Ермолай Левенштерн. — Он завоевывает всеобщую любовь своим добрым сердцем, но только не среди нас, потому что мы как раз порицаем его чрезмерную кротость». Мягкость и терпение оказались не лучшими союзниками командира — он по-новому теперь видел себя, «добрых» товарищей и тех, кто должен был стать его опорой во время путешествия.

С одним из них, Юрием Лисянским, Крузенштерн практически перестал общаться. Отношения между ними дали трещину еще во время плавания. Крузенштерн покоробили слухи о взятках и хищениях, на которых «нагрел руки» его приятель, приобретавший в Англии корабли для экспедиции. Не раз между ними возникали разногласия и во время плавания. И, конечно, не мог простить Крузенштерн Лисянскому историю возвращения в Петербург. 15 апреля 1806 года корабли потеряли друг друга на подходе к мысу Доброй Надежды. «Корабль «Надежда» скрылся от нас из виду. Ночью пушечными выстрелами и зажженными ракетами я давал ему знать

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

В.Л. Боровиковский. Портрет мореплавателя Ю.Ф. Лисянского. 1810 год

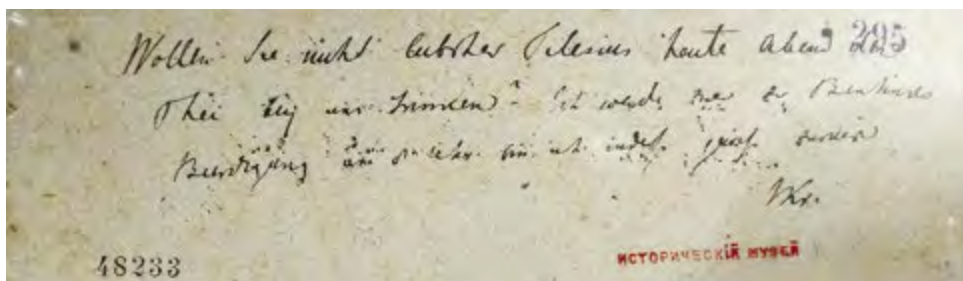
Записка И.Ф. Крузенштерна своему спутнику, врачу и естествоиспытателю В.Г. Тилеизиусу фон Тиленау, с приглашением вечером на чай. На немецком языке. Санкт-Петербург. 1803–1806 годы

о месте, где мы находились. Поутру я употребил все свое старание его отыскать, но мои усилия остались тщетными. К полудню появились густой туман и принудил меня держать надлежащий курс, — описывал ситуацию Лисянский. — Я решился оставить прежнее свое намерение идти к острову Св. Елены, а направил свой путь прямо в Англию, будучи уверен, что столь отважное предприятие доставит нам большую честь». Крузенштерн между тем стоял неделю на острове Святой Елены, по договоренности ожидая прихода «Невы». Лисянский же шел напрямик в Ла-Манш, «сожалея», по его словам, «что подобное путешествие должно нас разлучить с кораблем «Надежда» до самого нашего прибытия в Россию». Возле Азорских островов он узнал, что началась война с Францией. Дальнейший путь был небезопасен, но «Нева» двинулась в

Портсмут. Послу в Лондоне князю Воронцову пришлось просить британское правительство предоставить каперское судно, чтобы отконвоировать «Неву» до Копенгагена. 5 августа корабль Лисянского первым завершил плавание и встал на якорь в Кронштадте «к неописуемой радости и удовольствию наших соотечественников». Осторожный и ответственный Крузенштерн узнал о войне на Святой Елене и решил плыть вокруг Британских островов, прибыв в Кронштадт на несколько дней позже «Невы».

Добрые отношения между командирами так и не восстановились. Крузенштерн никогда не привлекал Лисянского к своим научным изысканиям. Лисянский же, публикуя книгу о кругосветном плавлении на «Неве», не упомянул о роли кадетского приятеля в организации экспедиции, но не забыл подчеркнуть заслуги графа Румянцева и адмирала Мордвинова. Имея хорошие связи при дворе и обласканный императором, Лисянский, казалось бы, мог рассчитывать на блестящую карьеру, но превратился в «тень» более успешного Ивана Федоровича.

В январе 1809 года в чине капитана первого ранга Лисянский по болезни вышел в отставку и со своей супругой Шарлоттой проживал в Петербурге, летом выезжая в купленное у матери Пушкина поместье Абрама Ганибалы в деревне Кобринно под Гатчиной. После смерти жены Юрий Федорович купил два дома по Канонерской улице и дом на Садовой улице, которые собирался сдавать внаём. Однако обанкротился и влез в долги, которые были погашены казной уже после его смерти.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

«МИЛЬОН ТЕРЗАНИЙ»: РЕЗАНОВ

Мы вряд ли когда-нибудь узнаем, остался ли Крузенштерн доволен результатами экспедиции. Внешне все выглядело благопристойно. Иван Федорович был пожалован в чин капитана второго ранга и награжден орденом Святого Владимира 3-й степени. 27 августа 1806 года Крузенштерна пригласили к обеду в резиденцию императорской семьи на Каменном острове, во время которого императрица-мать Мария Федоровна вручила ему табакерку, осыпанную бриллиантами. А в сентябре Крузенштерна избрали почетным членом Академии наук.

Но, вспоминая обстоятельства экстремального путешествия, не находил ли мореплаватель поводов, чтобы в чем-то упрекнуть себя? Ведь если читать одни лишь победные реликвии, легко упустить из виду, какой тяжелый моральный груз лег на плечи этого щепетильного офицера. Неслучайно лейтенант Левенштерн с горечью записал, что «только на корабле люди могут стать такими врагами. Незначительные насмешки накапливаются, озлобление растет. <...> На суше такого никогда не бывает».

Если бы знал Иван Федорович, как сложится плавание, скорее всего, отказался бы от участия в нем. Об этом наверняка и догадывался Левенштерн, ставший свидетелем тяжелых минут своего любимого начальника во вре-

мя его конфликта с Резановым. Повод к ссоре был принципиальным: кто стоит во главе экспедиции? Сегодня мы понимаем, что изначально вина лежала на организаторах плавания, фактически поставивших во главе ее двух человек. В инструкциях для Резанова, подготовленных графом Румянцевым и утвержденных Александром I, недвусмысленно говорилось, что «сии оба судна с офицерами и служителями, в службе компании находящимися, поручаются начальству вашему». Далее следовали пояснения о «начальствовании» Крузенштерна над Лисянским во всем, что имеет отношение к «командованию судами и морскими служителями». Однако недосказанность была в вопросах разграничения полномочий между руководителем дипломатической миссии Резановым и морским начальником Крузенштерном. В Зимнем двор-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

П. Павлинов.
И.Ф. Крузенштерн и Ю.Ф. ЛисянскийПортрет
Н.П. Резанова
работы неизвестного художника. 1803(?) год

це, по-видимому, закрыли глаза на этот тонкий момент, посчитав, что будет вполне достаточно указать Резанову на необходимость согласовывать позиции и советовать с Крузенштерном по насущным вопросам плавания: «общие с г-ном Крузенштерном долги наблюдать, чтоб вход в порты был не иначе, как по совершенной необходимости, и стараться, чтоб все споспешествовало сколько к должному сохранению экипажа, столько и к скорейшему достижению цели, вам предназначенной». Однако историки высказывали и другие соображения. Возможно, император руководствовался не какими-то туманными соображениями, а вынашивал коварный расчет: убрать подальше из столицы камергера Резанова – человека из окружения некогда всемогущего графа Палена и князя Зубова, участников убийства императора Павла I. В таком случае уничижительное назначение Резанова посланником в Японию было почетной ссылкой. Если только подобная «опала» не была частью сложных маневров Александра I, потихоньку избавлявшегося от обременявших его бесконечными нравоучениями старцев вроде покровителя Резанова, министра юстиции Державина.

Разумеется, это только гипотезы. Но стоит ли удивляться, что между высокомерным камергером, получившим от императора карт-бланш на управление экспедицией, и гордым Крузенштерном, который только в октябре 1803 года на Тенерифе впервые увидел инструкции Резанову, мир существовать не мог. Самолюбивый Крузенштерн, а с ним и все офицеры держались высокомерно: для них камергер и его «штафирки» были не более чем пассажирами, «купчишками», занятыми презренным ремеслом – подсчетом барышей. Резанов особо раздражал их: пусть он и был важным придворным, а все одно – никчемный куртизан, финансист, торговый агент, привлеченный для исполнения высокого замысла, рожденного в недрах Морского ведомства. Резанов же, чиновник контр-адмиральского ранга, ви-

дел картину в ином ракурсе: капитан-лейтенант Крузенштерн представлялся ему наемником, приглашенным РАК для колонизации Америки и Тихого океана. На корабле постепенно назревал бунт. Крузенштерн и Резанов все время плавания делили крошечную каюту размером около 6 квадратных метров, общались, передавая записки через подчиненных. К тому же половину экипажа составляли немцы, половину – русские, языками владели не все, друг друга часто не понимали. В речах удержу не знали, грубили, насмехались, интриговали. На подходе к Бразилии «посол <...> пришел ко мне в каюту, – вспоминал первый лейтенант «Надежды» Макар Ратманов, – и между многих изгибов черной души, за секрет показал свою инструкцию; и я, увидев Государев рескрипт, – ужаснулся, что в таком небрежении, и что его давно уже не объявил, но он мне сказал, что еще будет время, с которого время я осмелился взять подозрения, что действительная ли сия инструкция». В октябре 1803-го камергер показал Крузенштерну «указ императора, по которому он, Резанов, назван начальником экспедиции. И очень этим чванился». Крузенштерна новость шокировала. Он тотчас составил рапорт в главное правление РАК: «Я нахожусь принужденным просить главное начальство о присылке мне в Камчатку позволения здать команду мою, кому угодно будет вам приказать, <...> я догадаться не мог, что должен быть подчинен г-ну Резанову; <...> полезным быть не могу, бесполезным быть не хочу». А Резанов не угомонился: сидя за столом в каюткомпании, заявил, что является начальником экспедиции – все замолкли и вышли. Каюту командиров разгородили перегородкой. Казалось, достаточно было искры, чтобы все полыхнуло!

Рапорт Крузенштерна отправили с американским кораблем, встреченным в Атлантике 10 ноября, в Петербург он пришел в мае 1804 года. На Мойке только вскрывали конверт с донесением, а на Нуку-Хиве, где корабли встали на

Шлюпы
«Надежда»
и «Нева»
в кругосветном
плавании

стоянку, уже разгорался пожар. На судах не хватало продовольствия, и Крузенштерн распорядился поставить всю торговлю с островитянами под жесткий контроль. Резанов не посчитался с его распоряжением и приказал слугителю РАК Федору Шемелину выменять «вещей редких и любопытных для Императорской Кунсткамеры». Крузенштерн резко выговорил Шемелину. «Не стыдно ли вам так ребячиться и утешаться тем, что не давать мне способов к исполнению на меня возложенного», – съязвил Резанов, поднявшись на шканцы – священную территорию на корабле, где зачитывались указы, манифесты, постановления военного суда. За каждым словом здесь нужно было тщательно следить и уж тем более воздерживаться от критики командира корабля. Между капитаном и камергером разгорелась ссора. Возможно, чувствуя, что перегнул палку, Резанов удалился в каюту. Однако Крузенштерн уже не владел собой и устремился за ним, «как бешеный, крича: «Как вы смели сказать, что я ребячусь,

Шлем в виде
головы медведя.
Тлинкиты. Остров
Ситка. Сборы
Ю.Ф. Лисянского
1804 года

знаете ли, что есть шканцы? Увидите, что я с вами сделаю».

Узнав обо всем, на «Надежду» прибыл Лисянский с офицерами «Невы». Крузенштерн собрал всех на шканцах и объявил, что снимает с себя должность командира. Офицеры потребовали у Резанова объяснений. «Извольте идти на шканцы, – заявил Резанову лейтенант Ромберг, явившись к нему в каюту, – офицеры обоих кораблей вас ожидают». «Лежа, почти без сил, отвечал я, что не могу идти по приказанию его, – вспоминал Резанов. – Ага, сказал Ромберг, как браниться, так вы здоровы, а как к разделке, так больны. Потом прибежал капитан. «Извольте идти и нести ваши инструкции, кричал он, оба корабля в неизвестности о начальстве...». С тяжелым сердцем Резанов предстал перед офицерами и начал читать бумаги. В ответ – хохот! «Кто подпisał? – кричали офицеры. Я отвечал: «Государь ваш, Александр». Да кто писал?! «Не знаю», – сказал я. «То-то не знаю, – кричал Лисянский, – мы хотим знать, кто писал, а подписать-то знаем, что он все подпишет!» «Ступайте, ступайте с вашими указами, нет у нас начальника, кроме Крузенштерна», – услышал Резанов. А лейтенант Ратманов, «по-матерну ругая», грозно рычал: «его, скота, заколотить в каюту».

Безобразная сцена! Камергер заперся в своей половине каюты и до прихода на Камчатку на палубе не появлялся. Офицеры переживали происшедшее. «Возможно ли нам было ожидать командующего столь важной экспедицией, который пред сим не видал почти моря?» – задавались они вопросом.

С таким тяжелым моральным грузом прибыла «Надежда» на Камчатку. Увидев берега империи, Резанов покинул каюту и, облачившись в парадный мундир при всех орденах, предстал перед правителем генерал-майором Павлом Кошелевым, решительно потребовав, чтобы «разбойника и бунтовщика» Крузенштерна посадили в колодки. «Я бы здесь построил виселицу и повесил бы на ней одного

из вас», – бросил Крузенштерну разъяренный вельможа.

Началось служебное расследование. «Я просил, чтобы сковать меня в железы <...> и яко криминального преступника отослать для суда в С.-Петербург, – писал Крузенштерн в письме товарищу министра юстиции Новосильцеву. – Я письменно представлял ему (Резанову. – Прим. авт.), что уже такого рода люди, как он назвал меня, – государевым кораблем командовать не могут». Деликатный выход из ситуации подсказал опытный Кошелев. Понимая, что примирение, пусть даже видимое, спасет дело, он спокойно разъяснял, как скверно может закончиться скандал. Крузенштерна ждет тюрьма, Резанова обвинят в срыве дипмиссии, что оборвет его карьеру. Заморское предприятие россиян, о котором трубил весь мир, обернется настоящим позором. Молчание же государя, извещенного о конфликте, свидетельствует об одном: император недоволен! Маневры Кошелева увенчались успехом. «Генерал-майор Кошелев <...> помирил меня с Резановым во всей исправности, – писал Крузенштерн академику Андрею Шторху. – Мы лучшими приятелями стали, нежели когда-нибудь были. Не будь сего примирения, вся экспедиция получила бы здесь конец свой...».

Утром 4 августа офицеры во главе с Крузенштерном явились к Кошелеву. Прибыл и Резанов. Кошелев, выслушав взаимные извинения, поставил точку: «Если все должно быть прощено и за-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

быто, то объяснениям не должно быть места». Император мог быть доволен, и в июле 1805 года, когда «Надежда» вернулась из Японии, Крузенштерна уже ждал орден Святой Анны 2-й степени, а Резанова – табакерка, осыпанная бриллиантами. К ним был приложен милостивый рескрипт от 28 апреля 1805 года, исполненный расположения к обоим участникам конфликта.

«МИЛЬОН ТЕРЗАНИЙ»: ГОЛОВАЧЕВ

Но достаточно ли для Крузенштерна было примирения? Его честь была запятнана, покатились нехорошие разговоры о его вине в смерти лейтенанта «Надежды» Петра Головачева. Несчастный покончил с собой, когда «Надежда» в апреле 1806-го пришла на остров Святой Елены: «Он выстрелил из маленького пистолета, у которого был сломан замок, себе в рот, и изуродовал,

Иван Федорович Крузенштерн (1770–1846), русский мореплаватель, адмирал. Портрет работы неизвестного художника. XIX век

и искромсал все лицо, – вспоминал Левенштерн. – <...> поджег свой пистолет с помощью фитиля из обрезков бумаги. Фитиль этот нашли еще горящим в его руке после выстрела. Чтобы не привлекать внимания, он, не курящий, зажег сигару, от нее прижег фитиль и так осуществил свое намерение. Головачев никогда не пил водки, но за день до этого он взял маленькую бутылку ратафии и утром выпил ее один».

«Сей молодой человек был с необыкновенною подозрительностью, даже к самым нестоющим вещам, с необыкновенным скрытным характером; почему и впал в совершенную малонकोлию», – оправдывался Ратманов, не пожелавший вспоминать, что всю вторую половину плавания офицеры бойкотировали Головачева – единственного на корабле офицера, вставшего на сторону Резанова. Похоронили Головачева на Святой Елене.

После Головачева осталось много писем. Читать их тяжело – путаные, со сбивчивыми мыслями, они написаны человеком, явно переживавшим душевную драму. Одно из них было адресовано Крузенштерну. «14 апреля. Капитану. Желание общее, всех вас, совершилось. Я вам желал добра, когда каждую секунду, требовали жизни моей. Выдумки ваши, и ополчение на характер мой... Извольте отдать пакет, адресовано на его императорское величество, тут и письмо к вам – письмо сие показывает все случаи в совершенных лицах и действиях их. Я от Отца Отечества сего скрыть не хочу; пусть он видит мою не виновность и притом прошу Его, чтоб он уличил сердца ваши, и привлек на путь истинной. Позвольте назвать вас тиранами, но – не всех».

Другое послание Головачева – «толстое письмо к императору». Содержание его осталось неизвестным: Александру I доставили его, но государь не стал его читать и распорядился сжечь, объяснив решение в привычной ему манере: якобы лейтенант «Надежды» усомнился в возможности найти в России правосудие. ❶

Окончание следует.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Титульный лист книги И. Крузенштерна «Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5 и 1806 годах». 1810 год

Секретер-шкатулка, принадлежавший И. Ф. Крузенштерну. Лондон. Конец XVIII – начало XIX века

Огороды на
Плане Москвы
Мериана.
1638 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ДУШИСТЫЙ АРХИПЕЛАГ МОСКВЫ

АВТОР

ЕКАТЕРИНА ЖИРИЦКАЯ

СРЕДИ САДОВ, ЧТО БЫЛИ РАЗБИТЫ В XVI ВЕКЕ ПРИ ЛЮБОМ ЗАЖИТОЧНОМ МОСКОВСКОМ ДВОРЕ, СРЕДИ ЛУГОВ, КУДА ГОРОЖАНЕ ЕЩЕ ГОНЯЛИ ПАСТИСЬ КОРОВ, И ТУЧНЫХ ПОЙМ МОСКВЫ-РЕКИ, ГДЕ ОНИ РАЗБИВАЛИ ОГОРОДЫ, – СРЕДИ ВСЕГО ЭТОГО КИПАЩЕГО ЖИЗНЬЮ МОРЕ ЗЕЛЕНИ НА КАРТЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУССКОЙ СТОЛИЦЫ ОСОБО ВЫДЕЛЯЛАСЬ ОДНА ТОЧКА.

ТАМ РОСЛИ ЛЕКАРСТВЕННЫЕ РАСТЕНИЯ И ПРЯНЫЕ травы, ягодные кустарники и полезные корнеплоды, фруктовые деревья и душистые полевые цветы – все, что потом можно было настаивать, дистиллировать, перегонять и превращать в лекарство. Называлось это место аптекарским огородом.

Туда, на четыре столетия назад, мы с моим собеседником, сотрудником Института всеобщей истории РАН Кириллом Худиным, и отправляемся на воображаемую экскурсию.

ЦАРСКИЕ ЛЕКАРИ

Все в этом названии лукавство. Во-первых, почему – «огород»? В XVII веке он мало походил на череду унылых капустных рядов. Слова «огород» и «сад» тогда еще не разделились по значению, и этими синонимами называли любую засаженную растительностью территорию за оградой. Во-вторых, что же было в этих посадках такого особого, «аптекарского»? В современном русском языке аптекарским огородом называют небольшое пространство внутри сада, где растут лекарственные травы. Но наши средневековые предки называли этим словом внушительные посадки, объединяющие и травы, и кустарники, и деревья. Глав-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ная же особенность аптекарских садов заключалась в том, что ими ведал Аптекарский приказ – своеобразное министерство здравоохранения, государственное учреждение, ведавшее медициной. Аптекарский приказ возник как минимум в конце правления Ивана Грозного – не позднее сентября 1581 года. В то время он иногда именовался Аптекарской палатой. Заведование Аптекарским приказом принадлежало особому дьяку, а высший надзор поручался знатному боярину. При врачевании самым важным было правильно подобрать лекарственное средство и приготовить из него соответствующее снадобье. Тогда продолжала господствовать античная теория гуморов – жидкостей организма (кровь, флегма, желтая желчь и черная желчь): недостаток или избыток каждой из них влияли на состояние организма. Доктора, имевшие университетское образование, подбирали лекарства, которые могли оказать воздействие на эти жидкости.

Аптекари по рецептам докторов готовили снадобья. Первые врачи появились в России одновременно с введением христианства. Вначале лекарское искусство находилось в ведении духовенства, а первые светские врачи-греки приехали на Русь в 1472 году, вместе с Софьей Палеолог, супругой царя Ивана III. Известно, что в 1534 году Иван IV выписал в Москву четырех докторов и четырех аптекарей, уже предполагая на-

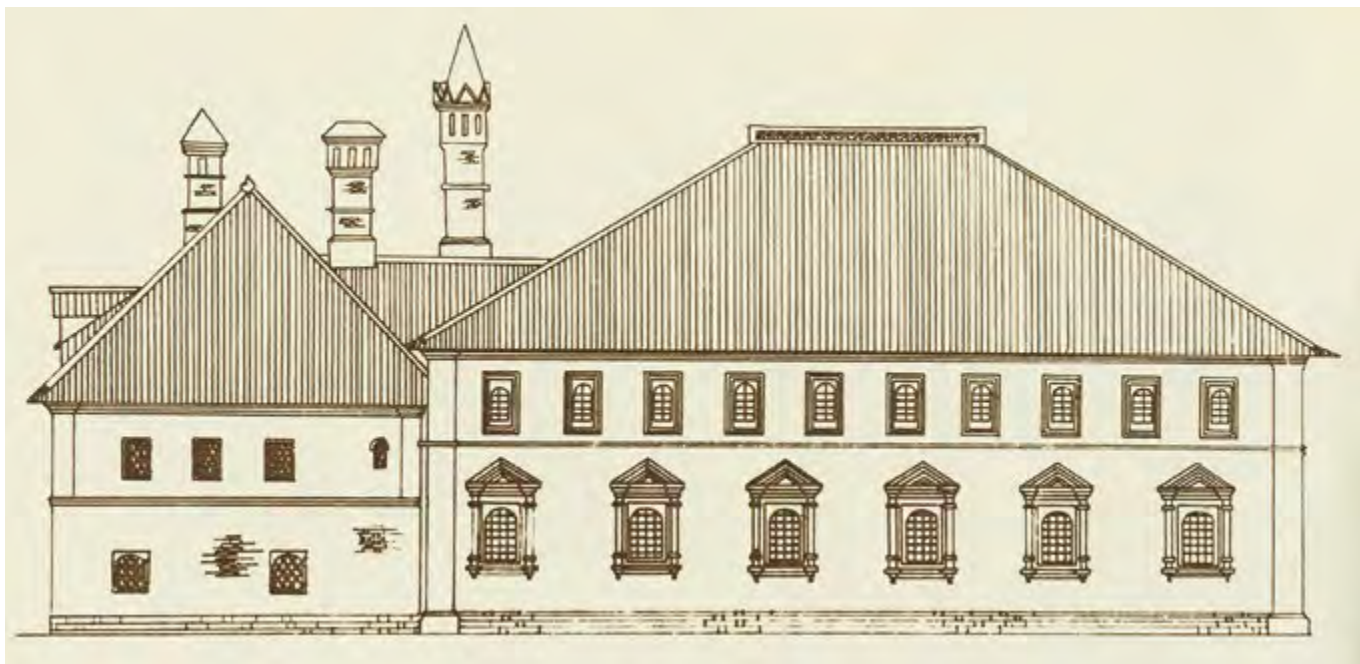
Здание
Главной аптеки
в Москве.
Гравюра
XVIII века

Уход за
больными.
Миниатюра
из рукописи
1648 года
«Житие Антония
Сийского»

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

чающую специализацию этих профессий. Первоначально приезжавшие из-за границы доктора привозили с собой небольшие наборы лекарств, но очень скоро этого стало недостаточно. Появились первые русские аптеки, а затем, под влиянием иностранцев, и первые русские аптекари. Появление первой аптеки в России связывают с приездом в Москву в ноябре 1581 года английского аптекаря Джеймса Френча (Френшам). Аптека Френча признавалась «царской»: она насчитывала около 160 различных лекарств и пользоваться ее услугами могли лишь государь с семьей и его ближайшие приближенные. В отличие от царя и вельмож простой народ поначалу не ходил в аптеки. Он покупал целебные травы, корни и мази в лавках зелейного ряда. Только в 1673 году в Гостином дворе на Ильинке была открыта вторая, так называемая Новая, общедоступная аптека. Однако уже с 1660-х годов все больше царских подданных стало обра-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

щаться в Аптекарский приказ за рецептами.

Получить лекарства из аптеки Френчама было непросто, особенно когда лекарство предназначалось для самого царя и его семьи. Отборные средства, предназначенные для правителя, хранились в аптеке в особой комнате, которая была опечатана печатью дьяка Аптекарского приказа. Без дьяка даже главный аптекарь и царский доктор не могли войти в эту комнату. Каждое лекарство хранилось в склянке, также опечатанной особой печатью. Выписанный для царской фамилии рецепт поступал сначала в Аптекарский приказ. Его сопровождало описание входящих в снадобье веществ и их воздействия на организм. О целебном эффекте лекарства служившие Аптекарского приказа докладывали царю и лишь после его разрешения рецепт направляли в аптеку. Там, в недоступной постороннему глазу комнате, аптекари и готовили прописанное снадобье.

Царская аптека была обставлена с большой роскошью. Окна пестрели разноцветными стеклами, на подоконниках висели дорогие бархатные ковры, потолки были расписаны, стены обиты лучшим английским сукном. Меблировка состояла из бархатной мебели и зеркал, тут же кра-

Палаты
Аптекарского
приказа
в Москве.
Конец XVIII века.
Реконструкция

Марк Ридли
(1560–1624),
английский врач
царя Федора
Иоанновича;
автор первого
англо-русского
и русско-англий-
ского словаря
на 6 тысяч слов

совались заморские редкости: чучела павлинов и географические глобусы. Аптечная посуда была из шлифованного хрусталя или фаянса с позолоченными крышками. Такой роскошью московские цари старались завлечь в страну иностранных лекарей.

Но постоянно выписывать дорогие лекарства из-за границы было неудобно. Поэтому еще в первой половине XVII века столичные власти озаботились тем, чтобы начать готовить лекарства из местного сырья.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ТРАВНИКИ

В поисках лекарственных трав и корней служившие Аптекарского приказа разъезжались по всей России, что было в духе национальных традиций: с давних времен русский народ справлялся с болезнями с помощью лечебных растений.

Посредниками между столичной царской аптекой, ставшей центром заграничного врачевания, и народной медициной с ее знахарями были помясы – травники. Первые упоминания о помясах появляются в 1630-х годах. Помясы находились в ведении Аптекарского приказа, по его распоряжению они обычно и выезжали на промысел. Работали помясы в течение всего лета. Они, как правило, трав не собирали, а поручали это дело крестьянам. Сами же травники, обладая практически знаниями в тогдашней ботанике и фармакологии, отвечали за надзор. Каждый год в конце сезона Аптекарский приказ составлял список собранных лекарственных трав и отдельные списки растений, которые найти так и не удалось.

Чтобы узнать, какими целебными травами лечились наши далекие предки, интересно посмотреть на отчеты помясов в Аптекарский приказ. Например, в 1672 году было собра-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Лекарь Леон, врач из Венеции, лечит от подагры сына Ивана III великого князя Ивана. 1490 год. Миниатюра из Лицевого летописного свода

но «буковицы черной – 500 пучков, конского щавеля – 50 пучков, вороньего сала – 36 пучков», а также «пятиперста, чернобыльника, стародубки, поповой скуфьи, брунера, жабной травы, очной помощи, инперики, унмари, людского щавеля, молодила, медвежьего ушка, чистяка, гудра, кубышки желтой, терматетного корня, бадерьяну и змея». Определить по этим народным прозвищам современные растения зачастую трудно даже ботаникам, ведь подробная классификация растений была создана Карлом Линнеем лишь в XVIII веке. И только если описывать травы брались владевшие латынью иностранные врачи, появляется надежда опознать их.

Собирали травы в зависимости от запросов аптек в разных частях Русского государства: в Казани заготавливали «чечуйную траву», в Коломне – «черную черемичу», в Воронеже – солодко-вый корень. Из-под Ярославля везли можжевелевую ягоду, по не до конца понятным причинам зверобой доставляли из далекого Томска, возможно, полагая, что именно сибирская трава обладает особой силой.

Поиск лекарственных растений считался делом настолько важным, что царь Алексей Михайлович наказывал сибирским воеводам расспрашивать «всяких людей и знахарей» о лекарственных травах, помогающих от болезней, вести записи и от-

сылать их в Москву в Аптекарский приказ.

Наибольшего расцвета работа по мясов достигла к середине XVII века. Сбор трав был регламентирован до мелочей, помясам предписывали не только собирать травы, цветы и корни, но и очищать их от «вольных и невольных» примесей, причем способы очистки, хранения и доставки указывались достаточно подробно. Повинность собирать травы для крестьян была настолько тяжела, что известны случаи, когда при появлении государевых людей разбегались целые деревни. Так, в 1662 году помяс Василий Униковский из-под Ярославля жаловался в Москву, что «ягод не с кого взять, потому что из многих вотчин крестьяне от ягодных недоборов разбегались врознь».

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Артамон Сергеевич Матвеев (1625–1682), русский государственный деятель, ближний боярин царя Алексея Михайловича. Один из главных организаторов первой аптеки в Москве

«Есть трава конский щавель...». Миниатюра из рукописного травника XVII века

АПТЕКАРСКИЕ ОГОРОДЫ

Итак, собирать травы в отдаленных краях государства Российского было нелегко. Недобросовестность сборщиков, частые неурожайи трав, порча их при пересылке на большие расстояния заставили московских правителей задуматься о разведении лекарственных растений в самой Москве.

Первые аптекарские огороды на Руси возникали при крупных монастырях. Они были, например, в Суздале при Спасо-Евфимиевском монастыре, в Троице-Сергиевой лавре, на Соловках – монахи традиционно были и искусными врачами, и искусными садоводами.

В Москве же издавна помимо частных садов существовали и дворцовые сады, как, например, сад в Замоскворечье. Дворцовые сады, как правило, были засажены плодовыми деревьями, собранные в них фрукты поступали в Садовое ведомство, а оттуда – на стол царю или на продажу. Аптечные же огороды были учреждениями государственными.

Москва, как и другие русские города, в отличие от мощенных камнем европейских столиц, застраивалась почти загородными усадьбами. Усадьба – это огороженная территория, где стоит жилой дом, располагаются хозяйственные постройки, есть огород и сад. Сколько огородов было в Москве до возникновения Аптекарского приказа, сегодня уже посчитать не получится. Они были практически в каждом дворе, возникая и формируясь вместе с городом. И это отразилось в московских топонимах: улица Огородная Слобода, церковь Владимира в Старых Садах в Старосадском переулке. Эти сады возникли еще при Иване III, на рубеже XV–XVI веков, на сто лет раньше аптекарского огорода. Уже тогда частные зеленые насаждения постоянно фигурируют в городских документах: кто-то получал сад в наследство, кто-то его продавал.

В Замоскворечье, напротив Кремля, где сейчас Берсеневская набережная (берсень – название крыжовника), был дворцовый царский сад, откуда фрукты и ягоды поставляли прямо в Кремль, на стол царю. В Российском архиве древних актов, Национальной российской библиотеке, архиве Санкт-Петербургского института истории, Пушкинском Доме хранятся документы Аптекарского приказа – рапорты, приходно-расходные книги, переписка с другими приказами, – позволяющие понять размах его работы.

В аптекарских огородах готовили не только лечебные препараты. Строгого разделения на еду и лекарства в те времена еще не было, поэтому отсюда во дворец на царские пиры уходили настойки из редьки и хрена, пряные травы. Записи иностранных гостей свидетельствуют, что в средневековой русской кухне было много приправ. Это могли быть местные пряности, а в богатых семьях – привозные восточные специи. Во второй половине XVII века при Аптекарском приказе возникла «алхимистская казенка», где перегоняли разнообразные водки и эфирные масла.

Не только грядки и деревья, но и сушильни для собранных трав и плодов и избы-поварни с печами, где кипятят и перегоняют зеленое сырье, объединял аптекарский огород XVII века. Это был самостоятельный хозяйственный комплекс. При аптекарских садах был собственный штат садовников, алхимистов, истопников и сторожей.

Поскольку главным предназначением аптекарских огородов оставалось производство лекарств, при садах существовали целые фармакологические лаборатории, «коктории», занимавшиеся переработкой трав в готовые лекарства – различные настойки и мази. В садах не только выращивали, собирали и сушили медицин-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Лаврентий
Лаврентьевич
Блюментрост
(1692–1755),
лейб-медик
Петра I, первый
президент
Петербургской
академии наук
(1725–1733)

ские растения, но и гнали из них эфирные масла (назывались они «московскими» и ценились ниже заграничных).

В хозяйственных постройках аптекарских огородов стояли перегонные кубы, поскольку значительная часть лекарственных препаратов представляла собой водки. Словом «водка» называли тогда вовсе не тот крепкий напиток, который мы знаем сегодня и который тогда назывался «хлебным вином». «Водки» аптекарского огорода – продукты перегонки из разных растений: редьки, хрена, аниса, корицы. Количество лечебных водок как из местных, так и из привезенных растений шло на десятки. Аптекарские сады с их лабораториями и многочисленными служащими больше походили на фабрики, чем на ботанические сады.

Хотя некоторые исследователи насчитывали в Москве до десятка аптекарских огородов, только четыре из них имели подобный статус официально.

ОГОРОД У КРЕМЛЯ

На задворках Музея архитектуры, на углу Воздвиженки и Староваганьковского переулка, стоит скромный беленый дом – одно из немногих сохранившихся в Москве зданий XVII века. Это помещение Аптекарского приказа. По-видимому, в этом корпусе была поварня, а остальные руины Аптекарского двора оказались скрыты усадьбой Талызина.

Первый и главный столичный Аптекарский сад, о котором сохранилось больше всего документальных свидетельств, находился у реки Неглинки, на месте нынешнего Александровского сада. Он возник не позднее конца XVI века и уже был отражен на «Петровом чертеже» 1597 года. Чертеж был создан в правление Бориса Годунова, а называется Петровым, потому что им пользовался Петр I.

Как свидетельствуют документы Аптекарского приказа, в новом саду высадили смородину черную, белую и красную, вишни и сливы, саженцы которых были взяты из находившегося неподалеку частного сада двоюродного брата царя Михаила Федоровича – Никиты Ивановича Романова.

Этот Аптекарский огород хорошо виден на планах XVII века. У Кремлевской стены течет река Неглинка, с одной стороны границу огорода обозначает Кутафья, с другой – Троицкая башня. От Кутафьей башни идет так называемый Старый Каменный мост. Сразу у моста, рядом с нынешним Манежем, стоит церковь Николы в Сапожках. Еще в XV веке итальянские мастера, работавшие в Москве под руководством Алевиза, поставили около Кремля несколько маленьких церквей, больше похожих на базилики. В XIX веке их разобрали. А тогда сразу за Николой в Сапожках и начинался Аптекарский огород – 130 саженей вдоль Неглинки, чуть более 40 саженей в ширину.

Чтобы растить огород, нужно было много воды, поэтому московские огороды распо-

А. Мейерберг.
Вид первен-
ствующего
и обширнейшего
во всей России
города Москвы...
1661–1662 годы

лагались рядом с реками. Для огорода у Старого Каменного моста воду брали из Неглинки. Кремль в то время был жилым кварталом, где стоял не только царский двор, но и дома знати. Канализации не было, все нечистоты по трубам сливались в Неглинную. По документам Аптекарского приказа видно, что работники огорода «у Каменного моста» жалуются, что у князя Одоевского прохудилась труба, и просят Каменный приказ ее починить, чтобы она не отравляла Неглинку и «никакого дурно растениям и цветам, и кореньям не было».

Ко второй половине XVII века в Аптекарском огороде установлено мощное по тем временам оборудование: два деревянных насоса из сосны, за которыми следит специально приглашенный работник. В архивах есть запись, как в 1692 году Аптекарский приказ присылает в огород у Каменного моста насосных дел мастера Степанова сделать деревянный насос, чтобы качать воду в чаны для полива «цветов, трав и кореньев». Два года спустя куплена еще одна пара деревянных насосов из сосны. К концу XVII века Аптекарский огород на Неглинке представляет собой огромное производство с насосами и колодезьями.

Садовые работы начинались в марте и продолжались до октября, пока не уберут урожай. В апреле начинали лудить посуду, чинить кубы, в которых перепускались водки, на зиму укрывали грядки соломой и рогожею, готовили дрова. На территории сада был ледник, куда возили лед с Москвы-реки, где он, видимо, был чище, чем на Неглинке.

В Аптекарском огороде не только выращивали лекарственные травы, ягоды и плодовые деревья, он служил и для увеселения. Прямо к его территории примыкала накрачейня – небольшой деревянный помост, где выступали музыканты. И после богослужения по этому саду гулял царь Михаил Федорович с маленьким царевичем Алексеем Михайловичем.

Аптекарский огород на Неглинке, как и требовалось, был огорожен, вели в него каменные ворота. Рядом с садом находились стрелецкие дворы. Стрельцы несли караульную службу у Кутафьей башни и Боровицких ворот, а затем Аптекарский приказ попросил их выделить отдельную охрану для сада, потому что «воровские люди» начали «яблоки иметь и яблони ломать и лошадей в сад пущать».

Архивы рассказывают и о происходивших в Аптекарском саду курьезах. Так, в 1684 году садовник с помощниками принесли в Аптекарский приказ необычную находку. Прямо в огороде они нашли три иконы с ободранными окладами, «а откуда те образы взялись, и кто их обирал, про то они не ведают». Видимо, воры ограбили какую-то церковь неподалеку, взяли ценные золотые оклады с драгоценными камнями, а сами иконы бросили.

Закончилась история Аптекарского огорода на Неглинке печально. Последнее упоминание о нем в архивах Аптекарского приказа удалось обнаружить в 1743 году. Похоже, эта территория почти полвека стояла заброшенной. В нарушение всех правил там проводились запрещенные кулачные бои, причем, видимо, там дрались профессиональные бойцы, поскольку зрители делали ставки.

Последнее упоминание об Аптекарском огороде встречается уже после войны 1812 года. Тогда Александр I собирался разбить на его месте современный Александровский сад, которому отводилась роль мемориала Отечественной войны, и издает указ о запрете выпаса коров на этой территории.

ОГОРОД У МЯСНИЦКИХ ВОРОТ

В середине XVII века возник огород за Фроловскими воротами. Там, где сейчас станция метро «Чистые пруды», между Мясницкой улицей и Большим Харитоньевским переулком тянулся еще один московский сад, относящийся к Аптекарскому приказу.

Это была окраина города. Фроловские ворота находились на выходе из Белого города к Земляному, и за ними шли редкие дома и городские пустыри. На одном из них находилась Огородная слобода.

К тому моменту Аптекарский огород на Неглинной расширился так, что перестал уместиться в границах плотной застройки городского центра. Стало понятно, что его разросшееся хозяйство надо переселять. Огород за Мясницкими воротами возник около 1653–1654 годов. Он находился на этом месте до 1690 года, пока не был передан в частные руки любимому дяде Петра I Льву Кирилловичу Нарышкину. Одной из причин, почему Мясницкий аптекарский сад просуществовал недолго, стали трудности с водой. С этой точки зрения место оказалось не очень удачным – рядом с новым огородом не было крупных рек.

Описи Аптекарского приказа свидетельствуют, что в саду за Мясницкими воротами было посажено «полторы тысячи кустов красной смородины, двадцать грядок яблоневого саженцев, шесть грядок саженцев сливовых и четыре грядки – терновых». Согласно описи, в 1662 году из Дмитровского уезда в сад за Мясницкими воротами были пересажены: сереборинник (шиповник), смородинник и малинник, а из Полоцка привезено 20 кустов консолиды. Также в саду росли: «божье дерево, кардус бенедиктус, акватикум, атриплекс, бурагов цвет, маков цвет красный, корень львова зуба, сатирионис, корень финикольнов, рутнов корень» и другие растения.

ОГОРОД В НЕМЕЦКОЙ СЛОБОДЕ

Рядом с садом на Мясницкой, практически встык с ним, на землях Немецкой слободы возникает новый Аптекарский сад. Немецкая слобода тянулась по берегу реки Яузы, где сегодня находится улица Казакова. Там располагались обширные пустующие земли, которые удобно было использовать под огороды. Аптекарский огород в Немецкой слободе появляется в марте 1690 года, а в октябре того же года продают в частные руки огород у Мясницких ворот. Так в Немецкой слободе, на месте сада бывшего загородного двора Василия Васильевича Голицына, появляется самый большой Аптекарский огород Москвы.

В новом саду по сравнению с садом на Неглинке сажают особенно много лекарственных трав. И неспроста: в саду в двух шагах от царских палат больше пло-

вых деревьев и кустарников – вдруг они пригодятся для государева стола? Среди же обитателей Немецкой слободы было немало лекарей, которым удобно покупать целебные травы неподалеку от собственного дома.

Огород в Новонемецкой слободе появился уже в петровское время, в конце XVII века, и также отличался разнообразием лекарственных растений. В 1692 году по росписи, составленной со слов заведовавшего огородом иноземца Якова Лихтенберга, были куплены семена майорана, розмарина, «лавендулы», шалфея, тимьяна, базилика и Melissa. В 1699 году помимо перечисленных для сада закупили семена шалфея, фенхеля, мяты, цикория, иссопа, огуречной травы и шафранового цвета, а также сельдерея и петрушки. Было куплено «сто возов навоза, семь возов соломы на покрывание гряд с сереборин-

И.Г. Кашинский.
Русский
лекарственный
травник
(С.-Пб., 1817)

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ником, 20 рогож, 10 вязок мочал и вар» на прививку яблонь. Последним на карте Москвы появился Аптекарский огород в районе нынешнего проспекта Мира – единственный сохранившийся до наших дней. Территория под него была отдана Аптекарскому приказу в 1731 году, когда сад на Неглинке пришел в окончательный упадок. Первым ударом по саду у Каменного моста стала Северная война при Петре I со шведами. В 1707 году вокруг Москвы стали строить особые фортификационные укрепления, так называемые больверки. У двигавшейся с севера шведской армии было два возможных пути наступления – на Москву или на юг. Карл XII пошел на юг, где и был разгромлен под Полтавой. Но долгое время было непонятно, куда именно он повернет. Поэтому Москву, как и другие города на его пути, стали укреплять специальными деревянно-земляными сооружениями – больверками. При этом сада в Немецкой слободе еще нет. И Петр I, понимая, что Аптекарский огород с Неглинной надо срочно пересаживать, просит Василия Дмитриевича Корчмина, который занимался фортификационной подготовкой города, как можно бережнее относиться к саду и по возможности сохранить его.

Почему же Петра во время войны так заботит судьба Аптекарского огорода? Дело в том, что растения, которые там выращиваются, используют для лечения раненых, в том числе и в уже построенном Лефортовском госпитале. Так что Аптекарский огород был важен для снабжения армии лекарствами. Тем не менее часть сада во время фортификационных работ гибнет. Это был первый удар, нанесенный по Аптекарскому огороду на Неглинной. Вторым ударом стал перенос столицы и появление Аптекарского огорода на Аптекарском острове в Петербурге. Именно он теперь становится главным государственным хранилищем лекарственных растений, а значение Аптекарского огорода в Москве снижается. Его деревья и травы выкапывают и частично перевозят в Петербург. Дополнительно Петр требует привезти в новую столицу саженцы не только из городского Аптекарского огорода, но и из купеческих садов. Составляются подробные описи: с какого двора сколько саженцев и какого возраста надо привезти в Петербург. И третьим ударом, который привел к окончательному запустению Аптекарского огорода на Неглинной, стала коронация Анны Иоанновны весной 1730 года. Во время торжеств в саду

Филиал
Ботанического
сада МГУ
«Аптекарский
огород».
Субтропическая
оранжерея.
1880–1890 годы

поставили мортиры с фейерверками и праздничные огни сожгли многие плодовые деревья. Служащие Аптекарского приказа затем пишут московским властям, что Аптекарский сад между Старым Каменным и Боровицким мостами поврежден фейерверками и «оное место к огороду больше не приспособлено». Но «без огорода аптеке быть невозможно», поэтому они просят выделить другой участок. В ответ на эту просьбу Аптекарскому приказу выделяют землю, где сегодня находится огород на проспекте Мира.

В ЛЕФОРТОВЕ И У СУХАРЕВОЙ БАШНИ

И, наконец, еще один Аптекарский огород был создан Петром I при Лефортовском госпитале. Сейчас там находится Госпиталь имени Бурденко, и от петровского огорода ничего не осталось, но пустырь, где он когда-то был, сохранился до сих пор. Считается, что Петр самостоятельно посадил в Аптекарском огороде несколько растений. Однако молва причудливым образом связывает имя Петра с огородом на проспекте Мира, но это историческая ошибка, полагает Кирилл Худин: «Территория на нынешнем проспекте Мира была передана Аптекарскому приказу через шесть лет после смерти Петра, поэтому он физически не мог там ничего посадить». Сад на проспекте Мира еще называли садом у Сухаревой башни, которая стояла как раз в его начале. Несмотря на свое название, это уже, скорее, не аптекарский огород, а ботанический сад, предназначенный для научных исследований. К середине XVIII века лекарства научились создавать химическим путем, а наблюдать за растениями стало делом ученых-ботаников, а не травников и знахарей. Двухвековая история аптекарских садов, душистых заплат на ткани города, завершилась. Наступила новая эпоха развития естественных наук. Аптекарские огороды стали достоянием истории. ■

Елизавета
Дмитриева
(Черубина
де Габриак)

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОГОТАРЕВЫМ

ЦАРИЦА ПРИЗРАЧНОГО ТРОНА

АВТОР
ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

ОБРАЗЦОВАЯ МИСТИФИКАЦИЯ. ИДЕАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ МАСКА. ГОРЬКАЯ СУДЬБА ЕЕ СОЗДАТЕЛЬНИЦЫ, СКРЫВАВШЕЙСЯ ЗА ПСЕВДОНИМОМ ЧЕРУБИНА ДЕ ГАБРИАК И СТАВШЕЙ ОДНИМ ИЗ СИМВОЛОВ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА.

В АВГУСТЕ 1909 ГОДА в редакцию литературно-художественного журнала «Аполлон» пришло письмо: на листках с траурной каймой, пахнущих

духами и переложенных сухими стеблями тимьяна, тонким красивым почерком были написаны печальные стихи. Они были подписаны буквой «Ч» и содержали многочислен-

ные намеки на неординарную трагическую судьбу их создательницы: «И я умру в степях чужбины, // Не разомкну заклятый круг. // К чему так нежны кисти рук, // Так тонко имя Черубины?»

Редактор журнала Сергей Маковский, поэт, художественный критик и известный денди по прозвищу рара Мако, был очарован этими стихами. Загадочная Черубина вскоре прислала новые, переложенные сухими стеблями овса.

Стихи вышли во втором номере «Аполлона», ради них решено было даже подвинуть стихотворную подборку Иннокентия Анненского, что его глубоко огорчило. Ахматова даже считала, что это приблизило его смерть.

К моменту публикации Маковский смог поговорить с Черубиной по телефону и потерял голову от ее голоса. Выяснил, как она выглядит: «У нее рыжеватые, бронзовые кудри, цвет лица совсем бледный, ни кровинки, но ярко очерченные губы со слегка опущенными углами, а походка чуть прихрамывающая, как полагается колдуньям». Он выяснил и другие подробности: «...она и впрямь испанка родом, к тому же ревностная католичка: ей всего восемнадцать лет, воспитывалась в монастыре, с детства немного страдает грудью. Проговорилась она еще о каких-то посольских приемах в особняке «на Островах» и о строжайшем надзоре со стороны отца-деспота (мать давно умерла) и некоего монаха-иезуита, ее исповедника...»

Она была одинока, по-видимому, тосковала, ее телефонные беседы с Маковским стали ежедневными. Маковский чувствовал, что влюбляется. Заинтригованная редакция пыталась раскрыть тайну – вплоть до того, что, когда Черубина объявила, что уезжает за границу, один из сотрудников редакции искал ее на вокзале и напугал какую-то рыжекудрую девушку. Были у Черуби-

ны не только поклонники, но и ненавистники: над ее стихами ехидно издевалась в своих пародиях молодая поэтесса Елизавета Дмитриева.

А вот потом, как вспоминает Маковский, произошло что-то ему непонятное: в мастерской художника Головина, который писал групповой портрет аполоновцев, Макс Волошин дал пощечину Николаю Гумилеву. Силач Волошин не соразмерил силы, и пощечина обернулась тяжелой оплеухой. Гумилев вызвал противника на дуэль, которая состоялась на Черной речке и закончилась бескровно. При этом один из секундантов потерял в талом снегу калошу, ее приписали Волошину; журналисты и сатирики с восторгом вспомнили старую дразнилку «Вакс Калошин». Пошли слухи, что причиной дуэли была Черубина.

В конце концов поэт Михаил Кузмин открыл Маковскому тайну: его Черубина – та самая Елизавета Дмитриева. Маковский позвонил ей, призвал объясниться. Дмитриева пришла. Маковский был глубоко разочарован: «...в комнату вошла, сильно прихрамывая, невысокая, довольно полная темноволосая женщина с крупной головой, вздутым чрезмерно лбом и каким-то поистине страшным ртом, из которого высовывались клыкообразные зубы. Она была на редкость некрасива. Или это представилось мне так, по сравнению с тем образом красоты, что я выносил за эти месяцы? Стало почти страшно. <...> И сделалось до слез противно и вместе с тем жаль было до слез ее, Черубину...»

Елизавета Дмитриева вовсе не была таким редкостным уродом. Иммануэль Маршак, сын поэта, вспоминал ее прекрасные глаза и полагал, что нарисованный Маковским портрет скорее отражает нравственные качества автора, чем облик портретируемой. Глаза у нее были необыкновенные – в этом сходятся все мемуаристы: огромные, сияющие, умные. Она уме-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ла нравиться мужчинам. А еще, как сказала Марина Цветаева, «в этой молодой школьной девушке, которая хромала, жил нескромный, нешкольный, жестокий дар, который не только не хромал, а, как Пегас, земли не знал. Жил внутри, один, сжирая и сжигая». И это тоже притягивало к ней людей.

М.А. Волошин.
Коктебель

Е.К. Маковская.
Портрет Сергея
Константиновича
Маковского.
1897 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

СТРАННЫЕ ДЕТИ

Елизавета Дмитриева родилась 31 марта 1887 года. Отец, Иван Васильевич, преподавал в гимназии чистописание, мама, Елизавета Кузьминична, работала акушеркой. Родители были людьми религиозными. «Небогатая дворянская семья, – вспоминала Дмитриева. – Много традиций, мечтаний о прошлом и беспомощность в настоящем. Мать по отцу украинка, и тип и лицо – все от нее – внешнее. Отец по матери – швед. Очень замкнутый мечтатель, неудачник, учитель средней школы, рано умерший от чахотки. Была сестра, немного старше. Рано, 24 лет, умерла. Очень трагично. Впечатление на всю жизнь. Есть брат – старший». Сестру звали Антонина, брата – Валериан. Лиля была младшей, болезненной и слабой.

Судя по ее рассказам Макс Волошину, старшие дети изобретательно мучили младшую сестру. Ее игрушкам отламывали одну ногу: ты хромя, пусть и игрушки хромят. Сестра рассказывала ей, больной и не покидающей постели, разные истории, а после каждой разбивала одну из ее любимых фарфоровых куколок, «чтоб ничего не было даром». Одной из странных идей сестры было сжигать любимые игрушки – жертвовать огню самое дорогое; однажды дети бросили в печь щенка, но его спасли взрослые. Брат требовал, чтобы 5-летняя Лиля превращала воду в вино, заставлял ее, 10-летнюю, писать расписку, что выйдет замуж в 16 лет и родит 24 ребенка, и всех их отдаст ему, чтобы он их мучил и убивал... Когда они подросли, учил ее нюхать эфир, и сам дошел до того, что ходил по комнатам невменяемый и резал невидимые нити, потом попал в больницу. Трудно сказать, чего тут больше – душевной болезни или желания властвовать над слабым ребенком. Во взрослой жизни брат признаков нездоровья не проявлял, но, по словам сослужив-

цев, был очень неприятным человеком. Морской офицер, он участвовал в Русско-японской и Первой мировой войнах, после революции эмигрировал и, по некоторым данным, дожил до 1965 года. Сестра Антонина умерла от заражения крови при родах.

В 7 лет Лиля заболела туберкулезом – сначала костным, от которого на всю жизнь осталась хромой, – затем легочным. Она нередко теряла сознание, в 9 лет на 10 месяцев ослепла. Состояние между сознанием и обмороком, между сном и явью часто было ей свойственно; ее посещали видения, некоторые галлюцинации взрослой Елизаветы записал Макс Волошин. Как и многие другие болезненные дети, вынужденные месяцами оставаться в постели, Лиля рано полюбила чтение, зачитывалась стихами Каролины Павловой и Мирры Лохвицкой. Сама начала писать лет с 6 – раньше, чем себя помнила. В 9 лет Лиля поступила в Василеостровскую женскую гимназию и, хотя часто пропускала занятия по болезни, окончила ее в 17 лет. В гимназии отлично преподавали языки – французский и немецкий; позднее она выучила еще английский и испанский.

В 13 с ней произошло тяжелое событие: в ее жизни появился «тот человек», о котором она сбивчиво и неясно рассказывала Волошину: «Он хотел, чтобы все во мне пробудилось сразу. Когда же этого не случилось, он говорил, что я такая же, как все. <...> И он был влюблен в меня, он требовал от меня любви: я в то время еще не понимала совсем ничего». Дмитриева рассказывала, что «он» занимался оккультизмом, дал ей первые основы теософии; ее мать любила его. Он был женат, его жена ревновала к 13-летней Лиле. «Тот человек» изнасиловал ее, пользуясь ее беспомощностью.

В том же году умер от туберкулеза ее отец. Так она стала взрослой.

Санкт-Петербург,
Василеостров-
ская женская
гимназия.
Начало XX века

Группа студенток
Императорского
женского
педагогического
института
в столовой
института
за завтраком.
1900-е годы

ИЗ ПОРОДЫ ЛЕБЕДЕЙ

Окончив гимназию в 1904 году, Лиля поступила в Императорский женский педагогический институт: семья была небогатой и зарабатывать на жизнь всем детям предстояло самостоятельно. Лиля поселилась на одной квартире с внучатой племянницей знаменитого художника Лидией Брюлловой и с головой ушла в изучение истории средневековой Европы и языков – испанского, французского, старофранцузского. Примерно в это же время она начала писать стихи, но не подражания символистам, как следовало бы, вероятно, ожидать, а пародии на них.

Лидия Брюллова скоро влюбилась в известного критика Петра Пильского, стала его гражданской женой. Возмож-

но, именно Пильский впервые ввел Лилю в литературные круги Петербурга. Возможно, Пильский рекомендовал ее и Вячеславу Иванову как репетитора немецкого языка для его 14-летнего пасынка. Но ее поэтический голос пока не был слышен в современной литературе. Да и в литературной современности она чувствовала себя неуютно.

В 1907 году она поехала учиться в парижскую Сорбонну по программе Alliance Française для учителей – изучать европейское Средневековье. Обучения не закончила, скорее всего, потому, что сама пока еще не зарабатывала на жизнь, а матери-акушерке все это было не по карману. Из Парижа она привезла живое, одушевленное понимание старой Европы и новые литературные знакомства. Именно там она познакомилась с Николаем Гумилевым.

После возвращения она занялась репетиторством, а с осени 1908 года стала преподавать русский язык и историю в Петровской гимназии. Волошину жаловалась потом, что преподавать ей трудно: если говорит громко – идет горлом кровь, если тихо – дети не учатся.

С Волошиным она познакомилась еще до Парижа. Сейчас же

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

времена для обоих были трудные: Волошин расстался с женой, Маргаритой Сабашниковой, Лиля переживала смерть сестры и ее мужа, который застрелился сразу после смерти супруги. Она научилась воспринимать смерть по-символистски: как освобождение.

Между Лилей и Волошиным завязалась оживленная переписка – он, по сути, стал ее единственным литературным собеседником. Они вместе посещали встречи на «Башне» Вячеслава Иванова. Другим учеником этой поэтической академии был Николай Гумилев.

Их заново познакомили на лекции в Академии художеств, они вспомнили друг друга. Поехали вместе с Волошиным в ресторан «Вена». Лилия и Гумилев много говорили об Африке, о львах и крокодилах. Она очень серьезно сказала: «Не надо убивать крокодилов», и это почему-то очень запало в душу Гумилеву. «Он поехал меня провожать, – рассказывает она, – и тут же сразу мы оба с беспощадной ясностью поняли, что это «встреча», и не нам ей противиться. Это была молодая, звонкая страсть. «Не смущаясь и не кроясь я смотрю в глаза людей, я нашел себе подругу из породы лебедей», – писал Н.С. на альбоме,

подаренном мне». Гумилев не раз просил ее выйти за него замуж. Она отказывалась: еще с 1906 года она считалась невестой молодого инженера Всеволода Васильева – и «была связана жалостью к большой, непонятной мне любви». И все же – пока Дмитриева и Гумилев были вместе. В мае 1909 года они вместе поехали в Коктебель к Волошину.

Е. Дмитриева
в Коктебеле.
Фото М. Волошина.
1909 год

Николай
Степанович
Гумилев.
1909 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

СМЕРТЕЛЬНА И ГОРЬКА

Именно там, в Коктебеле, она поняла, что любит Волошина – и что Волошин любит ее. Волошину она рассказала о Гумилеве, Максимилиан предложил ей сделать выбор, но предупредил: «Если ты уйдешь к Гумилеву – я буду тебя презирать». Она попросила Гумилева уехать – и была совершенно счастлива в обществе Волошина. Когда вернулась, Гумилев снова просил ее руки, она его мучила, но не отпускала. «Почему я так мучила его? Почему не отпускала его от себя? – спрашивала она себя в «Исповеди». – Это не жадность была, это была тоже любовь. Во мне есть две души, и одна из них верно любила одного, а другая другого».

В ней была острая жажда любви – любви, которую она, по замечанию ее биографа Елены Погорелой, воспринимала как «поединок роковой». Может быть, она сама себе доказывала, что ее – ту, которую она видит в зеркале, – можно любить, что она достойна любви. Марина Цветаева в своих воспоминаниях о Волошине писала и о Дмитриевой: «Некрасивость лица и жизни, которая не может не мешать ей в даре: в свободном самораскрытии души. Очная ставка двух зеркал: тетради, где ее душа, и зеркала, где ее лицо и лицо ее быта. Тетради, где она похожа, и зеркала, где она не похожа. Жестокое самосуд ума, сводящийся к двум раскрытым глазам. Я такую себя не могу любить, я с такой собой – не могу жить. Эта – не я». Волошин дал ей больше, чем любовь: он ее слушал и принимал. Она рассказала ему всю свою жизнь, делилась своими видениями и галлюцинациями. Иногда просто пугала его бредом, выпадением в другую реальность. Он слушал, принимал, сострадал – он дал ей выговориться и отчасти освободиться от мучительных воспоминаний и страшных ожиданий. И он

придумал для нее Черубину. А Габриак – это был чертик, кривой корешок, обсосанный морем и выброшенный на берег. Волошин вспоминал, что корешок «имел одну руку, одну ногу и собачью морду с добродушным выражением лица» – и что имя свое получил в честь демона Габриаха, защищающего от злых духов. Ч. де Габриак – «Черт Габриак»; они искали женское имя на «ч», Лиля вспомнила героиню Брет Гарта: «Она жила на корабле, была возлюбленной многих матросов и носила имя Черубины».

Волошин увидел, как рвутся из этой хромой и некрасивой девушки мощные, отточенные, стальные стихи – и придумал для Лили Дмитриевой ее новое «я», равнозначное ее стихам. И как гордо зазвучал ее стих, когда на свет появилась маска Черубины: «Царицей призрачного трона // Меня поставила судьба... // Венчает гордый выгиб лба // Червонных кос моих корона».

Появление Черубины в «Аполлоне» было триумфальным. Ее стихи вышли в двух номерах – втором за 1909 год и десятом за 1910-й, с прекрасными рисунками Лансере. В этих стихах были тайна и горечь, в них был религиозный экстаз – почти сладострастный, сродни экстазу святой Терезы. В них было много черного и много алого – алой крови, алых губ, алых плащей; в них было пряное колдовство, сводившее с ума рара Мако:

*Люби меня! Я всем тебе близка.
О, уступи моей любовной порче.
Я, как миндаль,
смертельна и горька,
Нежней, чем смерть,
обманчивей и горче.*

Сама Лиля в это время жила на 11 учительских рублей в месяц, подрабатывала в редакции «Аполлона», где никто не догадывался о том, кто она на самом деле, – и на гонорар за стихи Черубины купила себе новые ботинки вместо рваных.

Е.С. Кругликова.
Макс Волошин,
читающий стихи.
Силуэт был
опубликован
в журнале
«Аполлон»

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

МОЯ ЛЮБОВЬ, МОЯ ТОСКА...

Маска Черубины постепенно начинала тяготить Дмитриеву: она чувствовала себя виноватой перед Маковским, ее пугали шумиха вокруг ее имени, попытки сотрудников «Аполлона» выследить ее в театре или на вокзале. И ей не с кем было поговорить о своей странной двойной жизни. В результате она открылась едва ли не первому встречному – прибалтийскому немцу, переводчику русской литературы Иоганнесу фон Гюнтеру. Он пишет, что она в первый же вечер знакомства, когда он пошел ее проводить, сама предложила ему прогуляться и чуть ли не набросилась на него с откровениями – просто потому, что ей не с кем поговорить.

Волошин был уверен, что Гюнтер изучал оккультные практики и каким-то образом втерся в доверие к Дмитриевой, находившейся в нервно-возбужденном состоянии. Похоже, у Гюнтера с Дмитриевой был недолгий

роман: он дарил ей украшения, звал к себе в Митаву, она посвящала ему стихи. Но об этом Гюнтер в своих воспоминаниях умалчивает. Он знал, что Гумилев хотел жениться на Дмитриевой. Видя, что оба несчастны, решил их помирить и содействовать их браку, для этого и привел Гумилева к Дмитриевой. Дмитриева в «Исповеди» рассказывает иначе: однажды в редакции «Аполлона» Гумилев снова просил ее руки, она снова отказала – и он ответил: «Ну тогда вы меня узнаете». Через день она узнала от Гюнтера, что Гумилев на «Башне» скверно о ней говорил. «Я позвала Н.С. к Лидии Павловне Брюлловой, там же был и Гюнтер. Я спросила Н.С.: говорил ли он это. Он повторил мне в лицо. Я вышла из комнаты. Он уже ненавидел меня. Через два дня Максимилиан Александрович ударил его, была дуэль».

По воспоминаниям Гюнтера, Гумилев, придя к Дмитриевой, сказал: «Мадемуазель, <...> вы распространяете ложь, будто я собирался жениться на вас. Вы были моей метреской. На таких не женятся. Это я хотел вам сказать». После этого он презрительно кивнул, повернулся к Дмитриевой спиной и вышел. Через два дня Волошин ударил Гумилева. Дальше была дуэль. Гумилев требовал стреляться до смерти на пяти шагах, но секунданты договорились на пятнадцать. Дуэль прекратили после выстрела Гумилева (пишут, впрочем, что он стрелял в воздух) и двух осечек Волошина;

Стихотворения
Черубины
де Габриак
на страницах
журнала
«Аполлон»
(№10 за 1910 год).
Оформление
художника
Е. Лансере

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

тот не умел стрелять и панически боялся по неумению своему попасть в Гумилева.

Тем временем Понтер успел проболтаться Кузмину. Кузмин, уверенный, что любвеобильная Дмитриева пытается впутать Маковского в какую-то грязную историю, открыл тому тайну Черубины. И получился безобразный скандал.

Гумилев вскоре женился на Ахматовой, порвал с символистами и стал одним из основателей акмеизма. Дмитриеву до конца своих дней он ненавидел, Ахматова ее, скорее, презирала. Волошин стал Ваксом Калошиным, всеобщим посмешищем. Дмитриева написала еще несколько стихотворений и надолго замолчала: веселая игра обернулась позором, триумф – поражением, а с Волошиным у нее теперь ассоциировалась только боль. Она то звала его на помощь, то отталкивала: «У меня душа черная, у меня все болит... Точно умираю, Макс, во мне нет радости. Я мучаю и тебя, и себя очень...» Она отказалась приезжать к нему в Коктебель, куда он ее звал. Послала ему несколько нежных, прощальных четверостиший. А потом – последнее, решительное, жесткое письмо: «Я никогда не вернусь к тебе женой, я не люблю тебя». На этом она оборвала переписку.

Борис
Алексеевич
Леман
(1882–1945).
Конец 1920-х –
начало 1930-х
годов

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

МОЛЧАНИЕ

Затем в ее жизни появился новый человек – антропософ, поэт-символист Борис Дикс (настоящая фамилия Леман). Он учился вместе с Всеволодом Васильевым, который все это время по-прежнему был безнадёжно влюблен в Лилию и по-прежнему считался ее женихом.

Возможно, это Леман дал Лиле понять, что не стоит создавать себе темных двойников и шутить с мистическими сущностями. Он пытался наставлять ее в антропософии, удерживал от общения с Волошиным, а ему проповедовал, что так

будет лучше. И она, кажется, тоже решила, что так будет лучше – или хотя бы не так больно.

Стихи как будто закончились в ней, иссякли, умерли вместе с Черубиной. Зато она отдалась изучению антропософии, в которой надеялась найти утешение и путь – тот путь, по которому ей, заплутавшей и потерянной, теперь надо было идти. Кроме того, она занялась большой работой по переводам со старофранцузского. Она молчала, думала, плакала. И через два года молчания поняла, что ей делать.

В 1911 году она вышла замуж за Васильева, который верно ее ждал. Елена Погорелая полагает, что для нее это означало возвращение к самой себе: «Васильев любил в ней не жизнетворческий образ и не гипотетический идеал, а саму Лилию – хромую, пленительную, обаятельную, жалкую, неуверенную в себе».

Воля Васильев, инженер-гидролог, оказался для нее спокойной, крепкой поддержкой. Он тоже был антропософом. Они вместе ездили в Германию слушать Штайнера. Штайнер обратил внимание на Елизавету Васильеву и поручил ей возглавить антропософскую ложу в России. Она радостно взялась за дело. Организовывала, привлекала новых членов, проповедовала Радость – и, казалось, сама была счастлива. Но окружающим счастливой не казалась: зрелище таланта, убитого догмой, не для тех, кто помнит талант во время его расцвета.

В 1916 году из Крыма приехал Волошин. Между ними возобновилась переписка и в одном из писем она призналась ему: «Пойми, пойми, Макс, милый, как тяготит меня мертвое творчество, как изнасилована моя душа!» Может быть, эта встреча снова пробудила в ней способность писать стихи; первые строфы просыпаются в 1917 году – накануне слома эпохи.

Организаторы
краснодарского
Детского городка
и Театра для
детей.

Слева направо:
Б.А. Леман,
Л.Р. Свирский,
С.Я. Маршак,
Е.И. Васильева.
Краснодар.
1921 год

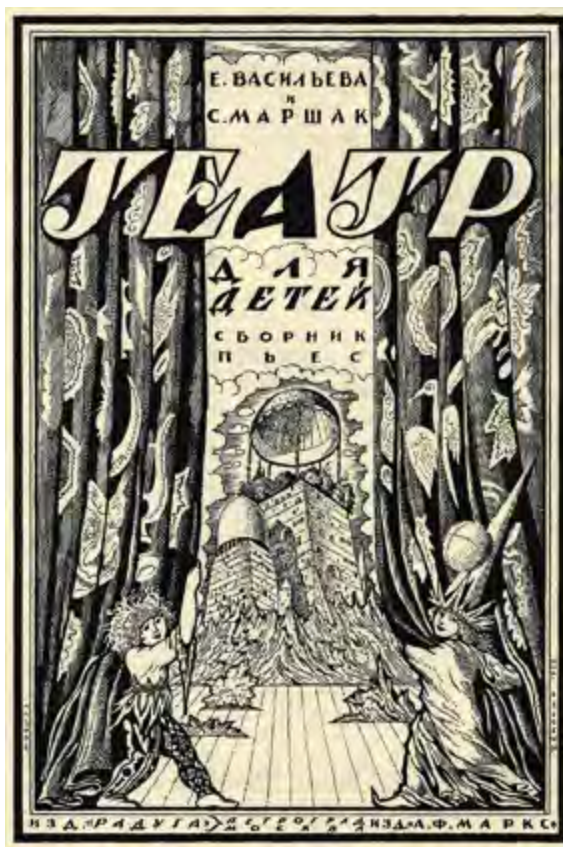
ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

НА ЮГЕ

Когда эпоха сломалась, брат Елизаветы Васильевой был на фронте, муж – в командировке на юге. Быстрее всех сориентировался Борис Леман: он увез Лилию из Петрограда на юг, к мужу, оставаться в революционной столице ей, главе российских антропософов, было небезопасно. Преодолев тяжелый путь через линию фронта, они оказались на территории, занятой белыми, в Екатеринодаре. Соединиться с Васильевым не удалось, в городе его не оказалось – возможно, он был мобилизован белыми. Васильева и Леман брались за любую работу: она писала какие-то брошюры для библиотечарей, делала переводы для ОСВАГа – пропагандистского агентства Добровольческой армии, работала в местной прессе. В одной из газет она встретила Самуила Маршака, которого помнила еще по Петербургу.

Они вместе занялись созданием Детского городка для беспризорных детей: детский сад, школа, библиотека, мастерские и театр. Леман подключился к работе – и как администратор, и как теоретик: тут ему помогала антропософия с ее опытом вальдорфских школ. Для театра Маршак и Васильева стали писать пьесы – и порознь, и в соавторстве; ее перу полностью принадлежат «Молодой король» по Уайльду и «Цветы маленькой Иды» по Андерсену. В этом театре было много игры, дурачества, радости – и Васильева, голодная, слабая, вынужденная подрабатывать в переплетной мастерской, ощущала себя в своей стихии. Вскоре в городе появился поэтический кружок «Птичник», где каждый из участников называл себя какой-то птицей. Она стала учить в нем молодых поэтов – и сама снова стала писать стихи.

Один из молодых поэтов «Птичника», узнав, что она – та самая Черубина, познакомил ее со своим учителем, Евгением Архипповым, собиравшим стихи Черубины. Так завязалась переписка – старомодная, дореволюционная по духу; она скоро стала подписываться Черубиной. Именно Архиппов сохранил самый

Е. Васильева,
С. Маршак. Театр
для детей. 1922
год. Обложка
художника
С. Чехонина

полный архив стихов Черубины: архив Елизаветы Ивановны был реквизирован при обыске и исчез. И именно ему она рассказала историю своих взаимоотношений с Гумилевым.

Рудольф Штайнер (1861–1925), немецкий философ, основатель антропософии – «науки о духовных методах познания чувственной действительности»

ЗДЕСЬ Я УМИРАЮ

К 1922 году слава краснодарского ТЮЗа (в 1920 году Екатеринодар был переименован в Краснодар. – Прим. ред.) докатилась до столицы. Сам нарком просвещения Луначарский позвал Васильеву и Маршака в Петроград, чтобы создать детский театр. В мае семья Маршаков, Васильева и Леман уехали из Краснодара.

Петроград произвел на Васильеву удручающее впечатление: «Под травой уснула мостовая, // Над Невой разрушенный гранит... // Я вернулась, я пришла живая, // Только поздно, – город мой убит».

Она сразу поехала к Лиде Брюлловой, теперь в замужестве Владимировой. Вскоре они сняли квартиры на одной лестничной площадке в доме №74 на Английской набережной. Елизавета Васильева получила возможность быть рядом с любимой семьей, возиться с дорогими ей детьми. В 1925 году она перевезла к себе маму, которая взяла на себя все заботы о быте дочери.

До 1924 года она прослужила в ТЮЗе – внештатно. Сотрудничество с театром и дружба с Маршаком сошли на нет: трудно сказать, виной ли тут ревность жены Маршака или опасение, что екатеринодарские связи (а Маршак тоже сотрудничал с белогвардейской прессой) могут его скомпрометировать.

Рассталась она и с Леманом. Он вскоре женился на молодой антропософке. Он считал необходимым проповедовать антропософию как можно шире, Васильева считала, что это опасно, да и не было у нее уже никаких сил на проповедь. Теперь они оба возглавляли антропософские ложи; ее ложа была более камерной, домашней.

В 1924 году она поступила на курсы библиотечковедения при Библиотеке Академии наук: та нуждалась в знающих иностранных язык сотрудников, а Васильева знала несколько языков, включая старофранцузский. Именно знание старофранцузского ввело ее в круг сотрудников «Всемирной литературы», грандиозного

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

горьковского проекта по изданию лучших произведений мировой литературы в лучших переводах. Она перевела «Песнь о Роланде» и юмористическую повесть «Мул без узды». Чуть позже написала для детского отдела Госиздата живую и увлекательную повесть «Человек с Луны» о Миклухо-Маклае.

В ее жизни появился еще один важный человек: ее последней любовью стал антропософ, музыкант, полиглот, китаевед Юлиан Щуцкий. Ему было 25, ей 35; она была для него проводником в мир антропософии.

В 1925 году она съездила к мужу в Ташкент (бывший белогвардеец надеялся, что в Ташкенте безопаснее, чем в столице, однако там же его позже и арестовали. — Прим. авт.). Она понимала, что могут арестовать и ее, что это вопрос времени. Так и вышло. Арестовали ее и Лемана в апреле 1927 года. В вину обоим вменяли сотрудничество с ОСВАГОм и руководство антропософскими объединениями. Полтора месяца Васильева просидела в заключении, затем ее выпустили и вынесли приговор: ссылка на Урал на три года. Она вернулась домой и обнаружила, что весь ее архив изъят при обыске: «пропали все мои книги, все мои стихи, все мои карточки». Как будто уничтожили всю ее жизнь.

Ее выслали по этапу в Свердловск. Путешествие в переполненном душном вагоне для нее, сердечницы, у которой каждый день случались тяжелые приступы, было адом. К тому же у нее украли все вещи. Друзья и родные о ней хлопотали, чье-то вмешательство помогло смягчить приговор: ссылка в любой из городов страны, за исключением шести. Она выбрала Ташкент и уехала к мужу, в его надежную, спокойную, устроенную жизнь, в маленький домик под грушевым деревом. И отсюда написала Архиппову: «Здесь я умираю».

Она давно отвыкла от мужа, а он от нее. По сути, они стали чужими еще в 1921 году, с тех пор практически не виделись — но

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

именно сейчас он стал для нее опорой. Ей было тяжело: жара мешала дышать, ей было так плохо, что она понимала, что три года просто не выдержит. Тем временем Юлиан Щуцкий выбил себе командировку в Японию и по дороге туда увиделся с ней — еле живой, страдающей. Он счел, что оживить ее можно только творчеством, и придумал для нее новую маску — китайского поэта Ли Сян Цзы, философа, сосланного «за веру в бессмертие человеческого духа». Цикл

Е. Дмитриева.
1912 год

Юлиан
Константинович
Щуцкий
(1897–1938),
востоковед

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

стихов назвали «Домик под грушевым деревом».

*Как для монаха радостны вериги,
Ночные бденья и посты, —
Так для меня (среди этой
пустоты!)*

*Остались дорогими только книги,
Которые со мной читал
когда-то ты!*

*И может быть, волшебные
страницы*

*Помогут мне не ждать...
и покориться.*

Она заболела — тяжело, жестоко, с острыми болями, с морфием. Сначала считали, что это воспаление желчного пузыря, потом оказалось — рак желудка. Она еще успела повидать Щуцкого, который ехал обратно из Японии. Успела написать Волошину. Успела написать несколько стихотворений — одно из них о темноглазом фавне, который встречает ее там, на полях асфodelей:

*Он подошел к постели
И улыбнулся: «Ну, что ж,
У нас зацвели асфodelи,
А ты все еще здесь живешь?»*

Он подошел к постели

И улыбнулся: «Ну, что ж,

У нас зацвели асфodelи,

А ты все еще здесь живешь?»

*Когда ж соберешься в гости
Надолго к нам?..»*

И флейту свою из кости

К моим приложил губам.

В последние свои дни она очень мучилась. Ее положили в больницу; она оставалась в ясном сознании, но была совершенно немощна физически. «Волюшка, это конец?» — спросила она мужа, который все эти дни был рядом с ней. «Это конец», — подтвердил он. Она скончалась 5 декабря 1928 года.

Так окончилась эта странная, ломаная, путаная жизнь, в которой было столько горя, столько нежности, столько озорства, столько разочарования. Сейчас никто уже не знает, где искать ее могилу на ташкентском кладбище и сохранилась ли она вообще. Но сохранился тот самый волшебный голос, та гордая и горестная интонация, когда-то сводившая с ума весь «Аполлон»:

*И я умру в степях чужбины,
Не разомкну заклятый круг.*

*К чему так нежны кисти рук,
Так тонко имя Черубины? ❀*

Райнер Мария
Рильке

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

НА ПРОСТРАНСТВАХ ИЗБРАННЫХ РОДИН

АВТОР

МАРИНА ЯРДАЕВА

ТО, ЧТО ВСЕ ПОЛУЧАЮТ ПО ПРАВУ РОЖДЕНИЯ – СЕМЬЮ, РОДИНУ, КУЛЬТУРУ, – АВСТРИЙСКИЙ ПОЭТ РАЙНЕР МАРИЯ РИЛЬКЕ ВЫНУЖДЕН БЫЛ ИСКАТЬ САМ. И НЕ ТОЛЬКО ИСКАТЬ – ДОБИВАТЬСЯ. ОДНАКО ЖЕ ОН БЫЛ ВОЗНАГРАЖДЕН. ВСЕ-ТАКИ ВЫБИРАТЬ ТО, ЧТО НЕ ВЫБИРАЮТ, НЕ ТОЛЬКО БРЕМЯ, НО И ПРИВИЛЕГИЯ. ВЕДЬ ПО РИЛЬКЕ, НА «ПРОСТРАНСТВАХ СВОИХ ИЗБРАННЫХ РОДИН» ГОРАЗДО ЯСНЕЕ «ПОСТИГАЕТСЯ КРЕПОСТЬ И СИЛА СВОЕЙ КРОВИ». А ГЛАВНОЙ «ИЗБРАННОЙ РОДИНОЙ» СТАЛА ДЛЯ ПОЭТА РОССИЯ.

В СЕ НАЧИНАЕТСЯ с семьи. Даже если роль семьи отрицается, даже если семья объявляется чем-то случайным. Просто тогда с нее начинается сиротство...

4 декабря 1875 года в Праге в семье чиновника железнодорожного ведомства Йозефа Рильке родился сын Рене. Мать мальчика, Софи Рильке, переживая утрату

дочери, родившейся первой, называла сына женским именем, наряжала и именвала «маленькой барышней». А когда игралась, оставила мужа и сына, которому исполнилось 9 лет, и переехала в Вену. Отец, мечтавший в юности об офицерской карьере, отправил мальчика в кадетское училище в Санкт-Петербурге, а затем в Высшее военное училище в Мериш-Вайскирхене.

Со своим
отцом.
Прага.
1884 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Учащийся кадетского училища
Рене Рильке

Детство Рильке считал загубленным, позже он даже сравнивал его с «Мертвым домом» Достоевского. Главное, что вынес поэт из ранних лет, – это чувство одиночества, покинутости, непонятости. Отца Рильке не уважал вовсе, к матери испытывал противоречивые чувства: от тоски – до презрения, от обиды – до гнева. Он писал, что от нее «ни разу не повеяло теплым бризом». В общем, никакой семьи не было, как не было дома и, как следствие, даже родины.

Из военного училища Рильке отчислили в 1891 году по состоянию здоровья. Раздосадованный отец определяет его в Торговую академию в Линце, где Рене продержался год. Позже он экстерном сдает экзамены на аттестат зрелости и в 1896-м поступает в Пражский университет, где изучает философию и юриспруденцию. В 1894 году выходит его первый поэтический сборник, «Жизнь и песни», не имевший успеха. В 1896-м издается второй сборник – «Жертвы ларам». Приобретший некоторую известность Рильке путешествует по Италии, некоторое время живет в Мюнхене, где в университете слушает лекции по философии, затем перебирается в Берлин, где встречается с женщиной, сыгравшей в его жизни важнейшую роль.

Прага,
Карлов
мост. Работа
неизвестного
чешского
художника.
XIX век

«В МЕНЯ ВОШЛА РОССИЯ»

Судьбоносное знакомство Рильке с писательницей и философом Лу Саломе происходит в 1897 году. Молодой поэт попадает под ее обаяние, пленяется ее невероятным умом и широтой взглядов. Впрочем, не он первый. Саломе буквально свела с ума Ницше, мечтавшего взять ее в жены, ей приписывают вину в гибели философа Пауля Ре, а ее муж, лингвист Фридрих Карл Андреас, только пригрозив самоубийством, смог жениться на ней. Добавим, на момент знакомства Рильке исполнился

21 год, а Лу было 36 лет. Молодой поэт тоже не устоял перед чарами «гениальной русской» – так называл ее Ницше (Луиза Густавовна фон Саломе родилась в 1861 году в Петербурге в семье генерала фон Саломе, получившего дворянство от Николая I. – Прим. ред.).

Под влиянием Саломе Рильке даже поменял свое имя на более мужественное – Райнер. Но Лу дала Рильке не только имя, она открыла ему Россию и этим, по словам поэта, обусловила его «поворот к подлинно своему в себе». Случилось так. В 1899 году Лу Саломе и ее муж запланировали поездку в Россию на Пасху. Позвали и Рильке. Он, уже очарованный Тургеневым, Толстым, Достоевским, пришел от идеи в восторг. Путешествие началось с Москвы, с празднования Пасхи в кремлевском Успенском соборе. Райнер был потрясен. Яркая, гостеприимная, праздничная Москва открыла ему Россию, в которой он почувствовал себя дома. Этого чувства он не испытывал ни в родной Праге, ни в Мюнхене, ни в Берлине, ни позже в Париже. «То была моя Пасха, и я верю, что мне ее хватит на всю жизнь; весть в ту московскую ночь была дана мне странно большой, она была дана мне прямо в кровь и в сердце», – вспоминал поэт.

Рильке и Лу
Андреас-Саломе

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

В первый раз Рильке пробыл в России недолго, но успел познакомиться с художниками Леонидом Пастернаком и Ильей Репиным, побывал в гостях у Льва Толстого. Рильке многого ждал от этой встречи: пылкий романтик, ищущий правды на земле и в Боге, надеялся на долгие беседы о судьбах мира, жаждал духовного наставничества. Но классик был, кажется, не в духе, он лишь посоветовал путешественнику не особенно очаровываться Россией и не ходить в православные храмы. Рильке был обескуражен. Впрочем, недолго. И советам мудрого старца он не последовал. «Я <...> рассматривал древние русские иконы, изучал изображения Христа и Богородицы и понял, чем отличается Владимирская Богоматерь от Смоленской. Мне все еще кажется, что эти вещи имеют громадное значение; это даже то единственное, что имеет смысл знать», — писал он в письме русской знакомой Елене Ворониной.

Вернувшись в Германию, Рильке усердно взялся за изучение русского языка, ежедневно несколько часов в день уделял чтению русской литературы в подлинниках. Поэт себе как будто не принадлежал. От только обретал себя, открывал через новую, но странно родную, близкую культуру.

В мае 1900 года Райнер Мария Рильке снова в России. Он посетил Москву, Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Казань, Великий Новгород, Киев. В столицах он познакомился со многими писателями и поэтами. Он вновь побывал в Ясной Поляне у Толстого, общался с его последователями. Какое-то время Рильке жил в Тверской губернии у крестьянского поэта Спиридона Дрожжина, затем — среди крестьян Ярославской губернии. Его интересовал феномен русской души.

В то время как русская интеллигенция разочаровывалась в народничестве и в своей отчизне, когда властители умов писали о многовековом рабстве русского

Рильке, Лу Андреас-Саломе и крестьянский поэт Спиридон Дрожжин. 1900 год

мужика, о его безынициативности, покорности, лени, Рильке открывал в русском народе великую мудрость. Наблюдая жизнь крестьян и простых горожан, он вдруг обнаружил, что закабаленность и угнетенность совсем не обязательно приводят к гибели души, он увидел, что русскому человеку даны силы, давно утраченные европейцами.

«Может, русский человек для того и сотворен, — писал Рильке, — чтобы, дав человеческой истории пройти мимо, войти

после этого в гармонию вещей... Он должен подождать, потерпеть и, словно скрипач, которому еще не подан знак, сидеть в оркестре, осторожно удерживая свой инструмент». А кем дан русским этот дар? Кто во главе оркестра? Да Бог, конечно.

В «Историях о Господе Боге», написанных Рильке сразу по возвращении в Германию, один из персонажей спрашивает героя-рассказчика о России, насколько эта страна далека и огромна, да с какими государствами граничит. Герой отвечает, что Россия граничит с Богом. Он совсем рядом здесь, в России, все тут полно его дыханием. Да и сам русский Бог особенный — он не так грандиозен и величествен, не так совершенен и недосыгаем, как западный Бог, русского Бога запросто можно встретить в образе плотника, занимающегося починкой крыши маленькой деревенской церквушки, или в образе старца, который ходит из села в село и поет скорбную песню о правде.

Для Рильке Бог — это сама Россия. В цикле «Часослов», также вобравшем в себя впечатления от жизни в России, поэт пишет: *Сквозь сон — хрустящей сажу — шепот,*

Ты — грусть, нет, брось, ты Русь печей.

Не знанье, не веков ручей,

Ты — непонятный, темный опыт, Из ночи в ночь — в ночи ночей.

А.А. Рыбников. Пасхальная заутреня в Кремле

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

«Я ТАК ОДИН»

В России Рильке без преувеличения обретает новую родину. Он, человек без семьи, без отчизны, наконец обретает дом. И дом этот, долго пустовавший, наполняется хлопотами: все в нем упорядочивается и обновляется. Изучая русскую историю, литературу, фольклор, Рильке берется переводить «Слово о полку Игореве», пишет стихи и рассказы о России. Однако скоро выясняется, что в доме, хоть и оказавшемся родным, он все же гость. И поэт вновь его покидает. Более того, он убежден, что дом, родину, должно оставить. Никто не в состоянии этого постичь. Даже наиболее близкая ему Лу Саломе. Рильке же, с юности захваченный притчей о блудном сыне, сам себя ощущавший вечным скитальцем, вдруг осознает, что родина – это не последняя истина, это не прочный и крепкий терем, построенный из идей и убеждений, родина – это маяк, который должен освещать путь. А путь должен быть продолжен. И путь стоит продолжать в одиночестве.

Эта идея наиболее полно отражена в последнем из русских стихотворений. В конце 1900 – начале 1901 года, уже в Германии, Рильке пишет на русском языке

несколько небольших текстов. И если первые – это больше попытка не столько обуздать русскую музу, сколько грамматику, то в последних слог, стилистика, мастерство вообще не имеют уже никакого значения – это вырвавшаяся боль.

*Я так один. Никто не понимает
молчанье: голос моих длинных дней
и ветра нет, который открывает
большие небеса моих очей.*

*Перед окном огромный день чужой
край города; какой-нибудь большой
лежит и ждет. Думаю: это я?
Чего я жду? И где моя душа?*

С женой Кларой
Вестхофф

Рильке и Огюст
Роден. Париж.
1902 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Душа Рильке требует одиночества, поиска. Но Рильке этому противится, норовит с этого пути свернуть. Отсюда противоречия. После возвращения из России он отдаляется даже от Лу Саломе. В то же время он пытается влезть в тесную колею самого простого, приземленного человеческого благополучия: когда боль одиночества достигает пика, он женится на скульпторе Кларе Вестхофф. Семейной идиллии не выходит, не спасает брак и рождение дочери. Клара и Райнер быстро расходятся, поэт уезжает в Париж. Столица Франции встречает его холодно, здесь он еще более одинок и подавлен. Отрадой на короткое время стало знакомство с Огюстом Роденом – Рильке написал о скульпторе монографию, стал его личным секретарем. Однако вскоре отношения не особенно удачливого поэта и вошедшего в славу ваятеля разладились. Рильке был позорно отвергнут.

Что делать поэту, когда скорбь его тяжелее песка морского, когда он, словно Иов, оставлен не только людьми, но и Богом? Садиться за стол, брать перо и писать прозу – экзистенциальный декадентский роман о смысле жизни и творчества. С 1904 по 1910 год Рильке пишет книгу о блудном сыне, который не хотел быть любимым, о человеке – поэте, художнике, – отказывающемся от рая. Почему? Да потому что несчастных тьмы. И между ними чудовищное разъединение, и правды между людьми нет. «Записки Мальте Лауридса Бригге» – это не только концентрированная боль, погружение в одиночество и страх в обертке модернизма, это еще и удивительные философские наблюдения человека, ум и чувства которого обострены до предела, человека, пытающегося отыскать себя в людской бездне.

«Людей – бездна, а лиц еще больше <...>» – пишет Рильке. – Есть люди, которые одно лицо носят годами, оно, разумеется, снашивается, грязнится, может

прохудится на складках, растягивается, как перчатка, которую надевали в дорогу. Это – простые, бережливые люди; они не меняют лица, даже не отдадут его в стирку. Сойдет, говорят они, и кто им докажет обратное? <...>

А есть люди, которые невероятно часто меняют лица, одно за другим, и лица на них просто горят. Сперва им кажется, что на их век лиц хватит, но вот им нет сорока, а остается последнее. В этом, бесспорно, своя трагедия. Они не привыкли беречь лицо, последнее за восемь дней снашивается до дыр, во многих местах делается тонким, как бумага; и все больше просвечивает изнанка».

Рильке невыносимо жить среди одних только лиц, быть хочется среди душ, да и с ними очень желательно жить так, чтоб ничью не задеть, не оцарапать, «чтобы никого не ставить в страшное положение любимого». Почему же страшно? Да потому что человека «бесконечно трудно любить», потому что «это под силу лишь Одному». Не Россия ли открыла эти жуткие и великие бездны в поэте и писателе?

Впрочем, не прозой единой жив художник, тем более поэт. С 1906 года Рильке вновь путешествует. Сначала по Германии, потом отправляется в Италию, какое-то время живет на Капри, где знакомится с Горьким – кажется, они не понравились друг другу. Затем возвращается во Францию и увлекается живописью Сезанна, после колесит по северу Африки. Все это поэту, блудному сыну мира, необходимо для творчества. Он утверждал, что главное в поэзии не чувства, а опыт. «Ради единого стиха нужно повидать множество городов, людей и вещей, – писал он, – надо понять зверей, пережить полет птиц, ощутить тот жест, каким цветы раскрываются утром».

И опыт дает о себе знать, поэт набирает силу. В 1910-х годах Рильке приступает к мрачным

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

В своем кабинете.
Около 1905 года

На прогулке
близ замка
Мюзо

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

«Дуинским элегиям», которые через десять лет наряду с «Сонетами к Орфею» принесут ему славу. В перерывах в работе над «Элегиями» поэт создает цикл «Жизнь Девы Марии», издает «Первые стихотворения», готовит сборник «Пять гимнов», посвященный начавшейся Первой мировой войне.

С 1921 года Рильке живет в Швейцарии, в замке Мюзо, где обретает еще один родной дом, а вместе с ним покой и уверенность в силе своего творчества, такого же несовременного и вневременного, как его новое средневековое прибежище. Помог, как водится, случай. «Внезапно нашлось то, перед чем было не устоять, – вспоминал Рильке. – Этот старинный замок в виде башни, чья кладка восходит к XIII веку, а потолки с накатом и некоторые предметы обстановки (сундуки, столы, стулья) остались от XVIII, предлагался на продажу или в аренду... И уже завтра я съезжаю из отеля, чтобы поставить небольшой эксперимент по выживанию в довольно суровых условиях замка, которые дают на тебя как доспехи!» Но он не только выжил – он ожил. Мысли пришли в порядок, идеи получили ясное воплощение.

Духовный подъем, увы, был непродолжительным. С 1923 года ухудшается здоровье Рильке, периоды творческой активности чередуются с состоянием подавленности и апатии. 1925–1926 годы – последняя яркая вспышка в жизни поэта.

Л.О. Пастернак.
Рильке в Москве.
1928 год

Р.-М. Рильке. Часослов.
Обложка издания 1920 года

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА С РОССИЕЙ

В 1925 году Рильке отмечает 50-летие. Он известный, уважаемый поэт, на его юбилей откликаются многие видные современники. Поздравления приходят и из далекой России. Райнер Рильке получает письмо от Леонида Пастернака. В письме русский художник помимо прочего признается, что творчество Рильке высоко ценит и его сын, Борис Пастернак, тоже ставший поэтом. А стихи Пастернака уже знакомы австрийскому гению, он читал их в сборнике, выпущенном в Берлине в 1922 году Ильей Эренбургом, и Рильке пишет об этом в ответном письме.

Ответ Рильке прочел и сам Борис Пастернак. По словам русского поэта, упоминание его в этом известии стало для него потрясением. В посмертном письме Рильке, являющемся послесловием к «Охранной грамоте», Пастернак вспоминал: «В первый раз в жизни мне пришлось в голову, что Вы – человек, и я мог

бы написать Вам, какую нечеловечески огромную роль Вы сыграли в моем существовании». Что же это за огромная роль? Поэзией Рильке молодой Пас-

Борис
Пастернак.
1920-е годы

тернак увлекся в 1910-е годы, на страницах его университетских тетрадей запестрели переводы стихотворений с немецкого. Впрочем, увлекся не только Пастернак, «Часослов» Рильке стал в это время чуть ли не новой библией у студентов Московского университета. Молодые люди, пробуя себя в поэзии, испытывали колоссальное влияние зарубежного поэта. У Пастернака это влияние заметно в стихотворениях, вошедших в сборники «Близнец в тучах», «Сестра моя – жизнь» и «Темы и вариации».

Однако в ответном письме Рильке Пастернак пишет не только о том, каким откровением стало для него творчество старшего товарища по перу, он вдруг заводит речь о Марине Цветаевой, которая любит Рильке «не меньше и не иначе», чем он, Пастернак. «В тот же день, что и известие о Вас, – писал Пастернак Рильке, – я здешними окольными путями получил поэму, написанную так неподдельно и правдиво, как здесь в СССР никто из нас уже не может написать. <...> Это – Марина Цветаева, <...> Она живет в Париже в эмиграции. Я хотел бы, о ради Бога, простите мою дерзость и видимую назойливость, я хотел бы, я осмелился бы пожелать, чтобы она тоже пережила нечто

Марина
Ивановна
Цветаева

подобное той радости, которая благодаря Вам излилась на меня. Я представляю себе, чем была бы для нее книга с Вашей надписью, может быть, «Дуинезские Элегии», известные мне лишь понаслышке».

Так в 1926 году, в последний год жизни поэта, началась переписка Рильке с Мариной Цветаевой. Переписка – ничего не говорящее слово. Роман в письмах? Не то. Дружба? Опять нет. Все-таки слишком пылко, слишком страстно. Это было словно воссоединение родных душ, разлученных когда-то в ином измерении. Чересчур возвышенно? Да. Но было так. А еще переписка Цветаевой и Рильке – это искусство. Но не человеческое – не литература, а словно творимое какой-то высшей стихией. В первом же послании, в книге, отправленной Марине Ивановне, Рильке оставил надпись:

Касаемся друг друга... чем?

Крылами.

Издалека свое ведем родство.

Поэт один. И тот, кто нес его,
Встречается с несущим
временами.

Письмо Рильке
Цветаевой.
Май 1926 года

Семья художника Л.О. Пастернака
в московской квартире
на Волхонке

А в письме Рильке сокрушается, что хоть и провел почти весь 1925 год в Париже, он, увы, так и не встретил Марину Цветаеву, не познакомился с ней, не поговорил. Как же так? Марина Ивановна объясняет: «Почему я к Вам не пришла? Потому что люблю Вас – больше всего на свете. Совсем просто. И – потому, что Вы меня не знаете. От страждущей гордости, трепета перед случайностью <...> И еще: Вы всегда будете воспринимать меня как русскую, я же Вас – как чисто-человеческое (божественное) явление».

Это было движение друг к другу двух обездоленных душ. Рильке уже понимал, что жизнь покидает его, он мучился болями, страдал от ощущения беспомощности. Марина Ивановна переживала тяжелый пе-

риод в эмиграции: из-за невозможности зарабатывать вместе с мужем литературным трудом ее семья испытывала крайнюю нужду. И Цветаева, и Рильке чувствовали ужасное одиночество и непонимание окружающих. И вот нашли друг друга. Это общение не было безоблачным. Прорывалось человеческое. Рильке временами был слишком слаб, чтобы отвечать на страсть русской поэтессы, Цветаева принимает это за черствость, стремление к одиночеству, необходимому для творчества. В письме Пастернаку, который собирался навестить поэта, она пишет, что Рильке «ничего, никого не нужно», что «от него веет холодом». Но, интерпретируя слабость Рильке как отчуждение, как «мольбу о покое», сама она все же не может, не в силах на эту мольбу ответить. Она и стремится к нему всей душой, и обвиняет его. В одном из писем она отправляет Рильке поэму «Попытка комнаты».

Изначально это стихотворение Марина Ивановна написала в ответ на письмо Пастернака, однако к лету 1926 года обнаружилось, что поэма, в которой нашли выражение все тогдашние противоречия ее сердца, куда больше подходит для опи-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

сания странных отношений Цветаевой и Рильке.

*Без судорожных «где ж ты?».
Жду. С тишиной в родстве,
Прислуживают – жесты
В Психеином дворце.*

Обескураженный Рильке тоже отвечает стихами.

*...Ах, как врозь и вдали, –
даже повод ничтожный, Марина,
нас разобщает, увы. Посылаем
лишь знаки друг другу...*

Ревность Марины Цветаевой (или, как она настаивала, – ревность) только обостряется. К кому, к чему она ревнует? К другой России. «Ты все время в разъездах, – укоряет она поэта в письме, отправленном в начале августа, – не живешь нигде и встречаешься с русскими, которые – не я. Слушай и запомни: в твоей стране, Райнер, я одна представляю Россию». Рильке молчит. Цветаева, не дожидаясь ответа, отправляет следующее письмо. «Райнер, этой зимой мы должны встретиться», – требует она.

В конце августа Рильке пишет из санатория в Рагаце последнее письмо Марине Цветаевой. Это не прощание, но, безусловно, попытка объяснить. Он жалуется на здоровье, на «неот-

Райнер Мария
Рильке

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Могила поэта
на деревенском
кладбище
в коммуне Рарон,
кантон Вале,
Швейцария

ступную тяжесть», которую он «уже не в силах преодолеть». Но из последних сил он возмущается желанием Цветаевой ограничить одной собой всю огромную его Россию. «Протестую против любой исключительности (она коренится в любви, но деревенеет, вырастая)», – объясняет он в последних строках письма. После – окончательно замолкает.

С 30 ноября 1926 года Рильке уже не покидает клинику Валь-Монт. В середине декабря он пишет последнее письмо Лу Саломе. «Ты знаешь, – обращается он к давнему другу, – какую боль, физическую, поистине огромную, я впустил в пласты моего существования <...> Эта боль покрывает меня. Подменяет меня. <...> Что-то носится в воздухе на исходе этого года, предвещающее беду, угрожающее». Последние слова он написал по-русски: «Прощай, дорогая моя».

Он не ошибся. Умер от лейкемии именно на исходе года – 29 декабря. Марина Цветаева узнала об этом в самый Новый год – 31 декабря. Борис Пастернак позже, из письма Марины Ивановны. К сороковому дню после смерти поэта Цветаева закончила поэму «Новогоднее». Этот отклик на уход Рильке явился самым пронзительным не только в русской эмигрантской среде, но и в СССР.

*Если ты, такое око – смерклось,
Значит, жизнь не жизнь есть,
смерть не смерть есть.*

*Значит – тьмится! Допойму
при встрече! –*

*Нет ни жизни, нет ни смерти, –
третье,*

Новое. И за него (соломой

*Застелив седьмой –
двадцать шестому*

Отходящему – какое счастье

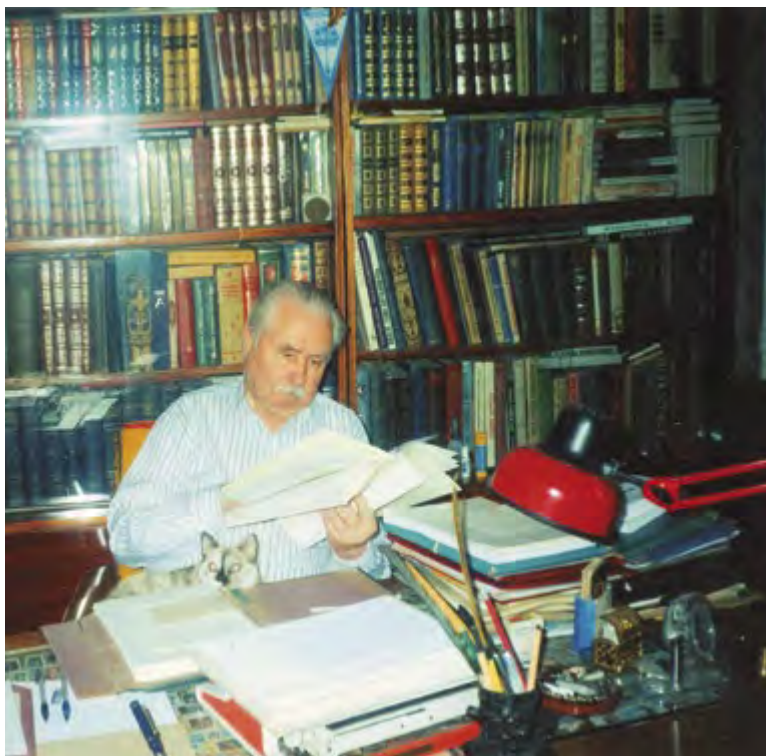
*Тобой кончиться,
тобой начаться!)*

*Через стол, необозримый оком,
Буду чокаться с тобою*

*тихим чоком
Стекла о стекло? Нет –*

не кабацким ихним:

*Я о ты, слиясь дающих рифму:
Третье. ■*

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

ПЕРЕСЕЧЕНИЕ СУДЕБ

АВТОР

ЕЛЕНА МАЧУЛЬСКАЯ

КАЗАЛОСЬ БЫ, ЧТО МОЖЕТ СВЯЗЫВАТЬ ГУБЕРНАТОРА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ И СЫНА СИБИРСКОГО КРЕСТЬЯНИНА, КОТОРЫХ, К СЛОВУ СКАЗАТЬ, РАЗДЕЛЯЛИ ПОЛТОРА СТОЛЕТИЯ? КАК НИ СТРАННО, МНОГОЕ. ОБА БЫЛИ ЛЮДЬМИ ВЕСЬМА ДЕЯТЕЛЬНЫМИ И НЕРАВНОДУШНЫМИ. И ГЛАВНОЕ – ИМЕННО ОМСКИЙ ПИСАТЕЛЬ ИВАН ПЕТРОВ ПОМОГ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМУ ГУБЕРНАТОРУ НИКОЛАЮ МУРАВЬЕВУ-АМУРСКОМУ ВОЗВРАТИТЬСЯ В РОССИЮ...

ДЛЯ ИВАНА ПЕТРОВА делом всей жизни стало возвращение памяти, восстановление исторической справедливости. А жизнь он прожил долгую и оставил 28 книг, в которые вошло множество очерков-исследований, посвященных Сибири и сибирякам.

ВОЗВРАЩАЮЩИЙ ПАМЯТЬ

Иван Федорович, остро ощущавший кровную связь с родной землей, был настоящим летописцем истории родной Сибири: «Оглядываясь на прошлое нашего края, нельзя не заметить одной очень существенной особенности, которая сопровождала развитие сибирской истории

с самых первых дней. Речь идет о массовом героизме первых поселенцев новоприобретенного края. Не о смелости героев-одиночек, не об отваге славных землепроходцев только и не о риске тех многочисленных групп смельчаков, которые руководствовались в своих дальних путешествиях одной лишь жаждой наживы, промышленявших в Сибири пушнину, которую везли затем длинными водными путями через трудные волокна на Сольвычегодскую и Великоустюгскую пушные ярмарки, а именно о массовом трудовом героизме простых русских людей, мужественно преодолевавших «Океаны льда и снега», чтобы оживить холодную страну, вдохнуть в нее новую жизнь. О тех, кто, придя в Сибирь, оседал в ней, становился здесь постоянным жителем, кто осваивал эту неласковую землю, заводил пашню и промыслы, строил города и села, торил дороги».

Иван Петров родился в 1920 году в крестьянской семье в деревне Степанихе Крутинского района Омской области. Его предков в деревне звали «питонцами» – так в народе именовали питомцев императрицы Марии Федоровны, помогавшей встать на ноги детям павших героев войны 1812 года.

В детстве Ваня Петров мечтал о путешествиях и приключениях, у него даже был свой корабль – долбленое корыто под названием «Пирога». «Пирога» стояла в «гавани» речки Ир. Как-то приглядевшись к школьной географической карте, Ваня совершил настоящее открытие: раз Ир впадает в Ишим, Ишим в Иртыш, Иртыш в Обь, то от его дома водным путем можно достигнуть Северного Ледовитого океана, а оттуда – Атлантики и Тихого океана. А значит, даже доплыть до Чили или острова Ява! А когда отец и дядя заводили разговор о делах минувших – обоим пришлось воевать, – Ваня часами мог сидеть и слушать.

Но с мечтами пришлось распрощаться надолго: когда Ване

было 12 лет, его отца репрессировали (домой из тюрьмы он уже не вернулся), а семью раскулачили. Ваню едва не исключили из школы, но семилетку он все-таки окончил. А после уехал к старшей сестре в Уфу. Работал на заводе мотористом, сварщиком, лебедчиком на земснаряде, в свободное время – читал.

В армию его призвали за год до начала войны. Старший сержант Иван Петров с боями прошел всю Великую Отечественную, начав войну на Кольском полуострове и завершив на Дальнем Востоке, был награжден орденами и медалями. Но воспоминаний о войне он не написал. Этот «пробел» писатель объяснял просто: «Считаю, что подвигов за мной особых не числилось. Дедушка и отец были георгиевскими кавалерами. Двоюродный дед Дмитрий воевал под началом легендарного генерала Скобелева. Я не хочу себя с ними равнять. О войне пишу – о подвигах Филиппа Комкова, Марии Цукановой, Петра Ильичева. При чем здесь я?»

После демобилизации Иван Петров работал в Омске на заводе «Полет». В 1958 году получил высшее образование, окончив историко-филологический факультет Уральского университета – тогда ему было 38 лет. И наконец занялся писательским трудом.

Иван Петров начинал как юморист и сатирик, пробовал себя в

из фондов Омского литературного музея имени Ф. М. Достоевского

драматургии. Но его настоящим призванием оказалась историческая публицистика.

Так наконец сбылась детская мечта о путешествиях: Петров работал в журнале «Земля Сибирская, Дальневосточная» и много ездил по командировкам. В каждом городе работал в архиве. И одно за другим возвращал из забвения забытые имена. Рассказывал об основателе Омска полковнике Иване Бухольце и основателе Тары князе Андрее Елецком. О своем любимом герое – идеологе областничества Григории Потанине и его жене Александре Потаниной – пер-

Старший сержант Иван Петров был среди тех, кто отражал регулярные атаки немецких десантов на Мурманск – главную военноморскую базу Северного флота

предоставлено М. Золотаревым

В год 285-летия Омска Иван Федорович издал книгу, опровергающую связанные с этим городом разнообразные околосторические домыслы

вой женщине-путешественнице. О писателях Петре Ершове, Вячеславе Шишкове и Антоне Сорокине... Каждый материал был выверен по архивным источникам. За цикл публикаций, посвященных Ивану Бухольцу, Иван Петров был удостоен премии Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

Он очень ценил возможность «прикоснуться к самым интереснейшим судьбам». И умел взглянуть на исторические события с неожиданного ракурса. В его текстах прошлое переплетается с настоящим и оказывается вновь актуальным. Очерковые циклы Петрова всегда отличали продуманная композиция и глобальность замысла, они не были просто собранием исторических фактов. Например, в книге «О малой родине и сыновьем долге» жизнь современного Омска рассматривается в связи с его историческим прошлым и судьбами малых городов Сибири. Иван Петров считал, что именно человеческая память создает особое, духовно-нравственное пространство города: «Память! Величайшее в мире благо! Бесценное состояние, без которого была бы

Так в 1950-е годы выглядел город, с которым писатель связал свою жизнь

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Иван Петров был инициатором издания этого коллективного сборника и его составителем

невозможна человеческая цивилизация». Память в очерках Петрова, пожалуй, главное действующее лицо.

Что такое «заслуженный отдых», писатель не представлял. Он говорил: «Я без работы не могу». Его волновало все, что происходило вокруг. Даже в преклонном возрасте он активно публиковался в местной печати, опровергая разнообразные окологисторические домыслы. В год 285-летия Омска 81-летний писатель написал цикл статей под названием «Легенды и мифы старого Омска».

Но в городе, который так любил Иван Петров, памяти о нем, увы, не осталось. Установленный в 2013 году – вскоре после смерти писателя – на омской Аллее литераторов памятный камень Ивану Петрову не вписался в концепцию недавнего благоустройства. На месте Аллеи литераторов сегодня стандартный бульвар с новомодными дизайнерскими конструкциями...

В свое время, работая над книгой «Следы на земле», Иван Петров прошел, кажется, по всему Сибирскому краю – от Урала до Тихого океана. И всюду разыскивал и фотографировал каменные и бронзовые изображения людей, заслуживших благодарную память потомков. В том числе дальневосточного губернатора Николая Муравьева-Амурского...

К. Маковский.
Портрет генерал-губернатора Восточной Сибири графа Н.Н. Муравьева-Амурского.
1863 год

ПЕТР ВЕЛИКИЙ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

Николай Муравьев участвовал в Русско-турецкой войне, потом воевал в Польше и на Кавказе. «Я понимаю, почему Кавказ меня любит – потому что я его люблю со всеми его лихорадками и лишениями; там я только мог развернуться; там я в своей тарелке», – писал Муравьев брату. В 1841 году, в 32 года, отважный офицер уже был генерал-майором, однако из-за полученных в боях ранений через три года вынужден был выйти

в отставку. А в 1847 году император назначил Муравьева губернатором Восточной Сибири – одной из самых обширных областей России.

Генерал показался Николаю I человеком, способным навести порядок в крае, прославившемся оголтелой коррупцией и беззаконием. И император не ошибся. «Муравьевское время» стало совершенно особым периодом в истории Сибири: ни до, ни после ничего подобного не было. Муравьев сумел заставить местную элиту вспомнить, что существуют законы, с которыми нужно считаться. Преобразования коснулись практически всех областей управления и общественной жизни огромного края. Недаром уже современники Муравьева говорили, что этот человек стоит целого комитета министров, и называли его «Петром Великим Восточной Сибири». Впрочем, доносов, которые на него писали, хватило бы на целую библиотеку.

Энергия губернатора расценивалась окружающими как «необычайная». Муравьев и сам не раз говорил, что его пост требует «чрезвычайных физических усилий, здоровья необыкновенного, непомерной деятельности». «Небольшого роста, нервный, подвижный, – писал о Муравьеве Иван Александрович Гончаров, – ни усталого взгляда, ни вялого движения... Какая энергия! Какая широта горизонтов, быстрота сообра-

Пароходо-корвет «Америка». Летом 1859 года Муравьев-Амурский зашел на нем в пролив Гамелена и, переименовав его в Босфор Восточный, повелел на следующий год заложить в бухте пост и назвать его «Владивосток»

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

жений, неугасающий огонь во всей его организации, воля, борющаяся с препятствиями!» Когда молодой флотский офицер Геннадий Невельской поделился с губернатором мыслью об исследовании устья Амура — реки, которая могла дать России выход к Тихому океану, Николай Николаевич тут же поддержал это смелое начинание. В то время считалось, что воды Амура теряются в наносных песках лимана у перешейка, соединяющего материк с Сахалином. Но Невельской выяснил, что Сахалин — это остров. А 1 августа 1850 года на свой страх и риск он поднял на мысе Куегда в низовьях Амура русский флаг. Действия смелого офицера вызвали в столице, где многие во власт-

ных кругах волновались, «как бы чего не вышло», настоящую бурю. Утихомирить ее сумел лишь Муравьев, который добился встречи с императором. Царь в итоге назвал поступок Невельского молодецким, а на заготовленном приказе о разжаловании написал: «Где раз поднят русский флаг, там он уже спустаться не должен».

Но в Петербурге по-прежнему тревожились, что «амурское дело» не понравится Европе. Муравьев с завидным упорством преодолевал сопротивление канцлера Нессельроде. Он сумел добиться еще одной встречи с императором, убедил его, что все опасения напрасны, и получил бумагу, подтверждающую его полномочия

Одно из орудий графа Муравьева-Амурского. Хабаровск. Начало XX века

Станция Муравьев-Амурский. Общий вид. 1890-е годы

на ведение переговоров с Китаем по вопросу о границе. Впрочем, деятельный губернатор начал заселять приамурские земли раньше, чем начались переговоры с Пекином: первый сплав по Амуру состоялся в 1854 году. Ведь на берега Тихого океана имели виды англичане и французы, их суда все чаще появлялись в дальневосточных водах.

Поначалу в Приамурье согласились переселиться сибиряки, привлеченные большими льготами. За ними потянулись новоселы из центральных областей России. А на берегу Амура один за другим возникли укрепления, ставшие в будущем городами-форпостами России на Дальнем Востоке: Хабаровск, Владивосток, Благовещенск... Все первые четыре сплава были осуществлены под непосредственным руководством Муравьева. Отсутствие губернатора во время пятого объяснялось причиной более чем уважительной: он сидел за столом переговоров с китайцами. В мае 1858 года в небольшом китайском городке Айгуне генерал-губернатором Муравьевым без единого выстрела была одержана блестящая победа. Китай признал полное право русских на земли по рекам Амур и Уссури. В августе того же года за исключительные заслуги перед государством Николай Николаевич Муравьев императорским указом получил титул графа Амур-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ского. Но всего через три года граф Муравьев-Амурский, в очередной раз не поладив с петербургским начальством, вышел в отставку.

Следующие двадцать лет Николай Муравьев-Амурский жил с супругой во Франции. Вдали от родины он оставался в курсе всего, что происходило в Сибири и Приамурье. А сибирские вояжеры неизменно проводывали «своего графа» – привозили байкальского омуля, китайские яблоки... «В Россию меня не зовут, – с горечью писал он, устав считать бесцельно уходящие годы, – даже говорят, там совсем не желают скорого моего возвращения». Граф Муравьев-Амурский скончался в ноябре 1881 года и был похоронен на Монмартрском кладбище.

ДВЕ СБЫВШИЕСЯ МЕЧТЫ

Через несколько лет после кончины графа Амурского в Хабаровске на Амурском утесе на народные деньги воздвигли памятник. Все говорили, что скульптору Александру Опекушину удалось достичь большого портретного сходства с тем неумным губернатором, которого многие здесь еще хорошо помнили. Но памятник человеку, благодаря которому Россия получила выход к Тихому океану, простоял недолго: в 1925 году монумент по приказу Дальревкома был уничтожен. Разбитая 5-метровая скульптура долго валялась в прибрежном парке. А на высокий постамент водрузили памятник Ленину, не задумавшись о том, что небольшая фигура на огромном постаменте будет смотреться нелепо.

Памятник графу Н.Н. Муравьеву-Амурскому на берегу Амура в Хабаровске. Конец XIX века. Был разрушен в советское время

В Сибири оставалось лишь одно скульптурное изображение графа Амурского – на пьедестале памятника на берегу Ангары, сооруженного в честь завершения строительства Транссибирской магистрали, который в ходе работы над своей книгой сфотографировал Иван Петров. На гранях пьедестала расположены бронзовые портреты выдающихся исторических деятелей, которые внесли заметный вклад в освоение и развитие Сибири – Ермака Тимофеевича, реформатора Михаила Сперанского и графа Амурского. «Великое амурское дело» – возвращение России Приамурья, его заселение и хозяйственное освоение – Петров называл одной из самых славных и незабываемых страниц российской истории. Потому он вновь и вновь возвращался к этой теме. Изучил все, что нашел в Хабаровске, потом поехал в Петербург и там в Русском музее обнаружил небольшую статуэтку – макет памятника Опекушину, который был представлен на конкурс. И загорелся идеей восстановить памятник.

Кроме того, в конце 1980 года Петров обратился в Министерство иностранных дел СССР с убедительной просьбой, чтобы кто-то из сотрудников нашего

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Хабаровка. Амур и общественный сад на горе. 1880-е годы

Воссозданный памятник.
1993 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

Макет памятника, сохранившийся
в Русском музее

посольства во Франции посетил Монмартрское кладбище, искал могилу бывшего губернатора и поинтересовался, нет ли на ней памятника либо надписи. Скоро пришел ответ: в нем сообщалось, что могила найдена. На ней – крест, вытесанный из белого камня. В нише креста бронзовая табличка, на которой выбито по-русски: «Города Приморской области – Хабаровск, Владивосток и Никольск-Уссурийский – графу Муравьеву-Амурскому». «С того момента, как он навсегда уехал из Восточной Сибири, прошло более сорока лет. Какую же надо оставить после себя память в среде местного населения, чтобы по прошествии столь большого времени у представителей городов Дальнего Востока явилось горячее желание почтить его, уже давно мертвого, лежащего в чужой земле!» – писал Иван Федорович в своем очерке, который был опубликован в журнале «Земля Сибирская, Дальневосточная».

Очерк, посвященный графу Амурскому, автор завершил такими словами: «Не зря говорится, что слава – высокая скала. Змея добирается до нее ползком, а сокол достигает ее вершины единым взмахом крыла. Не таким ли могучим взмахом

явилось для России и все великое амурское дело? Айгунский договор, порвав вековые путы, связывавшие ее правое крыло на востоке, дал ей наконец возможность высвободить и расправить его для вечного, высокого, вдохновенного полета». Вскоре после публикации с Петровым связались хабаровские краеведы, которые решили восстановить памятник по макету Опекушина – очерк был проиллюстрирован фотографией скульптуры.

Иван Петров был настоящим романтиком, влюбленным в родную Сибирь. Он рассказывал о ее истории так, что заражал этой любовью всех, кому доводилось прочесть его очерки

ИЗ ФОНДОВ ОМСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО МУЗЕЯ ИМЕНИ Ф. М. ДОСТОВЕВСКОГО

И началась настоящая эпопея – на воплощение идеи в жизнь ушли годы. Иван Федорович боролся за восстановление памятника, вел обширную переписку. И наконец в 1992 году бронзовая фигура графа, олицетворявшая незыблемое присутствие России на берегу Тихого океана, встала на свое прежнее место. Деньги собирали всем миром. «Бог не дал мне заслужить внимание моих современников, – горько сетовал когда-то Николай Николаевич, – не рассчитываю я на внимание и потомства». Но он ошибся... При чем самое деятельное участие в его судьбе принял человек, живущий за тысячи километров от Дальнего Востока.

Кроме того, в результате переписки Петрова с французским посольством стало возможным событие, которое с полным правом можно назвать историческим: в 1990 году прах Муравьева-Амурского перевезли из Парижа во Владивосток и с почестями перезахоронили. Так сбылась мечта губернатора Восточной Сибири: Николай Николаевич не раз подумывал о дальневосточной земле как о месте своего последнего упокоения. ■

ЦЕНТР СИЛЫ

АВТОР

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ [ФОТО АВТОРА]

В КАКОЙ ДЕРЕВНЕ НАЙДЕТСЯ КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ И ДОМ ТВОРЧЕСТВА И, СООТВЕТСТВЕННО, НАСЫЩЕННАЯ КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ? МОЖЕМ ПОДСКАЗАТЬ ОДИН ТАКОЙ АДРЕС: ДЕРЕВНЯ МОРОСКИНО ГОРНОМАРИЙСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ МАРИЙ ЭЛ. ВСЕ БЛАГОДАРЯ ТОМУ, ЧТО ЗДЕСЬ ЖИВЕТ ЗАСЛУЖЕННЫЙ ХУДОЖНИК РЕСПУБЛИКИ СЕРГЕЙ АЛДУШКИН.

ПРИ ОДНОМ ВЗГЛЯДЕ на поместье Алдушкина понятен размах его идей. Старинная изба и ворота с богатой резьбой, на другой избе – резная вывеска музея. На ней волжский пейзаж окружают осетры, водяные лилии, задумчивая русалка. Название выведено на марийском – «Ши-Йыл», то есть «Серебряная Волга». Входим через скрипучую дверь в избу. «Это наш семейный дом, – рассказывает Сергей Алдушкин. – После смерти мамы в 2006 году дом достался мне, как самому

младшему, пятому ребенку в семье. Я решил дом отреставрировать. Картины отца некогда было переносить, они вписываются только в деревенский интерьер. И я стал музеем понемногу собирать. Экспонаты все местные, можно сказать, родные. Вот эта дуга для упряжи ямщика 1875 года сделана моим прадедом Ембатуровым Елизаром Петровичем. У него была целая артель, дуги они отправляли по России. Вот и фотография артели сохранилась. Это гармошка Ерошкина Никандра Петровича – нашего гармо-

ниста. Впрочем, раньше почти каждый играл на гармошке, а женщины – на гусях. Здесь же хранится архив деревни и окрестностей. Я собирал народные названия районов, деревень, оврагов, холмов. Очень важно знать и хранить историю малой родины. Основу архива создал местный житель Петров Фока Егорович. Он написал историю почти каждого дома в Мороскине, по его записям я систематизировал материал. Архив, как видите, совсем не пылится: сюда приходят жители наших деревень узнать о родных, о своих семейных домах».

Алдушкин рекламой музея и галереи не занимается – уверен, посетителей будет всегда сколько нужно

Ямщицкая дуга с цифрами «1875», искусно сделанная прадедом Сергеем

Придорожную часовню
Алдушкин превратил
в произведение искусства

СОВЫ, РУСАЛКИ И ВДОХНОВЕНИЕ

В архиве у многих жителей па-
спортные имена продублиро-
ваны местными, которые ни в
каких документах не значатся.
Звучат они непривычно: Петр
Хедор Лия, Силюн Миколай,
Лазр Лёксандр, Кузьман Овоть,
Тёпин Серге... Некоторых жите-
лей чаще называют марийски-
ми именами. Бывает, спросишь
Васильева Анатолия – соседи
пожимают плечами, а скажи
«Патён Толя» – всякий знает.
Алдушкин придумал и символ
деревни – сову. Резные укра-
шения в виде сов – по独一无у

ке и «семьями» – встречаются в
его поместье повсюду. Рассказывают, что старинный родник
в овраге издавна был пристанищем белых сов. И до сих пор
там в зарослях гнездятся совы
и филины.

Ну а символ музея и дома Ал-
душкиных – русалка. Обнажен-
ные красавицы с рыбьим хвостом вместо ног здесь в любом
виде: рисованные, глиняные,
деревянные. Отец Сергея, Сер-
гей Степанович Алдушкин,
тоже любил писать русалок.
Картин его сохранилось немно-
го, качество их удивляет, ведь у
него было всего четыре класса

В родительском
доме также
располагается
мастерская
художника,
ему особенно
нравится
работать здесь

образования. Где отец научил-
ся рисовать – для Сергея загад-
ка. Вероятно, в летние месяцы
он ходил на берег Волги смо-
треть, как работают художники:
местные виды привлекали жи-
вописцев не только Поволжья,
но и москвичей. Отец Сергея в
колхозе занимался творческой
деятельностью: заведовал клу-
бом, рисовал плакаты, писал и
ставил пьесы в драмкружке...
Культурная жизнь, судя по все-
му, в Мороскине кипела.

Сени дома – место мистиче-
ское. На полу разлеглась русал-
ка, вырезанная из ствола липы;
над ней – три большие картины
«Жизнь отца».

«Этот триптих – моя курсовая
работа в Суриковском институ-
те, – объясняет Сергей. – Каким-
то чудом удалось вернуть карти-
ны после экзамена. Тогда еще
и в мыслях не было делать му-
зей, но вот они сюда вписались
единственно возможным обра-
зом – по размеру и по смыслу.
В центральной картине запечат-
лен момент, как рождается об-
раз у художника: к нему прихо-
дит вдохновение в виде музы,
ему хочется задержать это мгно-
вение, он ни о чем другом не
думает... А на двух других кар-
тинах – будни отца, он был заяд-
лый рыбак».

Совы,
символ деревни,
вырезанные
на фронте
музея

**ТЯГА, НАСТЫРНОСТЬ
И ПОИСК СЕБЯ**

Отец умер в 1979 году, когда Сергею было 12 лет. Он вырос в окружении красок и холстов – старший брат, Вениамин, тоже занимался живописью. Неудивительно, что и Сергей увлекся ею.

«После восьмого класса я решил поступать в Йошкар-Олинское художественное училище, – рассказывает Сергей Алдушкин. – У меня не было подготовки, но была сильная тяга к рисованию. Приехал я в Йошкар-Олу первый раз в жизни. Мне 14 лет, я один, никаких знакомых. По жизни у меня всегда находились люди, которые помогали, настоящие наставники. В Йошкар-Оле меня приютил мой земляк Анатолий Иванович Трофимов – он был известным дизайнером в городе и преподавал в художественном училище. Не зная ничего обо мне, он поселил меня у себя и подарил первую в моей жизни хорошую беличью кисточку. В училище один студент четвертого курса преподавал мне первый мастер-класс – написал этой кистью кувшин акварелью...

После училища меня направили в Москву, в Суриковский институт (Московский государственный академический художественный институт им. В.И. Сурикова. – Прим. авт.). Не просто далось, только с третьего раза поступил. Два провала стали для меня серьезным вызовом. Человек я по натуре настырный, отступать не хотел. После каждой неудачи начинал рисовать еще сильнее, циклами зарисовки делал, анатомию проштудировал от и до. Как художник я нашел себя на третьем курсе. В институте у меня композиция плохо шла. Зимой на каникулах решил рисовать для души. Сделал цикл акварельных зарисовок деревенского мира: бабушка вяжет чулочки, молодая женщина с ребенком, рыбак за починкой сети. Преподаватели оценили высоко. Думаю, во Францию

Глухой фасад, испещренный резьбой, Сергей сочинил из старинных украшений

В старину мари́йцы называли реку «Ши-Йыл», то есть «Серебряная Волга»

на стажировку меня отправили именно благодаря этому циклу. Вообще, я очень благодарен институту, профессора там видят сущность творчества, они действительно помогли мне открыть себя. Почувствовал, что деревенская тема – это мое. Акварель в работе у меня стала преобладать, с 1997 года я почти полностью на нее перешел. После окончания института меня тянуло в Мороскино. Никаких других вариантов

не рассматривал. Здесь я чувствую связь с родной землей и предками. Хотя тогда Мороскино было настоящей дырой – ни дорог, ни газа.

Пока учился на четвертом курсе, закупил стройматериалы. Как приехал, сразу взялся строить дом для семьи. За лето управились. Сейчас сам удивляюсь: как хватило сил? Полы, потолки, окна, мебель – все сам делал. Когда успел? Еще ведь и рисовал, ездил

в Москву, сотрудничал с галереей «Золотой плёс» – меня туда сразу пригласили после института. В строительстве, в быту, казалось, я мог запросто потерять себя как художника. Получилось наоборот. Заработка на все хватало. И до сих пор хватает – нам ведь много не надо на самом деле».

ПЛОДЫ ВИМЯ

Только дома и музея Алдушкину было мало. Так в деревне появилась внушительных размеров картинная галерея и Дом творчества. В конструкции здания угадывается высокий сводчатый ангар, модифицированный так, чтобы внутри было обилие дневного света. Большой камин – ско-

В Доме творчества пустует только одна шестиметровая стена, где будет фреска «Посвящение»

рее, даже высокий каменный жертвенник – стоит почти в центре, по стенам развешаны картины. Тут же расположились габаритные музейные экспонаты: лодка-долбленка (бóтник, или, как говорят местные, «пóтник»), пятиметровые резные украшения домов, сани, плетеный диван из дуба и черемухи. Такой диван выставлялся на Всемирной выставке в Париже в 1900 году. Как говорят краеведы, является редчайшим образцом характерной марийской мебели.

«Галерея родилась из внутренней потребности коллекционирования, – рассказывает Сергей. – Сколько художников знаю, каждый признавался, что хотел бы собрать свою галерею. Здание Дома творчества и галереи появилось почти чудом. У нас в колхозе стояла разоренная ферма, председатель предлагал ее распродать. Железные конструкции я решил взять себе. Не мог только сообразить, как эту гро-

Дом творчества как корабль, по сторонам которого располагаются «каюты»

мадину разобрать. На следующий день прошел ураган, ферму повалил. Дело оставалось за вимя. У марийцев «вима» – совместная работа, дословно можно перевести как «центр силы». У нас по деревням испокон веку так было: бросили клич, что нужна помощь, – люди идут помогать. Так ко мне человек 15 пришли с болгарками, сварками, тракторами. Конструкции распилили, перевезли сюда, по новой все сварили и поставили. Дальше – нужны фундамент и стены. Работали у нас тогда дорожники, дорогу делали. И с ними вима получилось. Они материалы перевезли, землю выровняли, возвели конструкцию стен. Я им только стол накрывал и баню топил. Люди, как муравьи, отовсюду пришли и такое здание построили. Давно вывел для себя формулу: если делаешь нужное дело, помощь всегда придет, Бог помогает, если ты на правильном пути».

Старый колодец (вверху), как и старый трактор (внизу), в Мороскине ремонтируют сообща

ПО НАИТИЮ

Какое-то единство коллекции в галерее с ходу угадать сложно: картины Алдушкин собирал, как он говорит, «по внутреннему наитию». Какие-то работы друзья дарили, другие через третьи руки попали, иные сам покупал. Почти у каждой своя история.

«Развесил картины тоже по наитию, – объясняет художник, – где-то гармония цветовая, где-то смысловая.

Вот эту работу написал Якимов Федор Иванович – мой первый учитель рисования в Емангашской школе. Он нигде не учился, но как здорово писал маслом! Здесь изображена продразверстка в Мороскине. Федор Иванович 1925 года рождения, воевал, фронтовик. Не знаю, что его подвигло написать об этом в 1987 году. Бывает, поражаешься, как художник быстро широкими мазками создает экспрессию. Здесь иное: скрупулезная работа о реальной жизни. В октябре 1918 года к нам приехали продотрядовцы Гузанов и Зубов. Местные жители их убили. Как видно на картине, события развивались спонтанно: одни были за советскую власть, другие – против. Потом прислали карательный отряд, народ разогнали, некоторых расстреляли.

Напугали деревенских на многие годы, после этого все шли в колхоз безропотно. В общем, драма нашей жизни.

Надо сказать, художники здесь были в каждой деревне, земля эта рождает живописцев. В Мороскине несколько человек маслом хорошие картины писали. В Микрякове жил Оськин Лазарь, Суриковский окончил. Для таких глухих мест – уникальный случай. А это картина

Алманова Николая – нынешнего самородка из нашей деревенской глубинки. Он не получил профессионального образования, но видение жизни у него исключительное: он смешивает примитив с чем-то потусторонним. А вот – самарская художница Анна Сливкова. Как она купается в цвете! Мужчины так не могут. Мы слишком правильные, что ли. У женщин какое-то космическое видение свободы.

Сергей под впечатлением от взрыва цвета и потустороннего пейзажа на картинах

Историческая работа о разверстке в Мороскине в 1918 году

А это ватага мороскинских рыбаков. Местная рыбацкая жизнь много лет привлекала людей искусства. На реке у них вся жизнь: сети ставят, проверяют, сушат, рыба прыгает, тут же уха, костер. Вокруг рыбаков то и дело ходили фотографы, художники, писатели. В 2007 году я собирал по деревне старые фотографии. Смотрю: этюд с дядей Прокофием, видно, что написан профессионалом. Мне говорят, что это рисовал некий Жора из Москвы, свою фотографию затем на память прислал. В Москве своему другу, художнику Василию Ивановичу Инчину, я показал фото. «Это же Георгий Эдуардович Сатель, – воскликнул он, – его мастерская этажом ниже моей!» Спустился туда, дверь открыла внучка художника Маша – Георгий Эдуардович к тому времени уже умер. Мы с ней подружились, она показала мне эскизы больших работ Сателя. Георгий Эдуардович с супругой приезжали к мороскинским берегам на своем катере в 1950–1960-е годы. Писали нашу деревенскую жизнь на берегу, влюбились в эту тему, несколько лет кряду приезжали. Несколько картонов тех работ сохранилось у внучки, она мне их передала. Это не то что эскизы, это зарисовки с натуры, очень ценные картины, энергетика здесь натурная, энергетика нашей волжской ватаги».

КАРТИНЫ ЛЕЧАТ

Работ самого Алдушкина в галерее почти нет. Во-первых, он из тех, кто не любит выставлять себя напоказ. Во-вторых, его основные картины – акварели, которые боятся света и экспонируются только во время выставок. Портрет супруги Галины, написанный в 1993 году, Сергей Алдушкин считает одним из лучших своих портретов маслом. Написан он на третьем курсе учебы в институте, когда художник был в Мороскине на каникулах. Образ запечатлен с натуры: жена у окна ждала мужа домой, ждала рождения сына... Кстати, сейчас Алдушкины ждут

сына на каникулы из Суриковского института. Можно не сомневаться, что Валентин Алдушкин продолжит череду живописцев из Мороскина.

«А это мое посвящение мороскинским рыбакам, – показывает Сергей панорамную картину. – Здесь два мира марийской души: ежедневная тяжелая работа и духовная стезя, где есть любовь, молодость, песни, мечта о русалке. Здесь личная драма – как мы с женой несем мир больной дочери. «Посвящение» я хочу написать фреской здесь – на шестиметровой стене. Нужно для этого закрыться на год. Сейчас у меня нет на это сил, но я чувствую поддержку рода, духи отцов и дедов говорят: «ты можешь!»

В Доме творчества собираются друзья Сергея и пару раз в год проходят мастер-классы по акварели с выездом на пленэры. Для размещения гостей по сторонам галереи сделаны шесть одноместных «кают». Алдушкин представляет свое детище как творческий корабль.

«В поездках я насмотрелся, как создают дома творчества художники, – рассказывает Сергей. – Например, во Франции, под Тулузой, у Жерара это настоящая юрта, которую он со всей обстановкой из Монголии привез. Там вокруг костра происходит общение. Я камин у себя сделал. Марийские старейшины решали важные вопросы возле костра, и мы собираемся здесь решать художественные задачи. На встречи мы приглашаем музыкантов, марийских гуслиров, артистов, поэтов... Хочется, чтобы на моей родине было интересно. Это и есть патриотизм – жить у себя и создавать красоту, интересную, достойную жизнь вокруг».

Я застал «каюты» пустующими, но в Мороскине это не означает отсутствия творческого общения. В тот день в деревне оказался музыкант из Йошкар-Олы Василий Чернов. Договорились встретиться на роднике – как раз в том пристанище сов, откуда пошел символ Мороскина.

«Приплывшие»
понтонеры хорошо
вписались
в пожаро-
безопасность
деревни

ДУХ ЗАКАЛЯЕТ

Все четыре переулочка, пересекающие единственную улицу деревни, ведут к источнику. Не заблудишься. Сергей по дороге показал место, где в 1860 году его прадед поставил дом.

У дороги – железные понтонеры, наполненные водой. Во время половодья такие понтонеры, случается, плывут по Волге, «потеряв» хозяина и пристань. Эти экземпляры местные мужики выловили и притащили в деревню для пожарных нужд. Изящность расписанной в византийском стиле придорожной часовни подсказывает, что к ро-

списи приложил руку местный художник и ценитель искусств. Алдушкин много чего делает для своих соседей и уверен, что деревня в России не погибнет. Насчет Мороскина это можно сказать определенно. Здесь жители дороги общими усилиями делают, создали кооператив по доставке газа, ремонтируют водопровод и колодцы, часовню построили, родник обустроили. «Каждому нужно делать добрые дела, тогда человек крепко стоять на ногах будет, это дух закаляет», – говорит Сергей.

Алдушкин считает родник особым «энергетическим местом».

На роднике
восстановили
старинной
конструкции
крышку для
забора воды
ведрами

Издавна здесь брали воду, подходили на лошадях с бочками. Сергей и Василий испили бодрящей водицы, омыли головы, взяли за карандаш и флейту соответственно.

Василий Михайлович – увлеченный музыкант, выпускник Гнесинской академии, создатель оркестра старинных европейских музыкальных инструментов, композитор. На флейте он играл марийские и классические мелодии. Сергей подпевал: «Салым сола покшалнэт...» («Посреди села огромный дуб стоит»). В старину этой песней в деревнях провожали в солдаты. Говорили о марийских мелодиях, композиторе Якове Эшпае, помянули воззрения Германа Гессе в разговорах о нынешнем культурном потоке. Когда звучала флейта, Сергей делал зарисовки музыканта.

«Я пишу то, что считаю в жизни ценным, пишу реально

происходящее – свое место и время, – говорит Сергей Алдушкин. – Особенно хочется ухватить то, что скоро утечет безвозвратно. Бывает, наваждение находит: все бросаешь, берешь карандаш, кисточку и пишешь. Очень здорово, например, запечатлеть настроение, которое было у тебя в данный момент.

Творческое
визуальное мышление
музыканта
и художника

Старый
деревянный
жёлоб
на роднике
сохранили
для истории

Блокнот у меня как дневник. Активно рисовать в блокноте я начал после института, в 2000-х годах. Мы с галереей «Золотой плёс» почти всю Европу объездили, в лучших европейских музеях побывали. Было много красоты вокруг, интересных встреч. В год я примерно четыре блокнота изрисовываю. Жизнь полна событиями, впечатлениями, эмоциями. Осенью смотришь в окно: слякоть, грязь на улице, все серое. Вдруг звонок: Сергей, приезжай с выставкой. Жизнь как гармошка – то скучно у окна, то вдруг в Швейцарию поездка. А оттуда домой тянет. И все это в блокноте запечатлено...».

Когда мы приехали на высокий берег Волги, Сергей тут же оценил пейзаж: лесистые острова в полуденном свете. И снова схватился за блокнот. «Работа у нас вечная, – говорит художник. – Пока мир существует, есть что рисовать». ■

И.Е. Яковлев.
Портрет
художника
Д.Г. Левицкого.
1812 год

ПОРТРЕТИСТ ПРОСВЕЩЕНИЯ

АВТОР

АРИНА АБРОСИМОВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ВСЕ ВМЕСТЕ ЭТИ ДЕВЯТЬ ОЧАРОВАТЕЛЬНЫХ ДЕВУШЕК НИКОГДА НЕ ПОКИДАЛИ СТЕНЫ РУССКОГО МУЗЕЯ. ЛИШЬ ИНОГДА НЕКОТОРЫЕ ИЗ «СМОЛЯНОК» ПРЕДСТАВЛЯЛИСЬ НА РАЗНЫХ ВРЕМЕННЫХ ВЫСТАВКАХ. И ВОТ ВПЕРВЫЕ В МОСКВЕ ШЕДЕВРЫ XVIII ВЕКА ДЕМОНИСТРИРУЮТСЯ В ПОЛНОМ СОСТАВЕ. ЭТО – ПОДАРОК К 150-ЛЕТИЮ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ, КОТОРОЕ ОТМЕЧАЕТСЯ В 2022 ГОДУ.

ПОРТРЕТОВ ВСЕГО семь, а смолянок – девять, поскольку на двух картинах изображены пары учениц. Экспозиция в ГИМе дополнена и портретами основателей Смольного института – Екатерины Великой и Ивана Бецкого, портретом Дмитрия Левицкого, а также архивными фотографиями и пред-

метами прикладного искусства эпохи Просвещения. По словам устроителей, главная тема экспозиции – связь Смольного монастыря, Смольного института и императорского двора.

...В 1748 году по указу императрицы Елизаветы Петровны был заложен Смольный девичий монастырь. Обитель построили на месте Смольного

двора, на котором варили деготь для постройки кораблей на Адмиралтейских верфях. А 5 мая 1764 года императрица Екатерина II подписала указ, согласно которому в стенах бывшего Воскресенского Новодевичьего Смольного монастыря появилось «Императорское Воспитательное Общество благородных девиц». Императрица подарила

Парадная лестница
в Государственном
историческом музее

Смольному институту, как вскоре его стали называть, капитал в 100 тысяч рублей, определив его под проценты. Деньги эти предназначались для выдачи пособий отличившимся беднейшим воспитанницам. Смольный институт стал первым в России женским учебным заведением. А цикл «Смолянки», созданный Дмитрием Левицким, стал своеобразным символом просветительской политики государства. Считается, что цикл был написан по заказу Екатерины II, хотя обстоятельства и подробности этого заказа искусствоведам пока неизвестны. Как бы то ни было, портреты девяти девушек восхитительны, Екатерина II не ошиблась с выбором художника. Не зря же Дмитрий Григорьевич создал целую галерею портретов императоров, царедворцев, купцов, чиновников, офицеров, дипломатов, светских красавиц и литераторов.

ХУДОЖНИК ШИРОКОГО ПРОФИЛЯ

О детстве будущего художника известно мало. Дмитрий родился в 1735 году в небольшом селении на Полтавщине в семье священника Григория Кирилловича Левицкого. Когда и при каких обстоятельствах его отец, один из лучших на тот момент гравёров и графиков, поменял свою фамилию – неизвестно. Был Григорий Нос, стал – Григорий Левицкий. Он обучался в Польше и в Киевской духовной академии, работал справщиком типографии Киево-Печерской лавры, создал гравюры для «Апостола» (1738 и 1752 годы), которые распространялись и отдельными листами как «народные картинки». Синод назначил его инспектором церковной живописи с правом отбирать и уничтожать «неискусной резьбы иконы» в церквях Полтавской протопопии. Левицкий был рукополо-

жен в сан священника и получил в наследство от отца, тоже священника, приход в селе Маячка. Согласно записям Киевской духовной консистории, до 1760-х Григорий Левицкий передал право служения в приходе другому священнику, выплачивавшему компенсацию его семье, а сам жил в Киеве на Подоле, в собственном доме. С детства отец обучал Дмитрия ремеслу художника. Мальчик делал успехи, на его дарование обратил внимание один из первых русских портретистов XVIII века, Алексей Антропов, который в 1752 году начал расписывать новый храм, Андрея Первозванного, построенный в Киеве архитектором Мичуриным по проекту Растрелли. Встреча с Антроповым оказалась для юноши судьбоносной: закончив росписи, Антропов увез Дмитрия в Петербург. С 1758 по 1764 год Левицкий жил в доме Антропова, став учеником ма-

Смольный институт благородных девиц в Санкт-Петербурге. Литография с рисунка С.Ф. Галактионова. 1820-е годы

Портрет
И.И. Бецкого

стера. В это время он расписывает храмы, пишет заказанные портреты и иконы для столичных церквей, вместе с Антроповым участвует в росписи плафонов Зимнего дворца. Помимо учебы у Антропова Левицкий в течение десяти лет посещает студии академистов – итальянца, «ученого-перспективиста» Джузеппе Валериани и француза Луи Жана-Франсуа Лагрене. Все это позволило ему освоить совершенно разные художественные школы: русский религиозный канон и европейские приемы светской живописи. Так формировался художник «широкого профиля», который умеет делать все.

В 1762 году, по случаю восшествия на престол Екатерины II, в Москве шла подготовка к коронации и празднествам. По традиции на пути из Санкт-Петербурга длинная процессия во главе с императрицей должна была проехать в арки Триум-

фальных ворот – Никольских в Кремле и Тверских в Земляном городе. Их возвела и украсила картинами на аллегорические сюжеты и восемью портретами будущей государыни группа художников, в числе которых работали Антропов и его подмастерье Левицкий.

Левицкий остался в Москве и стал работать самостоятельно. В 1767-м по поручению императрицы он вместе с художником Василием Васильевским создал два иконостаса и 73 образа (не сохранились) для храма Великомученицы Екатерины на Всполье (Большая Ордынка) и церкви Кира и Иоанна на Солянке. Однако за исполненный заказ художникам долго не платили, и они потребовали погашения долга. В соответствующем приказе Министерства императорского двора есть запись: «А изготовленных иконостасов и написанных образов подрядчики безденежно не от-

дают». Иконы были помещены в церкви только после оплаты, и храм Великомученицы Екатерины на Всполье освятили в присутствии государыни.

К концу 1760-х годов Дмитрий Левицкий уже один из самых востребованных портретистов, полотна ему заказывают и придворные, и дворянские семьи Петербурга, куда он вернулся в 1768 году.

В 1770 году Левицкий выставил несколько своих работ в экспозиции ежегодной летней выставки Академии художеств. В итоге он получил звание академика живописи и золотую академическую медаль за «Портрет архитектора и первого ректора Академии художеств А.Ф. Кокоринова». Через год вышел приказ Совета академии: «Класс портретной препоручить обучать господину академику Левицкому». В этой должности он пребывал до 1787 года, его программа обучения включала обязательное копирование, требовала «естественности» изображения и отличалась от других методик тем, что студентам позволялось работать не с манекенами, а с натурщиками. В 1775 году Левицкий стал советником Академии художеств, в 1780-м – членом академического Совета. И это притом, что сам он в Императорской Академии художеств не учился.

Важно понимать, что в то время жанру портрета в России исполнилось всего сто с небольшим лет: от иконописания живописцы обратились к созданию светских парсун лишь в первой половине XVII века. Но за это время позаимствованные у иностранных наставников художественные навыки исчерпали себя, воцарилось однообразие, а как развивать жанр – никто не знал, да и задач таких никто не ставил. Левицкий же, работавший исключительно в портретном жанре и сталкивавшийся с проблемой повторяемости композиционных и технических приемов, постоянно искал новые решения.

ОБРАЗЫ ГУМАНИЗМА

На смену вычурному и пышному барокко явился классицизм с его строгими формами и идеями Просвещения. Однако это не мешало Левицкому сохранять в своих работах эмоциональность и естественность моделей. И, даже сообразуясь с пришедшими из-за границы модными тенденциями, Левицкий, превосходно владевший манерой западных мастеров, оставался истинно русским художником.

В 1763 году личный секретарь императрицы, действительный тайный советник, президент Академии художеств Иван Иванович Бецкой основал первое в России благотворительное учебно-воспитательное учреждение для сирот, здание которого и поныне украшает Москворецкую набережную. Бецкому принадлежит множество инициатив, в числе которых создание воспитательных домов в Москве и Санкт-Петербурге, Смольного института, училища при Академии художеств, учреждение на свои личные средства стипендий, привлечение частных пожертвований. Бецкой горел желанием создать «новую породу людей» – представителей разных сословий, способных служить отечеству в различных искусствах и ремеслах. Основы предпринятой им реформы образования были изложены в докладе «Генеральное учреждение о воспитании юношества обоего пола», который в марте 1764 года утвердила императрица. Для осуществления масштабной реформы привлекались не только государственные ресурсы, но и меценаты. И в начале 1770-х Бецкой предложил Екатерине II устроить своеобразную почетную галерею, «с приложением описания их усердия к пользе человечества». Заказ на выполнение портретов получили Федор Рокотов, Фридрих Баризьен и Дмитрий Левицкий.

В «Опекунской серии» кисти Левицкого принадлежат три парадных портрета: горнозаводчика и основателя Нескучного сада Прокофия Демидова, чиновника, члена Московского опекунско-

Портрет
Г.И. Алымовой

го совета и прадеда поэта Полонского Богдана Умского, а также богатого откупщика Никифора Сезёмова. Классицизм требовал писать героя с аллегорическим подтекстом. К примеру, Демидов, страстный любитель ботаники, жертвовавший крупные суммы на воспитательные дома в обеих столицах и на Московский университет, был написан в образе обаятельного садовника с лейкой и цветочными горшками.

А между тем в Смольном институте подрастали благородные девушки. К этому первому набору было приковано внимание всего общества, а потому концерты, балы, театральные представления, маскарады с участием смолянок описывались в периодической печати. В 1773 году «Санкт-Петербургские ведомости» отметили их «первый выход на гулянье в Летнем саду». Вскоре состоялась торжественная пуб-

Портрет
А.П. Левшиной

личная церемония перевода воспитанниц «среднего возраста» в «старший», затем – первый большой выезд девочек в свет. Все обстояло необычайно пышно. Свою опекунскую миссию Екатерина II объясняла так: «Мы очень далеки от мысли образовать из них монашек. Мы воспитываем их так, чтобы они могли украсить семейства, в которые вступят». Государыня относилась к воспитанницам как к своим до-

черям, знала всех поименно, давала им прозвища и лично переписывалась с некоторыми. Например, Глафиру Алымову она звала Алимужкой. «Скрывая всегда расстояние, отделяющее подданных от государыни, мать и покровительница заведения не могла лишь скрыть от воспитанниц великих качеств, ее отличавших, – вспоминала позже Алимужка. – Дозволяя детям короткое обращение с собою, она

никогда не роняла своего величия». А любимицей государыни стала Черномазая Левушка – смуглянка Александра Левшина, дочь генерал-майора Петра Левшина и княгини Татьяны Кольцовой-Масальской.

Жизнь смолянок трудно было бы назвать легкой и беззаботной, да к тому же их обучение не ограничивалось только изучением «наук и искусств». Реформатор Бецкой придерживался мнения, высказанного гуманистом Руссо: человек от природы не зол, а добр, и душа ребенка подобна воску, на котором можно писать что угодно, и «нет врожденных пороков и злодейств, но дурные примеры их внушают».

Как и внуки императрицы Александр и Константин, смолянки возвращались в традициях «естественного воспитания»: во всех помещениях было прохладно, чай и кофе находились под запретом, пили только молоко и воду, роскоши не было ни на столе, ни в дортуарах, ни в одежде. Девочки носили простые камлотовые платья, а чтобы они могли «питаться свежим и здоровым воздухом», их часто выводили на прогулки в сад вокруг здания института. Воспитанницы поступали в Смольный 5–6 лет от роду и оставались там двенадцать лет! Ни на каникулах, ни по праздникам смолянки не могли побывать дома. Этой изоляцией от «дурного влияния» домашней обстановки из девочек вытрапливались привязанность к дому и душевная зависимость от семьи. Бецкой считал, что надо создать искусственную преграду между старым и новым поколением, дабы первое лишилось возможности оказывать какое-либо влияние на второе. Детские воспоминания почти полностью стирались из памяти смолянок, институт становился их единственным домом до 18–20 лет. Так формировалось первое поколение «новых отцов и матерей, которые бы детям своим те же прямые и основательные воспитания правила в сердце вселить могли, какие получили они сами <...> и так следуя из родов в роды, в будущие веки»...

ОЧАРОВАТЕЛЬНАЯ ЛОЖЬ

В начале 1770-х в Смольном институте открылся театр, роли в спектаклях исполняли сами воспитанницы. Репертуар включал пьесы Вольтера, комические оперы, а также трагедии многолетнего руководителя театра Александра Сумарокова. В 1772 году, после показа ряда спектаклей, Бецкой заказал портреты смолянок Левицкому, чтобы преподнести их императрице. Долго считалось, что эта серия портретов задумывалась как единая композиция. Однако исследователи внесли существенные дополнения и поправки в понимание причин создания серии, взаимоотношений фигурантов, месторасположения портретов – деталей очень много. Но для истории русского искусства они не так важны, как сами картины, которые, впрочем, были скрыты от глаз публики до 1917 года...

Итак, «Смолянки». На фоне сценических декораций танцуют темпераментная Наталья Борщева, статная Александра Левшина и смешливая Катенька Нелидова, написанная в роли Серпины – героини оперы-буфф «Служанка-госпожа». Катя Хованская и Катя Хрущова куртуазно разыгрывают сценку из оперы «Капризы любви, или Нинетта при дворе». Честолюбивая Глафира Алымова играет на арфе, а Екатерина Молчанова, кажется, смущена тем, что ее оторвали от чтения. Самые младшие, Настасья Давыдова и Феодосия Ржевская, будто бы воображают себя светскими дамами. Все это – игра, а девочки приглашают нас сыграть в нее вместе с ними.

Художник поместил своих героинь в театрализованное пространство. Для девочек позирование, скорее всего, было продолжением сценической игры, которая сильно отличалась от окружавшей их реальности. На полотнах они в ролях, что было неожиданным для того времени: здесь возник новый жанр – «портрет в роли». Много позже он будет явлен во всей своей

силе сопоставления актера и его преображения в другого. Как, например, русский бас Федор Шаляпин в партиях Бориса Годунова, Мефистофеля, Олоферна кисти Александра Головина. Или Анна Павлова в балете

«Сильфида», написанная Валентином Серовым.

С помощью костюмов Левицкий мастерски создает двойственность восприятия моделей: мы знаем, что перед нами девочки, успешно изображаю-

Портрет
Н.С. Борщевой

Портрет
Е.И. Нелидовой

шие взрослых дам. При этом манерность придуманных образов не скрывает подростковую нескладность – здесь потрясающе проступают черты реализма. Психологически роль дистанцирует героинь – все они не те, кем кажутся. И пафос парадного портрета здесь откровенно сломен, это все же не классицизм, а истинное рококо! Воздушность прозрачного газа и тяжесть дорогих шелков и бархата, нежность пастельных красок и драматизм темного фона, декоративность поз и драпировок, радостная праздность и оставленное, вопреки воле заказчика, где-то за рамами картин морализаторство. «Смолянки» – великолепное украшение беспечного времяпрепровождения благородной публики... Спустя сто лет, когда передвижники заняли острокритическую

Портрет
Е.Н. Хрущовой
и Е.Н. Хованской

позицию по отношению к наследию своих предшественников, их негодование обрушилось и на творческое наследие Левицкого. Критик-правдоруб Владимир Стасов обвинял художника во лжи, приводя в доказательство именно цикл «Смолянки». Но мирикусники не дали Левицкого в обиду. Александр Бенуа, назвав его «одним из самых превосходных живописцев всего XVIII века», писал: «Совершенно бесподобны <...> портреты смолянок в Большом Петергофском дворце и среди них сцена из какой-то, вероятно, приторнейшей пасторали, где ученицы Хованская и Хрущова изображены в виде Lise et Colin. Это истинный XVIII век во всем его жеманстве и кокетливой простоте, и положительно этот портрет способен произвести такое же сильное, неизгла-

димое впечатление, как прогулка по Трианону или Павловску. Очаровательная ложь, очаровательная по совершенству и выдержанности своей системы, а может быть, и по отчаянной жажде правды, природы, которая действительно лежала в основании всего этого ломанья и кое-где проглядывала!» Мастер завершил серию в 1776 году, что совпало с выпуском первого, самого яркого курса в истории Смольного: 12 лучших учениц были награждены золотыми медалями, специальным императорским «шифром» (на белом банте золотой вензель-инициал Екатерины II), пожизненной пенсией и определением фрейлинами ко двору. В дальнейшем забот о Смольном императрица не оставляла, но таких любимиц у нее больше не было...

БЛЕСК И НИЩЕТА

По заказу канцлера Александра Безбородко в 1783 году Левицкий пишет парадный портрет Екатерины II. На страницах журнала «Собеседник любителей русского слова» художник раскрыл суть своего произведения: «Средина картины представляет внутренность храма богини Правосудия, пред которою, в виде Законодательницы, Ея Императорское Величество, сжигая на алтаре маковые цветы, жертвует драгоценным своим покоем для общего покоя. Вместо обыкновенной императорской короны увенчана она лавровым венком, украшающим гражданскую корону, возложенную на главе ея». Мастер вновь преодолевает границы чисто портретного жанра, следуя аллегорической программе картины, разработанной его другом, знаменитым зодчим и литератором Николаем Львовым. Передовые философские представления о роли просвещенного монарха нашли в этой программе сильное воплощение. Если классицизм искал героев в античной мифологии и древнеримской истории, воспевая их доблесть и мудрость, то вот, рядом с нами, реальная

Портрет
Е.И. Молчановой

Портрет
Ф.С. Ржевской
и Н.М. Давыдовой

героиня своего времени. Не знающий покоя, радеющий о благе подданных, первый гражданин отечества – это идеальный правитель. Портрет стал настолько популярен, что сам автор и другие художники неоднократно повторяли его, а скульптор Федот Шубин высек по нему восхитительную статую из белого мрамора в натуральную величину – «Екатерина II – Законодательница». Кисти Левицкого принадлежат еще два портрета Екатерины Великой: в красном державном камзоле (1782), написанный в год празднования 20-летия вступления императрицы на престол, и в платье с орденом Андрея Первозванного (1794). Писал он и членов ее семьи, причем наиболее неожиданно

и трогательно выглядит юный Александр Павлович – внук государыни и будущий Александр I. Так же трогательно художник запечатлел свою дочку Агашу в сарафане, душегрее и кокошнике. Нет строгости и в пояском портрете генералиссимуса Александра Васильевича Суворова, который, сославшись на занятость, отказался позировать лично. И тогда Левицкий написал его по памяти. В веренице представителей цвета нации интересны портреты членов семьи Воронцовых, а также Николая Львова и его супруги Марии – падчерицы Гаврилы Державина, в девичестве Дьяковой – это прадед и прабабушка живописца Василия Поленова. Выступление модели в строго обозначенной социальной

существование. К концу жизни Левицкий впал в нищету, потерял зрение, его забыли еще при жизни. Современники видели слепого старика, который часами простаивал на коленях в церкви Академии художеств. Скончался мастер в 1822 году в возрасте 87 лет. Похоронили художника на Смоленском кладбище. Могила Дмитрия Григорьевича Левицкого до наших дней не сохранилась.

...При формировании Музея Александра III (будущий Русский музей. – Прим. ред.) комиссия неоднократно обращалась к царю с просьбой о передаче в собрание «Смолянок» из Петергофского дворца, но всегда получала отказ. Это продолжалось до Февральской революции 1917 года. Хранитель художественного отдела Русского музея в 1909–1931 годах Петр Нерадовский вспоминал: «Много было радостного волнения, когда я получил письменное разрешение на портреты смолянок. Не откладывая, я поехал <...> на грузовике в Петергоф, захватив весь нужный упаковочный материал. Все портреты смолянок висели в одной из дворцовых гостиных. В ней было сыро, окна, завешанные гардинами, не пропускали света. Когда картины сняли со стен, мы увидели, что холст был влажный, а вся обратная сторона полотен густо покрыта плесенью <...> С каким удовлетворением рассматривал я эти портреты Левицкого и любовался ими в стенах Русского музея, где их ждали целых двадцать лет. Наконец-то они были присоединены к коллекции музея, где они будут показаны в лучших условиях всегда всем, кому дорого русское искусство».

Только в 2008 году картины были отправлены на капитальную реставрацию в мастерскую реставрации масляной живописи Русского музея. В сентябре 2010 года «Смолянки» вернулись в залы постоянной экспозиции Михайловского дворца Русского музея. 📍

роли, будь то монарх, вельмож, священник или военачальник, подразумевало определенность в обстановке и атрибутах, а также прославление героя за благие деяния для общества. Левицкий, казалось бы, соблюдал эти правила. Но они не довлеют в его произведениях, для него главное – обратить внимание не на статус, а на индивидуальные качества личности. «В передаче интимного, неуловимого очарования лица, не блещущего красотой, не выделяющегося оригинальностью, в изображении простого, среднего, незаметного лица – соперников он не знал», – писал о Левицком художник и реставратор Игорь Грабарь...

Летом 1789 года Дмитрий Григорьевич покинул академию из-за конфликта с руководством. «Все мастеровые и художники получали, а другие получают оплату за труды свои, один только я забыт милостию вашего графского сиятельства, – писал он в письме канцлеру Безбородко. – Вот уже четвертый год как я не только не получаю за труды свои, но и за издержки мои никакой уплаты, будучи в самых горьких обстоятельствах при старости моей». В тот момент Левицкому

помог переводчик, издатель и масон Александр Лабзин. Он пригласил Дмитрия Григорьевича вступить в масонскую ложу «Умиравший сфинкс», а затем, в 1807 году, уговорил художника вернуться в академию. Мастер продолжил преподавать, но пенсию он получал ничтожную – 200 рублей в год. Этого хватало лишь на самое скудное

Экспозиция
«Смолянки»
в Государственном
историческом
музее

Портрет
императрицы
Екатерины II

НА ГУСЛЯХ ТОЛЬКО ДЕВУШКИ

АВТОР

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ [ФОТО АВТОРА]

НАЦИОНАЛЬНОГО ГЕРОЯ ГОРНЫХ МАРИЙЦЕВ АКПАРСА ИЗОБРАЖАЮТ В РАЗНЫХ ИПОСТАСЯХ. НА ТРАССЕ ЧЕБОКСАРЫ – КОЗЬМОДЕМЬЯНСК БРОНЗОВЫЙ АКПАРС ИГРАЕТ НА ГУСЛЯХ. ЭТО НЕСЛУЧАЙНО, ЭТО СВОЕГО РОДА УКАЗАТЕЛЬ: НЕДАЛЕКО ОТ ПАМЯТНИКА ПОВОРОТ НА СЕЛО ЕЛАСЫ – ОДИН ИЗ ЦЕНТРОВ НЫНЕШНЕГО МАРИЙСКОГО ГУСЕЛЬНОГО ИСКУССТВА. ДЕРЖИТСЯ ЦЕНТР НЕ НА МОГУЧИХ ПЛЕЧАХ АКПАРСА. И ВООБЩЕ МУЖЧИНЫ ЗДЕСЬ НИ ПРИ ЧЕМ – В ГУСЕЛЬНОМ АНСАМБЛЕ ФАИНЫ ВИКТОРОВНЫ ЭШМЯКОВОЙ ТОЛЬКО ДЕВУШКИ.

ДОРОГА В СЕЛО ЕЛАСЫ крутым виражом уходит в горы – Горномарийским этот район зовут неспроста. На въезде – внушительный монумент с названием села и временем основания –

1702 год. Помещено зачем-то еще упоминание, что с 1937 по 1959 год Еласы было райцентром. Наследие районного центра видно невооруженным глазом: большой каменный храм, просторная рекреационная зона со святым

источником, купальнями, детскими каруселями, тихим прудом; сюда, судя по арт-объекту на воде, принято являться молодоженам после ЗАГСа.

Гусельный ансамбль ютится в сельской школе. Не по годам энергичная и веселая Фаина Викторовна предусмотрительно встретила меня у ворот.

Ансамбль «Шыжарвлä», то есть «Сестрички»

Фаина Эшмякова – автор книги «Марийские гусли: прошлое и настоящее»

На холме при въезде в Еласы
марийские символы соседствуют
с поклонным крестом

«Боюсь, как бы вы через забор не полезли, – улыбается гусярша, – был у нас случай. Приехал во время предвыборной кампании кандидат с командой. Солидные мужчины в костюмах. Вышли из машин и не могут найти калитку – видите, как она у нас сварена в воротах незаметно. А мы их ожидаем с концертом. И только в окно видим, что полезли кандидаты через забор...».

Для меня Фаина Викторовна также выступление организовала, созвала гусярш из окрестных сел и Козьмодемьянска. Пока ждали артисток, сели поговорить в небольшом классе, где помещается музыкальная школа. На стеллажах почивали богатырских размеров гусли – не чета тем, что у бронзового Акпарса на дороге.

МАГИЯ ГУСЛЕЙ

Сейчас у марийцев на гусях играют почти исключительно женщины. Фаина Викторовна утверждает, что марийским «кўсле» около 5 тысяч лет. Основанием тому – лингвистика. В марийском, удмуртском и ханты-мансийском языках «гусли» происходят из однокоренных слов, что отсылает к временам единой финно-угорской общности. Долгое время гусли являлись инструментом ритуальным: гусяры исполняли религиозные напевы во время обрядов в свя-

Памятник горно-марийскому герою Акпарсу. Гусли у богатыря по нынешним меркам миниатюрные

Зона отдыха в Еласах исключительная – ничего такого в соседних селах нет

щенных рощах. Впрочем, грань между религией и хозяйством у древних мари была размыта. Например, «Песня пчелиного проводителя» считалась ритуальной. Гусяр исполнял ее, забравшись на березу – так проводилось своеобразное поклонение пчелам с молитвой о хорошем медосборе. Связывали традиционную музыку и с магией. «Игра на пузыре, на барабане, на трубе, – писал в 1920 году этнограф Поволжья Николай Васильевич Никольский, – имеет силу большую, чем человеческая, невидимая сила этой игры сказывается на человеке <...> может «заворожить», «заколдовать». В полуполюбопытной хронике сообщается, что так действовал Акпарс во время осады Казани в 1552 году. Играя на гусях у стен города, Акпарс «ворожил» татар, прикрывал осадные работы войск Ивана Грозного, мерил шагами расстояния, подкатил к укреплению бочку пороха...

Изначально гусли были мужским инструментом, женщины в совершении религиозных обрядов не участвовали. С искоренением язычества у марийцев гусли потеряли сакральную функцию, за струны сели женщины – играли на праздниках, скрашивали трудовые будни. А в конце XIX века марийским мужчинам приглянулась русская гармошка, так что за гусли они уже редко брались.

ОТ ПЛАСОВЫХ ДО МОЛИТВ

«Родом я из деревни Сарлатово, – рассказывает Фаина Эшмякова, – это в Микряковской стороне, где традиционно было много гусяров. Мама моя, Зоя Михайловна, замечательно играла. Когда замуж выходила, пришла в дом мужа с приданым: сундук одежды, перина и гусли. Это считалось хорошим тоном, в доме гусли вешали на священное место – в угол рядом с божницей. Как-то на конференции в Казани профессор Яковлев рассказывал: вот-де женщина подоила корову, вытерла руки и – за гусли. У нас такого никогда не было. К гусям относи-

лись очень трепетно. Перед тем как взять инструмент, нужно хорошо вымыть руки. Мама прожила 89 лет и до конца жизни за гусли садилась только с чистыми руками, в нарядном платке. В деревне мама играла на свадьбах и посиделках, под гусли плясали и пели протяжные песни. Мама петь не могла, только насвистывала. Свекровь у нее глухая оказалась, приходилось постоянно кричать – так она голосовые связки еще в молодости сорвала.

А бабушка моя, как рассказывали, на свадьбах играла и плясала одновременно – гусли держала зубами за специальную тесемку. У бабушки было четыре брата и четыре сестры – все также играли на гуслях. Дядя Иван еще и прекрасно пел. Служил он при церкви, перекладывал на гусли молитвы, пел псалмы – почти как библейский царь Давид. В 1930-х годах Ивана репрессировали. В лагере гусли для него стали средством «спустить пар». Играл и пел на марийском языке, откровенно высказываясь о том, что он думает о тамошних вертухаях. А как вернулся домой, то за гусли больше не брался, понатерпелся в лагере.

Впоследствии традиция пения молитв на гуслях была полностью утеряна. Вот совсем недавно из Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории имени Васильева мне сообщили, что нашли нотную запись гусельных молитвословий, сделанную Анной Романовной Сидушкиной. Хорошо бы их восстановить, других подобных примеров больше нигде нет».

Гуслярши трех поколений. В центре – мама Фаины Эшмяковой, Зоя Михайловна, на фото ей 85 лет

В ТРИ РУКИ

«Не удивительно, что в такой семье меня с малолетства приучили к гуслям, – продолжает Фаина Викторовна. – Подыгрывала сначала взрослым одной рукой. Есть такая традиция игры в три руки. Взрослая гуслярша играет левой рукой аккомпанемент, правой – мелодию, а девочка стоит с правой стороны и одной рукой играет подголоски. Это особенно распространено в домашнем музицировании, такая передача опыта из поколения в поколение. Я была «третьей рукой» у маминой тети, Анны Романовны Сидушкиной – самой известной нашей гуслярши, первой марийской женщины, окончившей

Концерт «Сестричек» в просторном коридоре еласовской школы

консерваторию. Потом я училась у нее в музыкальном училище в Йошкар-Оле. Тетя была строгим преподавателем, ругала нас, что не по нотам играем – все на слух. Как в 1962 году Анна Романовна открыла класс гуслей в селе Микряково, так все стали на ноты переучиваться. С тех пор старинную манеру игры мы утратили. Как-то странно получается: мы не говорим, что возрождаем марийские гусли – забвения у нас не было, исполнительское искусство развивалось, но по старинному сейчас уже никто играть не может».

Фаина Викторовна подошла к стеллажам, чтобы показать разные варианты гуслей. Инструменты непривычно широкие, самые большие метра по полтора в ширину.

«В старину каких-то стандартов гуслей не было, – говорит Фаина Эшмякова. – У разных марийцев – горных, луговых – инструменты довольно сильно отличались. К тому же в каждой деревне свой мастер, которому никто не указ – он делал, как считал правильным. В деке отверстие вырезали, кто круглое, кто сердечком, кто лучами украшал. Наши горномарийские мастера славились гуслями, выставляли свои работы

Анна Романовна Сидушкина – первая марийская женщина, ставшая выпускницей консерватории

на Нижегородской и Казанской ярмарках, получали дипломы и медали. Сейчас во всем Поволжье хорошие гусли делают буквально два-три мастера.

Гусли, кстати, стоят существенно дороже гитары. Работа мастера из Йошкар-Олы Гарая Магсумьянова – около 50 тысяч рублей, если с немецкой фурнитурой – еще дороже.

Вот гусли в 22 струны. Сейчас в основном используют 36 струн, раньше встречались и восьми-струнные. Строй гуслей также менялся. В старину была пентатоника, еще мама так настраивала. Потом перешли на диатонический строй в ля-мажоре. Диезов и бемолей у нас нет, и если классику нужно играть, то приходится выкручиваться, как-то перестраивать инструмент...

Это черниговские гусли – самый дорогой для меня инструмент, принадлежавший Анне Романовне и завещанный мне. Тетя отдала гуслиам жизнь, создала целую систему обучения игры на гусях, переложила на ноты массу старинных напевов, в том числе «Марш Акпарса» – неофициальный гимн Горномарийского района. Жизнь ее была сплошь подвиги и трагедии».

ЭНТУЗИАЗМ И ОТЧАЯНИЕ

С малых лет Анна Сидушкина играла на гусях, участвовала в конкурсах. Однажды в качестве приза ей вручили... серп. Оружие пришлось очень кстати, на родных полях она им работала до 19 лет, пока не поехала учиться в Йошкар-Олинский техникум искусств. В 1938 году, после оконча-

Не все гусли на стеллаже игровые, есть экземпляры, которым место уже в музее

ния техникума, талантливую девушку направили в Московскую консерваторию, куда она успешно поступила на дирижерско-хоровую факультет. Во время Великой Отечественной войны Анна Романовна вернулась в родную деревню Яшмолкино. Здесь же оказался молодой композитор, студент Ленинградской консерватории Кузьма Смирнов – давний друг Анны, однокурсник по Йошкар-Олинскому техникуму. За годы эвакуации Анна и Кузьма объездили весь Горномарийский район, собирая традиционные песни.

«Тогда же в военные годы они поженились, – рассказывает Фаина Викторовна, – у них родился сын. Судьба первенца была трагичной. Семья ехала на грузовике. На ухабистой дороге машину потряхнуло, дверь открылась, ребенок выпал на дорогу. «Мерцен» – потом говорила она, то есть жизнь в сыне утасала на глазах.

В 1946 году супруги окончили каждый свою консерваторию: Анна – Московскую, Кузьма – Ленинградскую. Переехали жить в Йошкар-Олу, где тетя до конца дней вела кипучую деятельность по превращению марийских гуслей в профессиональный инструмент. Писала учебные пособия по игре на гусях, перекладывала на ноты традиционные песни, сама много играла, извездила с ансамблем всю страну. Работала в Маргосфилармонии, Педагогическом институте, Республиканском музыкальном училище, ездила в экспедиции с фольклористами. Не сказать чтоб ее инициативы развивать марийскую музыку в Йошкар-Оле поддерживали. Муж от нее ушел. Один из гусельных ансамблей Анна Романовна создала в Йошкар-Оле при Доме культуры профтехобразования. Талантливых девочек собирала по деревням, с трудом добилась закупки качественных гуслей для ансамбля.

В 1980 году на 65-летний юбилей Анне Сидушкиной вроде бы оказали много внимания и почта: республиканская пресса брала у нее интервью, ее гусли запросили в качестве экспоната

После того случая с «канди-датами» калитку в воротах школы выкрасили в контрастный цвет

в Республиканский национальный музей. А на следующий день рождения о ней никто не вспомнил. В Министерстве культуры от нее отбрыкивались, в Марийском обкоме партии за глаза называли «сумасшедшей бабкой». В общем, она впала в уныние, написала завещание и повесилась. Мне, кажется, понятно ее состояние. Мы ютимся в этой комнатке сорок лет, на костюмы денег нет. Я только притворяюсь, что ничего не понимаю... Хотя тогда мы и не думали, что у тети отчаянное положение...

Учиться нам было интересно, я в разных ансамблях играла, колесила по гастролям – возможности были разные. Подумать только, из Микрякова в Йошкар-Олу мы летали на самолетах! Небольших 12-местных кукурузниках. В понедельник на первый рейс садились и успевали к началу занятий в училище».

ГУСЛЯРШИ-СЕСТРИЧКИ

В самом деле, гусельный ансамбль Фаины Эшмяковой, родившийся в 1981 году – какое-то дежавю коллектива Анны Сидушкиной. После окончания училища Фаина Викторовна вышла замуж, переехала к мужу в село Картуково, затем в Еласы, где и собрала ансамбль девочек. Так же, как и тетя, все тащила на собственном энтузиазме. С той разницей, что еще сама концертные костюмы шила. Отец гулярши был портной, на его старинной машинке «Зингер» она и взялась за пошив марийского костюма. Да так удачно получилось, что ансамбль пригласили на межрегиональный конкурс национального костюма в Йошкар-Олу. С того времени и до сего дня к Фаине Викторовне приходят заказы на костюмы для других марийских коллективов.

«Все-таки работать было очень трудно, – вспоминает Фаина Викторовна, – инструментов нет, струн нет, костюмы шью сама, все гусли настраиваю сама. Поэтому в 1984 году я поступила на исторический факультет Марийского государственного университета – думала уйти из гуслей.

Нарядные манжеты на рукава пристегиваются в последнюю очередь – это особая деталь горномарийского костюма

Марийцы из деревни Нижнее Шалтыково (ныне Микряково). 1912 год

Из фондов Антропологического музея в Москве

Но уже на втором курсе поняла, что бросать нельзя, что это – мое. Если не я буду заниматься гуслями, то кто же? Дипломную работу писала о марийских гусях, их прошлом и настоящем. И отклик в итоге получила. Нас стали приглашать на гастроли и фестивали. В 1987 году мы участвовали во Всесоюзном смотре самодеятельности профтехобразования в Москве, выступали в Кремлевском Дворце съездов. Два года спустя нас пригласили на крупнейший фестиваль на ВДНХ. Участники фестиваля полтора месяца жили в гостиницах на ВДНХ, много репетировали, мы познакомились с другими коллективами, с культурными традициями всего Советского Союза – то был бесценный опыт. После нас взяли в

круиз по Дунаю, где вечерами на стоянках в городах Европы мы давали концерты».

В наше время ансамбль расцвел во всей красе. Постоянные приглашения поступают коллективу уже почти тридцать лет. Выступали гулярши во многих регионах России, на фольклорных фестивалях в Эстонии, Финляндии, Венгрии. Однажды довелось им показать мастерство в Европарламенте в Страсбурге.

«Когда приглашают выступать ансамбль, я все остальное бросаю, – рассказывает Фаина Эшмякова. – А когда лично меня – бывает, отказываюсь. Особенно летом. Вот сейчас не поехала в Псков. Нашу деревенскую жизнь ведь никто не отменял. Встаешь в четыре-пять часов утра, идешь в огород, затем в школу на работу; вечером, если силы остались, опять в огород. А если я буду по приглашениям ездить, у меня все сорняком зарастет».

Беседу нашу то и дело стали прерывать юные артистки, являвшиеся в класс за гусями.

«Катя, бери номерной – десятый или четырнадцатый, все настроены, занимайтесь, – говорит руководительница ученицам, – передай девочкам, что уже пора малышей одевать».

МЕЛОДИЯ СВЯЩЕННОЙ РОЩИ

Сейчас у Фаины Эшмяковой два состава – детский и взрослый. Название у ансамбля одно «Шьжарвлä», то есть «Сестрички». В прошлом году в очередной раз гусярши после окончания девятого класса разъехались по городам учиться. Погоревала руководительница ансамбля лето и набрала новый состав, из детей 8 лет. Оставаться до одиннадцатого класса в сельской школе не многие хотят и могут. Выражение «ходить в школу» здесь означает совсем не то, что в городе. Некоторые ученицы из соседних деревень порой ходят в школу через поля и овраги по несколько километров – школьный автобус не везде и не всегда ездит.

Три девушки, оставшиеся учиться до одиннадцатого класса, перешли во взрослый ансамбль. Основной же костяк взрослых – те, кто всей душой полюбил гусли еще в детском составе ансамбля и не смог расстаться с инструментом. Они приезжают на репетиции из окрестных сел и Козьмодемьянска.

Гусярши сами оделись и одели малышей в концертные костюмы. Гуслей на стеллажах не осталось. Концертного зала в школе нет. Единственное место, где помещается ансамбль – школьный коридор. Под портретами заслуженных учителей школы и начался концерт. Сначала играли «Мелодию священной рощи», которая исполнялась во время языческих молений в рощах,

Фаина Викторовна показывает самые старые гусли своей коллекции. В ансамбле их использовать слишком хлопотно, даже колки у гуслей деревянные

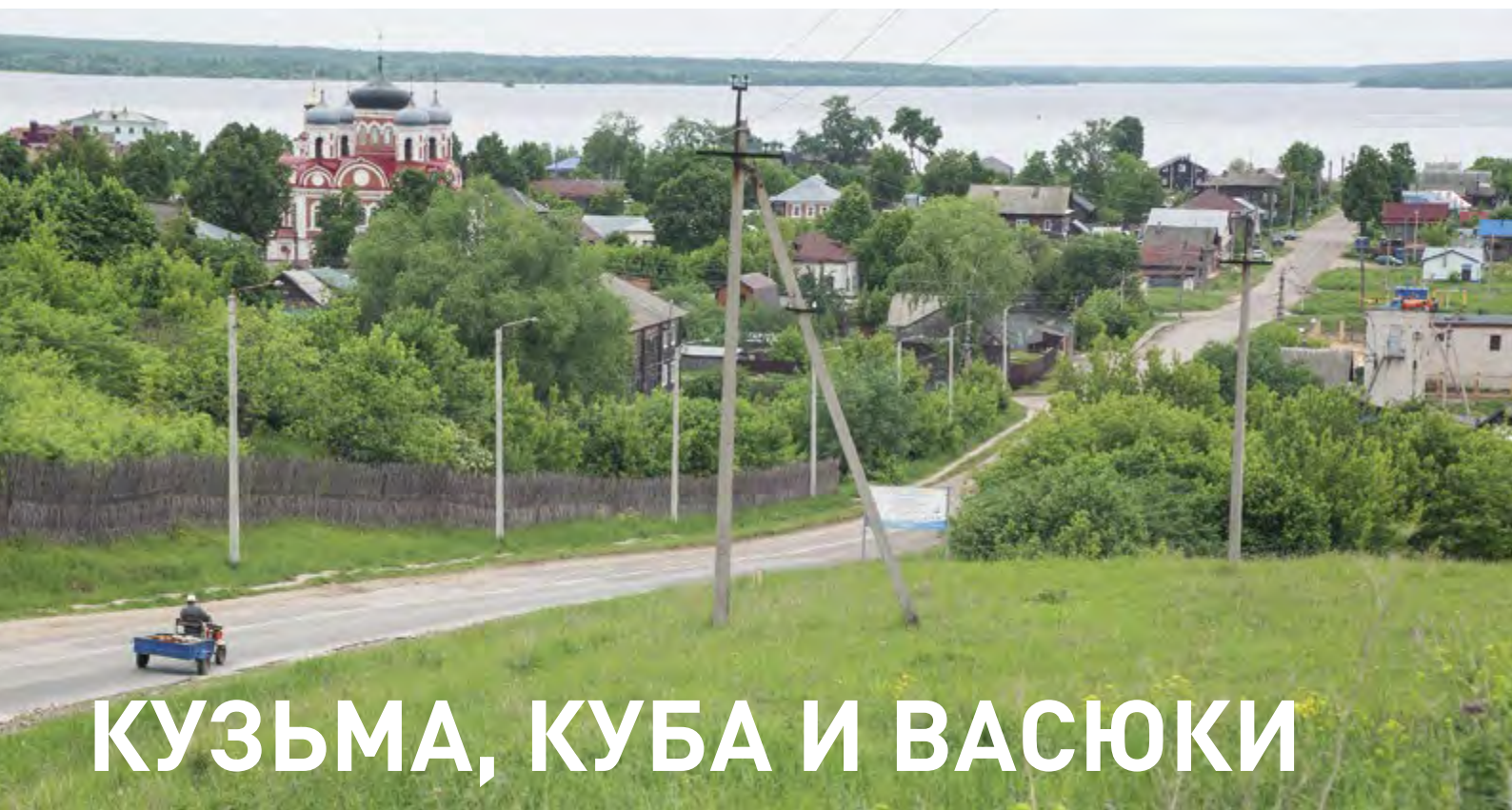

Металлические колки в современных марийских гусях избавили музыкантов от постоянной заботы о строе инструмента

затем «Марш Акпарса». Акустика в коридоре, кстати, очень хорошая – звуки струн носятся в узком пространстве какими-то волнами, переливаются эхом и даже несколько секунд звенят в воздухе после того, как гусярши уже перестали играть. Такого эффекта в священной роще точно не получишь.

Мальши долго играть пока не могут – им еще предстоит набить мозоли на пальцах, чтобы не замечать жестких металлических струн. Играли мало, но в театрализованном духе. Мало того что подпевали, так еще и с куклами игрались. Привязали к безымянному пальцу веревочку, перекинули ее через условную прялку, а на конце привязали тряпичную куколку. Получается, во время игры кукла как бы пританцовывает.

«Впервые я увидела такую забаву с куклой в 2012 году в Таллине на фестивале финно-угорских народов, – рассказывает Фаина Викторовна. – А затем неожиданно услышала от мамы, что раньше в наших деревнях так же делали. Играли во время молодежных посиделок на завалинках и для большего веселья перекидывали такую куклу через удобную ветку. Мне захотелось возродить традицию. А у нас же на сцене над плечом нет ни березы, ни сирени. Пробовали через микрофон перекинуть – не понравилось. Придумали такие веретенца. Последние восемь лет жизни мамы мы жили с ней вместе – то было время откровений, я многое от нее узнала, что-то переняла. В сознательном возрасте я ведь с мамой мало общалась. После школы уехала в училище, потом замужество, работа, университет. А здесь мы провели столько времени вдвоем. Она много вспоминала, я записывала. Мой интерес побуждал ее предаваться воспоминаниям все больше и больше. Темы были семейные и музыкальные. Мое чувство гуслей в те годы обогатилось бесценно. Ведь гусли – это моя жизнь, гусли меня лечат, спасают от депрессии и тяжелых переживаний». ■

КУЗЬМА, КУБА И ВАСЮКИ

АВТОР

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ [ФОТО АВТОРА]

ГОРНОМАРИЙСКИЙ РАЙОН РЕСПУБЛИКИ МАРИЙ ЭЛ. ДОРОГА ИЗ ЧЕБОКСАР В КОЗЬМОДЕМЬЯНСК НЫРЯЕТ В ГЛУБОКИЙ ОВРАГ С НЕБОЛЬШОЙ ДЕРЕВНЕЙ, ПЕТЛЯЕТ ПО УЛИЦЕ И ЗАБИРАЕТСЯ НА ГОРУ. А СПРАВА – ВЕЛИЧЕСТВЕННЫЕ ВИДЫ ВЫСОКОГО БЕРЕГА ВОЛГИ, ИЗРЕЗАННОГО ОВРАГАМИ.

К ОЗЬМОДЕМЬЯНСК или Кузьма, как ласково называют город жители, – столица горных мари. Долгое время он был крупнейшим городом марийцев, ему впору было бы стать и столицей республики. Но в 1920 году, когда образовалась Марийская автономия, выбор пал на скромный Краснококшайск (бывший Царёвококшайск), который в 1928 году переименовали в Йошкар-Олу. Создатели автономии выбрали не историю, а географию: Краснококшайск располагался в центре марийских земель и на левом берегу Волги, где живет подавляющее большинство марийцев. А Козьмодемьянск – город

на окраине автономии, стоит на правом берегу Волги и до сих пор не имеет моста. Напрямую из Йошкар-Олы в Кузьму можно попасть, только переправившись через Волгу на пароме. Он курсирует между берегами около десяти раз в день. На при-

стани я с интересом наблюдал за работой этого редкого для городского жителя вида транспорта. Другое дело местные жители: пассажиры спешили по своим делам, ловко спрыгивая с едва коснувшегося берега трапа; автомобилисты в который раз высказывали претензии – за переправу легковой машины выложи 500 рублей. Сейчас паром работает быстро, не то что в былые времена. Не зря же выход с причала украшают огромные якоря: на больших грузовых кораблях такие якоря завозили вверх по течению, якорили ими судно, а затем канатами подтягивали его к пристани. Иначе гигантам прошлого было не пристать к берегу.

Самая яркая городская «вывеска» встречает въезжающих в Козьмодемьянск с парома на машине

Рисунок Козьмодемьянска, сделанный Адамом Олеарием

немецкому путешественнику Адаму Олеарию, побывавшему в городе в августе 1636 года. «Город имеет своего наместника или воеводу, – писал путешественник. – В этой местности растёт очень много – даже целые леса – лип, с которых жители дерут лыко и развозят его по всей стране, приготовляя из него сани, посуду или ящики. Дерево они режут на цилиндрические части, выдалбливают их и пользуют-ся ими как ушатами, бочками и т.п. Они также выделывают из них целые лодки, челноки и гробы».

Торговля лесом сыграла главную роль в развитии города. В XIX веке здесь проходила вторая по товарообороту лесная ярмарка в России. Выбор места связан ещё и с тем, что рядом находится устье Ветлуги, по которой традиционно сплавляли огромные беляны с лесом.

Козьмодемьянск также стал и перекрестком важнейших дорог Поволжья – Московского тракта, соединяющего Казань и Москву, и Сибирского тракта, уходившего через городскую переправу на левый берег Волги и далее на Вятку. Ну, и водный путь по Волге с бечевником, по которому тянули лямку бурлаки, проходил здесь же.

А ямщики образовали Ямскую слободу на берегу реки. В начале XIX века она состояла из двухэтажных домов с подклетами, крытых дранкой на два ската. Дома на ближней к берегу улице стояли задом к Волге. Глядя на это, проходившие мимо бурлаки посмеивались над ямщиками.

ОСТРОГ, ЯРМАРКА И ПЕРЕКРЕСТОК

Козьмодемьянск был основан в 1583 году как крепость. По преданию, место для нее выбрал сам Иван Грозный. Возвращаясь после покорения Казани, царь остановился здесь на ночлег в день памяти святых бесребреников Космы и Дамиана. Высокий, изрезанный оврагами берег хорошо подходил для создания укрепления. Другая легенда дополняет историю именем марийского национального героя Акпарса. Местный князь Акпарс с дружиной принимал участие в походе на Казань и был активным сторонником вхождения марийских земель в состав русских. В память об основании города у пристани сооружен небольшой часток с посеребренной скульптурой Акпарса. Героя вылепили в стрелецком кафтане – таким нарядом его одарил Иван Грозный за верную службу. Для ясности слова о кафтане из гусярного «Марша Акпарса» выведены на доске рядом. Чего-то ещё марийского в становлении Козьмодемьянска поч-

ти нет – исторически это русский город. Жить и работать в Кузьме могли только крещёные марийцы, а таких в первые века существования города, вероятно, были единицы. Первый достоверный взгляд на Козьмодемьянск принадлежит

Трудная пора на переправе в межсезонье, когда лёд ещё не стал, а паром уже не ходит

Акпарс в стрелецком кафтане

Владимир Шерстнёв
показывает город
с высоты

Этикетка
лучшего
городского пива

ВОДА И ОГОНЬ

Многие путешественники помнят Кузью в своих путевых дневниках. Правда, не все они останавливались в городе. Так, в мае 1767 года Екатерина II во время своего путешествия по Волге страшно огорчила козьмодемьянцев: «Изволила кушать и ночевать на своей галере выше города в трех верстах».

Зато в мае 1798 года по дороге в Казань Козьмодемьянск почтил вниманием император Павел I с сыновьями Александром и Константином. Экипаж императора горожане внесли на гору на руках. Ночевала царская семья в деревянном доме купца Колесникова. Во время приема Павел I пожелал отведать волжской воды. Бочонок для императора зачерпнули на середине реки. Павел выпил стакан и сообщил окружающим, что вода ему очень понравилась. Интересно, рискнул бы он пить из Волги сейчас?

Повезло, что такие подробные сведения о визите царственных особ сохранились: пожары были настоящей напастью Козьмодемьянска, в огне погибло множество архивов разных времен. Так, в пожаре 1693 года в Ямской слободе «церкви божии и дворы ямщицьи все погорели без остатку», так что ямщики на пепелище «помирали голодной смертью». В мае 1833 года сгорел почти весь город: 418 домов, включая библиотеку. От огня горожане спасались в лодках на Волге.

БАКЛАБОРАТОРИЯ И «ВОЛЖСКАЯ БАВАРИЯ»

Чтобы лучше познакомиться с историей города, я отправился в местный Художественно-исторический музей. Хороша модель острога, выполненная по рисунку Адама Олеария; есть стрелецкие пищали и пушки, кольчуга... Большинство средневековых предметов передано из казанского музея. Козьмодемьянск наверняка обладает археологическими богатствами, но масштабных раскопок здесь не проводилось: почти вся зона древней крепости сейчас находится под жилыми домами.

Местные экспонаты в основном из XIX века. Редчайшая вещь —

аппарат для тайного голосования производства Петербургского механического завода. В городе аппарат использовался для голосования в городской Думе. Гласный брал тяжелый шар, просовывал его в аппарат и опускал шар либо направо — «за», либо налево — «против». Шар попадал на площадку соответствующего счетчика, своим весом ее опускал, прибавляя на счетчике один голос, и выкатывался наружу. Впрочем, как описывает подобное голосование Лев Толстой в «Анне Карениной», тайным оно было довольно условно: опытный глаз по движению локтя понимал, куда голосующий отправляет шар.

Аппарат
для тайного
голосования
в полной
исправности.
Нет только шара,
чтобы проверить
его в действии

Первый в городе типографский
станок американского производства

Исследование бакпосевов
в лаборатории. Начало XX века

Ручной типографский станок, деревянные и металлические литеры – все, что осталось от первой городской типографии. Открыта она была в 1897 году, являлась единственной типографией в Марийском крае и на пути между Нижним Новгородом и Казанью. Аптечку известного городского доктора Николая Викентьевича Ковалевского с множеством маленьких флаконов дополняет большая колба со стерильной в формалине. Зачем понадобилось консервировать обычную для того времени волжскую стерлядку, непонятно. Теперь уже это

Нос у стерляди «выныривал»
из формалина и потому испортился

ценность музейная – рыбине около 150 лет.

По медицинской части город прославился тем, что здесь появилась вторая бактериологическая лаборатория в России. Первая была открыта в Одессе в 1886 году попечением Ильи Мечникова. Тогдашний городской голова Козьмодемьянска, Павел Федорович Бычков, посчитал необходимым занять в своем городе такую же: холера и прочие эпидемические заболевания были реалиями жизни. В Одессу на двухмесячное обучение был отправлен доктор Ковалевский, закуплено оборудование, и в 1887 году баклаборатория заработала.

После революции 1917 года на Бычкова наложили контрибуцию в 25 тысяч рублей, у него конфисковали дома и заводы, но он все же остался в Козьмодемьянске, где и умер в 1925 году

«Павел Федорович был главой города почти двадцать лет, – рассказывает ученый секретарь Козьмодемьянского музейного комплекса Владимир Леонидович Шерстнёв, – сотворив множество благодеяний городу. Помимо прочего Бычков был крупным предпринимателем, имел в Поволжье несколько заводов и промышленных предприятий. Часто жертвовал личные средства для развития города, вкладывал в образование, медицину, обеспечение пожилых людей. В предпринимательской деятельности он был очень успешен. Сохранилась история, как в Москве в одном из дорогих ресторанов Бычков попросил подать ему самого лучшего пива. Ему принесли «Волжскую Баварию» его собственного завода».

ГОРОДСКИЕ КУЛИБИНЫ

Отдельное место в музее отведено козьмодемьянским мастерам. Токарный станок с ножным приводом из позапрошлого века тут главный экспонат. Служил он в Музыкально-столярной школе, где учили делать музыкальные инструменты: гусли, балалайки, скрипки... Школа была открыта в 1913 году и являлась первым подобным учебным заведением в России.

В городе было немало прекрасных техников и мастеровых. Судя по архивным данным, по-

За станком
в Музыкально-
столярной
школе

сле революции 1917 года они ожидали революции технической. В их головах рождались самые смелые идеи. Так, в 1921 году Алексей Брагин предлагал новой власти построить электростанцию «аккумулирования силы ветра». На мощности станции должна была работать сконструированная им система: что-то вроде подвесной дороги в нагорную часть города, которая поднимала бы от причала баржи вместе с грузом! До революции Брагин служил лесником, но в 1918 году решил заняться техникой и довольно быстро завоевал репутацию талантливого инженера.

В 1922 году городской техник Андрей Лебедев писал властям, что часы на пожарной каланче идут абы как, из-за чего горожане опаздывают на работу и не имеют представления о точном времени. Лебедев предлагал сделать большие солнечные часы. Требовалась ему только высокая каменная стена, обращенная на юг и хорошо оштукатуренная. Остальную работу он брал на себя. В оплату просил... два пуда (32 килограмма) пшеницы. Кулибиных, к сожалению, не поддерживали, проекты так и остались задумками.

Один из представителей нынешних золотых рук Кузьмы – Алек-

сандр Викторович Воронов. Мы с Владимиром Леонидовичем зашли к нему в музейную мастерскую. Александр Викторович в первую очередь искусный судомоделист: модели старых грузовых судов, а также модель средневекового острога в музее – его рук дело. Мы же застали Александра Воронова за работой по восстановлению старинных наличников. Мастер аккуратно и точно удалял ножом прогнившее дерево. Резные украшения Кузьмы он знает как никто.

Резной мезонин Музея купеческого быта

Александр Воронов реанимирует старинные наличники

РОСКОШЬ КУПЕЧЕСКАЯ

Резьба на домах, пожалуй, главная архитектурная изюминка Кузьмы. Местное купечество вкладывалось в украшения своих жилищ. Отрадно, что и нынешние жители не отстают – заботятся о сохранности труда прежних резчиков. Больше всего таких домов по улицам Лихачева и Советской, идущим вдоль набережной. Резьба очень разная – прорезная, ажурная, наполненная цветами и орнаментами. Все это в основном творения середины XIX – начала XX века. Какой резьбой украшали дома раньше, неизвестно, вся красота сторелась в пожаре 1833 года. Видно, что и в советское время страсть к наружной резьбе не отпускала местных жителей. Чего стоят, например, серп и молот с марийскими орнаментами, красующиеся между традиционными наличниками. Музей купеческого быта расположился в одном из сохранившихся купеческих деревянных домов. Внутренняя планировка дома осталась почти в неизменном виде. Просторные комнаты и коридоры, печи, четырехметровые потолки и низенький полуэтаж-мезонин. «Планировка сохранилась из-за того, что здесь располагался ревком партии, – объяснила сотрудник музея Надежда Владимировна Сильвестрова. – Новые хозяева только двойные двери в кабинетах ставили в качестве защиты от подсматривающих и подслушивающих».

Изначальными хозяевами дома была семья купца Шишокина. Надежда Владимировна с азартом рассказывала о купеческой жизни, увлечениях музыкой, танцами, книгами. Интересные издания, которые шли бесплатным приложением к известным литературным журналам, представлены в книжном шкафу. Таким образом чтение продвигалось в массы: простенько изданное приложение раздавалось прислуге и дворовым, обученным грамоте. Предметы-загадки из быта прошлого здесь также имеются. Если стиральная машина с отжимом еще узнаваема, то слуховой ап-

Марийская изба
с земляным полом
в Этнографическом
музее

парат, медный сосуд для приготовления мороженого, жом для обжимания пробок на флаконах – настоящие загадки для современного посетителя музея. А вот еще загадка: почему на большой коробке из-под конфет, выпущенной в 1912 году к 100-летию победы в Отечественной войне, изображены не победители, а Наполеон во всей красе... А вот интересное деревянное кресло: спинка в виде дуги упряжки с любимой пословицей ямщика «Тише едешь, дальше будешь»;

подлокотники – в форме топоров, на сиденье лежат зимние рукавицы и балалайка. Такое кресло придумал петербургский мастер Василий Петрович Шутов. В 1870 году на Всероссийской выставке в столице он был награжден за это изделие бронзовой медалью. Кресло стало так популярно, что оказалось даже в покоях императора Александра III. По всей России мастера взялись делать реплики шутовского кресла. Местный мастер разукрасил свой экземпляр марийскими узорами.

Бывшие хозяева
здания музея –
семья купца
Шишюкина

Жом для
обжимания
пробок разного
диаметра

ДОМА «ИЗ КАМНЮ»

Почти вся старинная архитектура Козьмодемьянска сконцентрирована в Нижнем городе. Нагорная часть интересна, скорее, в качестве исторического терренкура. Забраться на высокий берег можно по тропинке вдоль средневекового рва, по железной лестнице в тенистом овраге, по мощеному взвозу XIX века (ныне улица Разина). Наверху стоят дома в основном советского периода или современные; планировка же улиц осталась старая. Планировка, конечно, условная: лабиринт узких улочек, переулков и тупиков, порой заканчивающихся обрывом. Если бы Владимир Леонидович не согласился стать моим провожатым, я бы точно заблудился. Во время прогулки мы познакомились с местным жителем и прошли к нему в огород, расположенный аккуратно на месте средневекового рва и крепостной стены. Хозяин сокрушался, что для занятий земледелием это не самое подходящее место: полметра в глубину – земля, дальше – сплошные камни и глиняные черепки... Каменные особняки дворяне и купцы тоже строили. По той же улице Лихачева есть несколько таких зданий. Например, Художественно-исторический музей.

Слуховой
аппарат

Располагается он в бывшем доме купца Пономарева. Правда, пожить в нем купец смог недолго. Пономарев взял большую ссуду на строительство, но расплатиться не смог и в 1905 году был вынужден продать дом Дворянскому собранию.

Где-то здесь, между домом Пономарева и базарной площадью, в конце XIX века стояла огромная лужа, впечатлившая сошедшего с парохода Владимира Ивановича Немировича-Данченко. Так что он заметил прохожему:

– Экий у вас город неприглядный!

– Зачем тебе лучше, – парировал горожанин. – Смотри: церкви есть, дома из камню. Сгорела площадь с домами – новые строят. Наш город, поди, и Москве не уступит. В таком городе и царю жить не стыдно!

Если пройти на запад по улице Лихачева, окажешься у «Стрелецкой часовни». Это самая старая постройка Козьмодемьянска и всей Республики Марий Эл. Освящена в 1698 году во имя Спаса Нерукотворного. Построена «из камню» стрельцами после Азовского похода Петра I. 240 местных стрельцов принимали участие в походе на Азов, где и поклялись, что, если вернутся домой, воздвигнут часовню. Сколько их вернулось – неизвестно, в челобитной Петру о постройке часовни значатся только Петрушка Сапожников и Лука Елин.

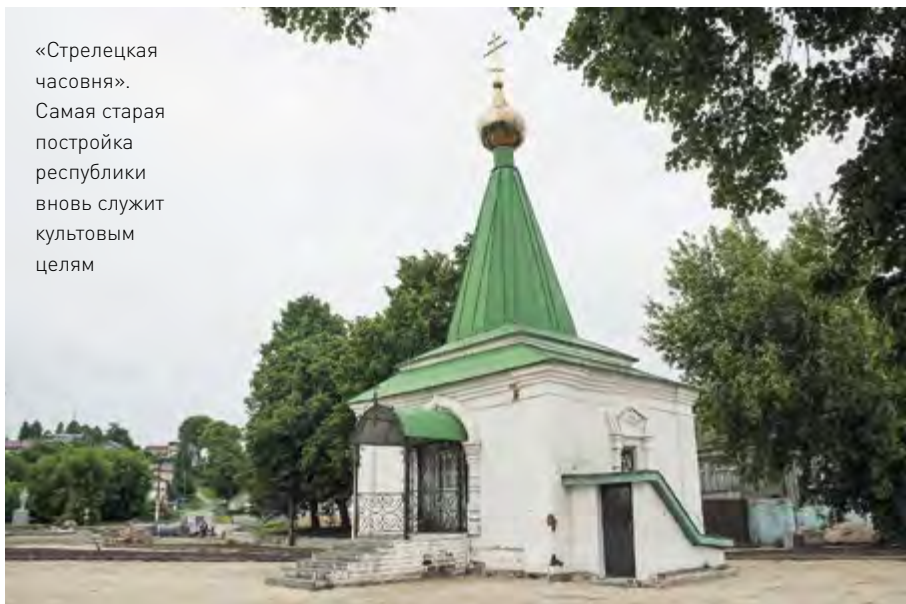
Как изначально выглядела часовня, сказать сложно. Вероятно, в XIX веке во время ремонта крышу сделали в форме большого купола. В 1984 году крышу переделали в шатровую и увенчали маковкой с крестом. Тогда историческая точность мало кого

Вид на Козьмодемьянск начала XX века

Старинная колода для пчел в Этнографическом музее

«Стрелецкая часовня». Самая старая постройка республики вновь служит культовым целям

волновала. Хорошо, что сохранились стены с кирпичными украшениями на окнах и воротах. В советское время в часовне работал ларек по продаже керосина, после она была заброшена, так что к 1980-м годам едва не развалилась. Строение туристов мало интересует, идут они в основном мимо – в расположенный рядом Музей сатиры и юмора имени Остапа Бендера.

КУЗЬМА – ВАСЮКИ

Узнавать в Кузьме Васюки из романа «Двенадцать стульев» начали в 1970-х годах. Две экранизации романа – 1971 и 1976 годов – привлекли общественное внимание и к произведению, и к Васюкам. Позднее Владимир Шерстнёв, отвечая на приходившие в адрес музея письма, написал статью о параллелях между литературным образом и реальным городом. «Оба города стоят на правом берегу Волги вдалеке от железной дороги, – рассказывает Владимир Леонидович. – После побега от разъяренных васюкинцев герои романа идут вниз по реке и наутро видят Чебоксары. Никакого другого города между Козьмодемьянском и Чебоксарами нет. Численность населения Васюков (8 тысяч человек) и занятия (лесные материалы, смола, лыко, рогожи) также соответствуют Козьмодемьянску середины 1920-х годов. Кроме того, в 1925 году в городе побывал один из авторов романа, Илья Ильф. В качестве корреспондента газеты «Гудок» писатель участвовал в рейсе парохода «Герцен», который распространял облигации крестьянского выигрышного займа – почти точный сюжет романа, написанного два года спустя».

Идея о том, что Васюки «списаны» с Кузьмы, была подхвачена и жителями, и властями. Вместе

Остап Бендер, укравший коня
у одноглазого шахматиста.
Развязка близка...

с музеем в 1995 году родился фестиваль сатиры и юмора «Бендериада». Он проходит ежегодно, любим туристами и юмористами, включен в общероссийский Национальный календарь событий.

В день праздника Козьмодемьянск переименовывают в Васюки, мэр передает ключ от города Остапу Бендеру, роль которого исполняет народный артист Марий Эл Юрий Синьковский. Он же выступает в роли автора фестивальных развлечений. В частности, проводит аукцион по продаже стульев. Стулья выставляют самые разные, продаются они по 2–3 тысячи рублей. В одном из лотов зашита табличка «Бриллианты ваши». Покупатели тут же вскрывают приобретенные стулья, а счастливчик, нашедший табличку, получает золотое украшение с бриллиантами. Первое время бриллианты зашивали в стул – до того момента, пока как-то раз перед праздником стулья едва не выкрали из музея. Не актеры, а настоящие Остапы Бендеры, как видно, на фестивале тоже присутствуют.

Сеанс одновременной игры в шахматы на «Бендериаде» много лет вел настоящий международный гроссмейстер Евгений Андреевич... Васюков! Шахматиста на фестивале то и дело донимали вопросами: «Вы правда из Васюков?»

13-Й СТУЛ

А в обычные дни посетителя музея самого превращают в Остапа Бендера. Надевают полосатый пиджак, фуражку, шарф. Для желающих переодеться полностью висит та же табличка, что и на магазине в романе: «Штанов нет». Посетитель может перевоплотиться и в Кису Воробьянинова. Обращаются с экскурсантами примерно так же, как авторы романа со своими героями. Начинается путешествие в Васюки с транспаранта «Сеятель», из-за которого Остапа с Кисой высадили «черт знает где». Гротескного «Сеятеля» можно сравнить с настоящей картиной белорусской художницы Н. Григорьевой, на которой сеятель разбрасывает полисы ОСГОВТС (белорусский аналог ОСАГО).

Сотрудница
Музея сатиры
и юмора
Татьяна
Владимировна
Забродина
проводит
экскурсию
под стать
экспозиции –
с юмором

На вывеску
Бендер
отреагировал
так: «Фу, как
грубо, сразу
видно, что
провинция.
Написали бы,
как пишут
в Москве:
«Брюк нет»,
прилично
и благородно»

В романе Бендер с Воробьяниновым посещают парикмахера. Сотрудники музея выяснили, что в конце 1920-х в Козьмодемьянске имела цирюльня, украшенная вывеской «Стригу и брею Козлов». Текст был написан заглавными буквами, точка перед фамилией цирюльника вроде бы имела, но ее постоянно затирали хулиганы... Сегодня такая же вывеска красуется на воссозданном рабочем месте цирюльника тех лет.

Женщины активно участвуют в интерактивной экскурсии, наряжаясь Эллочкой-людоедкой: крутятся у зеркала в «шанхайских барсах», пытаются объяснить с великим комбинатором 30 словами.

Есть тут и «Буфет» из романа «Золотой теленок», где пиво отпускали только членам профсоюза, и автомобиль «Антилопа-гну». Музей не ограничивается только романами Ильфа и Петрова. Так, рядом с комнатой мадам Грицацуевой выставлены три десятка свадебных фотографий молодоженов Кузмы разных времен.

Собрание старых фотоаппаратов в музее также не случайно. Илья Ильф любил фотографировать, 800 рублей на первую фотокамеру ему одолжил собрат по перу. Евгений Петров по этому поводу потом иронизировал: «раньше у меня были деньги и соавтор, а теперь – ни того, ни другого. Ильф только и делает, что снимает, проявляет и печатает».

Завершает экскурсию по музею огромный 13-й стул с условным бриллиантом на сиденье. Мораль такова: не ищите сокровищ по всей земле – подлинное сокровище рядом с вами и лежит на поверхности.

ОТ КУБЫ ДО ГОРНЫХ МАРИ

Справедливости ради нужно сказать, что Козьмодемьянск стал превращаться в беспросветные Васюки в начале 1990-х годов. В позднесоветское время это был крепкий провинциальный город, в котором строились многоэтажки, работали заводы, на двух из которых до сих пор держится Кузьма. Все это наследие находится в верхней части города. Есть там два района с удивительными названиями – «Куба» и «Чили». Названия – народные. Каких-то четких границ у них нет. Южно-американскими здешние виды никак не назовешь: частные дома и двухэтажные многоквартирные из силикатного кирпича. Названия районы получили из-за своей удаленности от центра города. Строили их в 1970-х годах, осваивая поля и пустыри. А Чили с Кубой тогда у всех были на слуху. Сами жители заморскими названиями гордятся. Подтверждением тому – ТСЖ, в наименованиях которых фигурируют указанные страны, а также магазины «Чилиец» и «Кубинец».

В те же годы, когда строились «тропические районы», был основан Марийский этнографический музей под открытым небом. На высоком холме сразу за старинными избами для музея нашлось более 5 гектаров земли. Музей открыли в 1983 году – к 400-летию Козьмодемьянска. Старые избы и сараи, предметы крестьянского быта и ремесел свозились со всего Горномарийского района. Многие сооружения – вроде мельницы, мастерских, колодца-журавля,

Троицкая церковь на Пугачевой горе – один из старых храмов Верхнего города. Подняться к ней можно по длинной лестнице в лесистом овраге

В отсутствие туристов «марийская деревня» в музее кажется вымершей – нет ни людей на улице, ни пчел на пасеке

марийских качелей – были построены в старинном стиле современными мастерами. Сейчас новодел не отличить от оригинала – так за сорок лет все составилось. Это настоящее традиционное марийское пространство в городе, где есть небольшая улица, более 60 строений и 7 тысяч старинных экспонатов. Виды на город, Волгу и «марийские горы» здесь самые лучшие. Есть несколько объектов, связанных не с этнографией, а с всепобеждающим энтузиазмом местных активистов и музейных работников. Например, гранитные валуны, на которых любят резвиться дети. Огромные камни доставил из Карелии служащий речного флота Леонид Багров. Большой виноградник – наследство агронома Дмитрия Григорьевича Мельника, который еще на заре появления музея выводил здесь север-

ные сорта винограда. Местная «Изабелла» регулярно плодоносит, виноград вкусный и ароматный, не хуже южного.

Пять гектаров территории музея обнесли высоким плетнем, по-местному «тынником». Плетли ограду несколько лет назад силами всего музейного комплекса: вырубали молодой ивняк и осинник, ставили столбы и поперечины, переплетали прутья.

А еще в музее довелось встретиться с палеонтологом Алексеем Малеванным. Исследователь находит отложения пермского и юрского периодов, пополняет коллекции музея находками ископаемых животных, ведет канал «Каменная жизнь». И верит, что найдет в Кузьме водных динозавров: в юрскую эпоху здесь было богатое живностью мелководье, куда приплывали кормиться большие рептилии... 🐉

Подписывайтесь на журнал **РусскийМир.ru**

Во всех почтовых отделениях России:

по каталогу агентства
«Книга-Сервис» – «Объединенный
каталог. Пресса России.
Газеты и журналы» –
Подписной индекс 43310

В почтовых отделениях стран СНГ:

по каталогам «Российская Пресса»
ОАО «Агентство по распространению
зарубежных изданий» –
Подписной индекс 43310

Через интернет-подписку:

электронный каталог
«Пресса по подписке» от агентства
«Книга-Сервис» на сайте www.akc.ru

За рубежом:

электронный каталог
международного агентства
«Соотечественник» на сайте
<http://www.sootechestvennik.agency>

электронный каталог
ООО «Коммуникационное
Агентство Криэйтив Сервис Бэнд»
на сайте <https://periodicals.ru>

Корпоративная подписка по Москве (доставка курьером):

электронный каталог
«Пресса по подписке» от агентства
«Книга-Сервис» на сайте
www.akc.ru

По вопросам подписки обращаться к Гришиной Ирине
тел.: 8 (495) 981-66-70 (доб. 109)
e-mail: grishina@ruskiymir.ru

Читайте журнал на сайте
<https://rusmir.media>

ФОНД РУССКИЙ МИР

117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 13, корпус 2
www.russkiymir.ru